LIBRARY OF CONGRESS
0000377326?

Chasy svobody

ЧАСЫ СВОБОДЫ

ВЪ

МОЛОДОСТИ

Livov, Fedor Petrovitch

ѲЕДОРА ЛЬВОВА.

ЧАСТЬ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.
1831.

PG3337
.L85C5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, Февраля 3 дня, 1831 года.

Цензоръ *Николай Щегловъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I.	Приношеніе	1.
II.	Ручей	5.
III.	Цвѣтокъ	9.
IV.	Другу моему	12.
V.	Изъ небылицы быль . . .	17.
VI.	Г. Р. Державину	20.
VII.	Сочельникъ	24.
VIII.	На 5 Сентября 1812 года . . .	28.
IX.	Ревность	31.
X.	На возобновленіе кабинета Г. Р. Державина	35.
XI.	Пташкѣ	39.
XII.	И. М. М. на вторичную его женидьбу	43.
XIII.	На смерть Князя Смоленскаго . .	47.
XIV.	Сосѣду	51.
XV.	Красавицѣ	57.
XVI.	Городскому жителю . . .	59.
XVII.	Отвѣтъ сельскому жителю . .	62.
XVIII.	Щастье сѣмейной жизни . . .	65.
XIX.	На возвращеніе Государя Императора по заключеніи общаго мира въ 1815 году .	68.
XX.	На болѣзнь сына	72.
XXI.	На выздоровленіе его . . .	75.
XXII.	А. К. по случаю его отставки . .	78.
XXIII.	Другу въ альбомъ	81.
XXIV.	На день именинъ П. И. Ю. . .	83.
XXV.	М. М. С.	85.
XXVI.	На смерть Г. Р. Державина въ 1816 году	87.
XXVII.	Разуму моему	91.
XXVIII.	На возвращеніе щастія . . .	95.
XXIX.	П. П. Ю. въ альбомъ . . .	98.
XXX.	Д. М. П. на вечеринку . . .	100.

XXXI.	А. П. П. въ день ея именинъ . .	102.
XXXII.	Къ Лирѣ	104.
XXXIII.	Къ Музѣ	107.
XXXIV.	Л. Н. Л. на унынiе . . .	110.
XXXV.	А. Н. Л.	113.
XXXVI.	П. при вторичной посылкѣ Скимнина	117.
XXXVII.	Л. Н. Л., при полученiи отъ него книги для стиховъ	120.
XXXVIII.	Видъ свободной страсти . .	123.
XXXIX.	А. В. В. на неудачи . . .	125.
XL.	Л. Н. Л. въ день его помолвки . .	128.
XLI.	Пріятелю	130.
XLII.	Моей Л.	132.
XLIII.	Приглашенiе на гулянiе . . .	133.
XLIV.	При посылкѣ двухъ подсвѣшниковъ новобрачной въ подарокъ . . .	136.
XLV.	А. В. В.	139.
XLVI.	Другу на домашнiя заботы . .	144.
XLVII.	Къ самому себѣ	147.
XLVIII.	Н. А. Я., живущему въ деревнѣ .	149.
XLIX.	А. Н. Л. въ чужiя краи . . .	153.
L.	На Агатовую песочницу, полученную въ подарокъ	157.
LI.	Урокъ любви	160.
LII.	Чувствованiе Бога . . .	165.
LIII.	Другу, за переписку моихъ стиховъ .	171.
LIV.	В. В. Капписту, при посылкѣ моихъ стиховъ	173.
LV.	Отвѣтъ В. В. Капписта . .	176.
LVI.	Приглашенiе на завтракъ . .	179.
LVII.	Е. Н. Л.	181.
LVIII.	П. М. Н.	184.
LIX.	Цѣна жизни	186.
LX.	П. въ ея помолвки . . .	188.
LXI.	Сравненiе	191.
LXII.	А. въ альбомъ	192.
LXIII.	Мое чувство во 2 день Сентября .	194.
LXIV.	Е. Н Л. лѣкарство отъ разлуки .	197.
LXV.	Стансы	200.
LXVI.	Барону Миллеру Закомельскому, при посылкѣ анапаса	202.
LXVII.	Любителю музыки . . .	205.

Стран.

LXVIII. Рѣкѣ Талажпѣ . . . . . 207.
LXIX. Картины для В. . . . . 211.
LXX. Дѣтскій хоръ . . . . . 214.
LXXI. Зеркало . . . . . 216.
LXXII. Совѣтъ другу . . . . . 219.
LXXIII. Приглашеніе въ деревню . . . . 222.
LXXIV. Письмо на уединеніе . . . . 225.
LXXV. Приглашеніе къ обѣду . . . . 231.
LXXVI. Л. А. Ярцовой . . . . . 236.
LXXVII. Чувство въ 7 день Апрѣля 1823 года . 239.
LXXVIII. П.... бесѣдка на дачѣ . . . . 242.
LXXIX. Д... и С... на пѣніе . . . . 244.
LXXX. А.... Іюня 27 1823 . . . . 247.
LXXXI. Мое чувство въ 2 день Сентября 1823 года 250.
LXXXII. Осень . . . . . 253.
LXXXIII. Благодарность моя ангелу В. В. . 256.
LXXXIV. Заботамъ . . . . . 260.
LXXXV. Званскій видъ . . . . . 263.
LXXXVI. Благодарность за перья . . . . 269.
LXXXVII. Хоръ Октября 23 дня 1823 года П. М. Н. 272.
LXXXVIII. Олишкевичу, написавшему портретъ Л. 274.
LXXXIX. Ѳ. Н. Г., Духовною поэзіею занимающемуся 277.
XC. Моей Музѣ . . . . . 280.
XCI. Приглашеніе А.... . . . . 282.
XCII. Генію . . . . . 285.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Стр.	Напечатано	Читай
7	15	воздохнетъ —	вздохнетъ—
13	1	сталъ	ставъ
—	23	огнисшо	огнисшо
14	24	и отвратили	и отвращали
30	11	богъ	Богъ
47	16	гордишся,	гордится,
52	18	запѣй.	запѣи,
55	7	сирены	Сирены
84	17	голосъ-	голосъ
88	10	скрылась	скрылось
93	23	стрѣлой.	стрѣлой;
102	14	знай,	знай
104	8	не ведетъ.	не ведетъ,
107	7	тѣнь	въ тѣнь
120	3	бѣлой книги	книги
121	14	много	мною
122	6	парнасъ!	Парнасъ!
123	7	висящихъ,	висящи
142	19	въ боли	съ боли
174	1	но но	но
—	21	послалъ	послалъ!
194	19	шы идешь	шы идешь и
200	6	печально	печалью
205	3	Моцардъ,	Моцардъ, и

I.

ПРИНОШЕНІЕ ДРУГУ.

Съ гремушкой шумной, золотою
Въ смѣшной личинкѣ, въ колпачкѣ,
На палочкѣ какъ на конькѣ,
Какъ яспребокъ летитъ стрѣлою,
И прямо прилетѣлъ ко мнѣ!
Кто ты чудакъ? за чѣмъ явился?
Отколь такой ты очутился?
Кто ты, не святочный ли шутъ?
Скажи мнѣ какъ тебя зовутъ?
Не смѣйся! говоритъ личинка,
Меня на свѣтѣ много чтутъ.
Подъ часъ я добренькой дѣтинка,
А часомъ ядовитъ какъ змѣй;
Я часто къ солнцу залетаю
И чудной властію моей,
Я взглядомъ зиму согрѣваю!
Людей — по тысячамъ стрѣляю!
А иногда однимъ словцомъ,
Однимъ холоднымъ вѣперкомъ,
Легко убить меня навѣки!

Кпожъ ты, нечистый что ли духъ? . . .
Ты ошибаешся мой другъ.
Мои края отсель далеки,
И говорить мнѣ недосугъ.
А что меня ты видишь шупомъ,
То знай, что въ шумныхъ городахъ,
Гдѣ всѣ, какъ въ пузырѣ надупомъ,
Кружатся въ свѣтлыхъ суетахъ!
Гдѣ всѣ уже не по природѣ;
Гдѣ носитъ всякъ нарядъ чужой;
Боюсь казаться я въ народѣ
Съ моей природной простотой! —
Собою быть—у васъ опасно!
А такъ какъ я!—вездѣ прекрасно!
Послушай же теперь дружокъ;
Ты пѣсни приказалъ домашни
Немедленно собрать въ кружокъ:
Надѣть на нихъ нарядъ кумачный
И косы сплесть велѣлъ въ узоръ!
И чтобъ въ мишурныхъ лентахъ ясныхъ,
Въ пронизкахъ желтыхъ, синихъ, красныхъ,
Они бы вышли на позоръ! —
Помилуй! во дворцѣ крестьянка
Есть тожъ, что въ городѣ землянка!
Пригорокъ—у высокихъ горъ!
Оставь такія лучше бредни!

Вообрази: какъ пѣсни бѣдны
Покажутся въ крещоной міръ?
Ты развѣ не видалъ Сапиръ
Сверкающихъ на всѣхъ глазами,
И спперегущихъ подъ кустами,
Кого бъ схватишь, и взять въ суму?
Пусть хоръ твой мѣлокъ, и не взгляденъ,
Да вѣдь Сапиръ на всѣ̀ю такъ жаденъ,
Что онъ не спустишъ никому! —
Притомъ, какой ты хочешь чести,
Когда приманчивой и лести
Въ твоихъ домашнихъ пѣсняхъ нѣтъ?
Прими ты лучше мой совѣтъ:
Съ тобою счастіе живетъ,
И въ видѣ добровольно-плѣнной
У хижины твоей смиренной
Отъ времени твой вѣкъ пасетъ;
Представь же ей ты хоръ постылой!
Проси принять его въ покровъ,
И безъ узорныхъ, дальныхъ словъ,
Проси — чтобъ счастье ихъ учило
Не ждать похвалъ со всѣхъ сторонъ,
Не приводить въ восторгъ небесный,
Не слезы извлекать чудесны,
А просто — наводить лишь сонъ!
Тогда наукой сей глубокой
Откроешь ты имъ путь широкой

И въ горѣ услаждать собой!
Тогда быть можетъ въ часъ иной
Подъ хоръ домашній, не запѣйной,
Подъ колыбельный сонный строй,
У счастья въ хижинѣ сѣмейной
Крылатый старичокъ сѣдой
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На косу опершись рукой,
Невольно вздремлетъ постепенно
И къ счастью прислонясь, уснетъ.

Вотъ весь урокъ—прости сосѣдъ! —
Съ симъ словомъ рѣчи сей мгновенно
Волшебный разговоръ утихъ! —
Гремушка, маска, всѣ пропало!
Сверкнули два крыла златыхъ!
Я слышалъ, что-то хохотало
И что-то отлетѣло въ мигъ!

Одинъ лишь лучъ отсталъ отъ чуда!
И въ видѣ ясномъ изумруда
Свернулся въ вензель плѣнной той,
У косой вѣкъ пасется мой!

Мой хоръ симъ знакомъ отличенный,
Прими мой другъ—прими въ покровъ!
Тобою пѣсни вдохновенны
Тебѣ жъ представила любовь!

II.

РУЧЕЙ.

Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,
Ручей—долинъ товарищъ вѣрный
Не кройся—не бѣги въ кусты,
О какъ твой видъ меня плѣняетъ!
Краса небесъ въ тебѣ сіяетъ,
Влюбляешь и бездушныхъ ты.
Ушеснсты скалы, кремнисты,
Не наглядятся на тебя!
Цвѣты румяные, душисты,
Твое сосѣдство полюбя,
Живутъ вокругъ тебя сѣмьями,
А ты, алмазными струями,
Обогащивъ цвѣтной народъ,
И разновидный сельскій родъ,
Бѣжишь самъ онъ своихъ щедрошъ!
Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,

Ручей—долинъ товарищъ вѣрный,
Не кройся—не бѣги въ кусты!
Но ты бѣжишь, ручей жестокій,
Бѣжишь, не внемлешь ты рѣчей,
Чрезъ камни скачешь ты высоки,
Лишь сыплешь жемчуги съ кудрей;
Бѣжишь—и грусть во мнѣ рождаешь,
Полетъ моихъ крылатыхъ дней,
Ты быстротой напоминаешь! —
Ручей,—за тѣмъ ли я пришелъ?
Съ такойже быстротой прелестной
И я съ друзьями дни провелъ,
Съ такоюже свободой лестной,
Я жилъ, и говорить умѣлъ!
А нынѣ я въ разлукѣ съ ними!
О ручеекъ неутомимый,
Пугаешь ты меня струей, —
Бѣжишь,—и нѣтъ возврата ей!
И терема мнѣ всѣ постылы,
Они темница безъ друзей;
Я въ лѣсъ—и стонъ моихъ рѣчей
Скрыпучи сосны повторили!
Твои красы меня плѣнили,
Пришелъ къ тебѣ—и ты ручей,
И ты пресвожишь духъ унылый! —
Вездѣ несносно безъ друзей!...
Но если бъ чудною судьбою

Ручей, ты прекратилъ свой бѣгъ,
Чтобъ вышло изъ твоихъ ушѣхъ?
Опутанъ острой осокою
Ты бы въ темницѣ изсыхалъ,
Тебя бъ и вѣтеръ всюду гналъ,
Сребристый твой народъ крылатый
Разсыпанный по берегамъ,
Достался бъ птицамъ, да звѣрямъ!
И гдѣ въ день жаркій взять прохлады,
Когда кристальны водопады
Въ твоихъ прозрачныхъ теремахъ
Предъ солнцемъ превратятся въ прахъ?
Прохожій зноемъ удрученный,
Пришедъ къ тебѣ почти безъ силъ,
Воздохнетъ—и въ путь пойдетъ унылъ.
Ахъ, нѣтъ ручей!—ручей безцѣнный,
Не становись,—нѣтъ—Богъ съ тобой!
Бѣги, шуми, рѣзвись съ весной;
Мое желанье безразсудно, —
Мы часто—полны суетой,
Хотимъ того, что̀ вредно, трудно!
Когдажъ любимые мои,
По прежнему ко мнѣ слетятся,
Мои унылы, темны дни,
Тогда, какъ солнцемъ освѣтятся,
Тогда и ты, ручей драгой,
Теки попише, какъ возможно,

И радости моей неложной,
Не заглушай твоей волной;
Тогда взыграю я съ тобой,
Какъ серна на горахъ дубравы,
Или какъ ты—когда весной,
Разрушивъ зимнія заставы,
Течешь среди блестящей славы; —
Съ горы стремглавъ летишь на лугъ,
Летишь,—и съ шумомъ камни роешь,
Сребристый пѣной путь свой кроешь,
Блестящій мечешь въ верхъ жемчугъ!

III.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ любимый, аромашный,
За чѣмъ такъ рано ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный?
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!
Давно ль изъ зимней ты темницы?
Давноль изъ тягостныхъ оковъ? ....
За что должны мои теплицы,
Могилу представлять цвѣтовъ?
Лишь солнце жизнь тебѣ послало,
Алмазы, пурпуръ, аромашъ, —
Лишь прелесть твой открыла взглядъ;
Лишь я узрѣлъ красотъ начало,
Тебѣ со мною скучно стало,
Ты сохнешь, и красѣ не радъ!
Не я ли каждый день съ зарею,
Пунцовый бархашъ твой росою
Обогащалъ какъ жемчугомъ?

Не я ли твой досчатый домъ,
Въ форфоровый дворецъ богатый
Одной минутой обратилъ?
Не яль тебѣ кристальны лапы,
Отъ непогоды подарилъ,
И видѣлъ, какъ дитя крылатый,
На солнечныхъ спустясь лучахъ,
Рядился въ твой уборъ богатый,
И стрѣлы хоронилъ въ листахъ!

Цвѣтокъ любимый, ароматный,
За чѣмъ такъ рано ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный?
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!

Не такъ ли ты цвѣтокъ мой вянешь,
Какъ вянетъ счастіе мое?...
Не потому ль что нѣтъ ее?...
Уже ли ты и не вспомянешь
Прелестный станъ и взоръ драгой!
Но гдѣ она?—тутъ смерть съ косой!
Гдѣ жъ край, гдѣ горы, море, бездны,
Гдѣ пропасти, гдѣ своды звѣздны,
Въ которыхъ бытъ я могъ бы съ ней?...
Напрасно духъ мой изступленный
Стремится за красою сей!
Когда бы я по всей вселенной
На крыльяхъ молній облеталъ;
Когда бъ я воздухомъ вдругъ сталъ,

И въ мигъ разнесся въ поднебесной;
Ябъ не нашелъ и тутъ прелестной! —...
...Тебя здѣсь нѣтъ!—твой здѣсь лишь прахъ!
Какъ солнце утромъ, въ день весенній,
Или какъ кедръ младый, зеленый,
Ты величалася въ красахъ!
Теперь!—ты тлѣнъ!—горсть сѣрой пыли! —
...Тутъ и красы, и рѣчи были,
Улыбка, станъ, румянецъ твой!
О грусть!—и сердце тутъ землей!
Возвѣй сей прахъ, о вѣтръ унылый!
Онъ мертвъ—онъ хладенъ—ужасъ въ немъ! —
—Иль—оживись ты прахъ огнемъ,
Которымъ я къ тебѣ пылаю!
Что я?—напрасно!—изступаю!
Завянь цвѣтокъ, завянь скорѣй,
Сравняйся съ участью моей—...
Иль нѣтъ!—цвѣти, цвѣти, доколѣ
Ношу я бремя тяжкихъ лѣтъ!
Мой другъ!—доколь въ лѣсахъ и въ полѣ
Не порастетъ травой мой слѣдъ!

IV.

ДРУГУ МОЕМУ.

Свѣти о солнышко златое!
Свѣти на мой счастливый домъ!—
Чтобъ радость мнѣ казалась вдвое,
Чтобъ не зашелъ свирѣпый громъ;
Здѣсь счастіе живетъ тишкомъ.

Я много пережилъ на свѣтѣ
И долго гнался за мечтой!
За чесполюбіемъ въ полетѣ
Не зналъ я равнаго съ собой!
Мнѣ всѣ казались бѣдняками,
Ползущей тварью, червяками...
Одинъ лишь я былъ человѣкъ!
...Въ передникъ протекалъ мой вѣкъ!
Я въ поясъ кланялся карепамъ;
Учился ползать по паркетамъ;
Усмѣшки и слова ловить!
Иль такъ сказать учился жить!

И наконецъ сталъ господиномъ,
Между людьми я сталъ павлиномъ
И поступью и головой!
Но счастья не было со мной!

Наскучило!—и въ путь другой
Пустился вихремъ я крылатымъ;
Казался свѣту пребогатымъ!
Леталъ въ каретѣ щегольской!
Весь штатъ услуги преобширной
Я нарядилъ въ мундиръ сафирный
И залилъ въ золото кругомъ!
Вошелъ въ долги, бралъ безъ отдачи.
И такъ мнѣ сыпались удачи,
Что домъ казался мой райкомъ!

Въ пирахъ моихъ кристалъ, фарфоры,
Сіяли межъ сластей въ цвѣтахъ!
Плодовъ насыпанныя горы
Росли на зеркальныхъ доскахъ!
Какъ златомъ шукомъ покровенны
Жаркія цѣлые быки!
Фазаны сочны, куники,
Обогащали пиръ волшебный!
Огнисто разныхъ странъ вино,
Ліяся изъ стекла въ стекло,
Всю тварь ядущу упоило,
Кидаясь искрами въ уста!
Веселье, счастье, представляло!

Вкругъ насъ порхали сонъ, мечта! —
Хоръ пѣсенъ радостныхъ, согласныхъ
Бесѣдѣ нову жизнь вдыхалъ,
Изъ черныхъ глазъ цыганокъ страстныхъ
Восторгъ какъ молнія, сверкалъ!
То въ плавныхъ, нѣжныхъ оборотахъ
Томилась пламенна чета,
То въ бойкихъ съ свистами налётахъ
Любви сдавалась красота!....
...Тишкомъ лишь время шупъ стояло
И пригорюнившись считало
Какъ крались изъ дверей лѣта!....
Такъ день и ночь я жилъ съ полгода!
Но болѣе такъ жить не могъ!
Лицемъ похожъ сталъ на урода!
Обрюзгъ—все промотало!—изсохъ! —
Пропали всѣ любимы гости!
И мой великолѣпный дворъ
Разсыпался,—изчезъ какъ соръ!
Остались отъ пировъ лишь кости!
Вкругъ дома,—сборъ собакъ, воронъ!
А немощи!—какъ змѣи люты
Терзали духъ мечтой надутый!
И отвратили сладкій сонъ! —
Гдѣ жъ счастье?—гдѣ оно летаетъ?
Не въ сердцѣ ли гнѣздо свиваетъ
Сіе чудесно существо? —

Не тамъ ли я видалъ его,
Гдѣ человѣкъ, обогащенный
Здоровой кучкою дѣтей,
Трудами краситъ вѣкъ почтенный,
И не касается путей,
На коихъ призраки прелестны
Въ темницу къ роскоши ведутъ?....
Нѣтъ! нѣтъ! я видѣлъ слезы тутъ!
Я зрѣлъ, какъ связи сердца лестны
Отъ сердца отрывались вдругъ!
Я зрѣлъ, какъ смертоносный духъ
Дѣтей отъ матери любезной
Навѣки разсѣкалъ косой! —
Я видѣлъ, какъ они толпой
Гнались за гробомъ въ ровъ тотъ тѣсный,
Гдѣ стало счастье ихъ землей!
Не тотъ блаженъ, кто въ жизни тлѣнной
Спесивъ красивымъ рядомъ дней!
Цвѣтокъ весною оживленный
Зимой изчезнетъ средь полей!
Но тотъ лишь счастливъ, кто въ ненастье
Разсыпанныхъ сиротъ собралъ!
Тотъ счастливъ, кто свое имъ счастье
И самъ себя въ услугу далъ.
Гонимый грозною судьбою,
Не будетъ грустенъ онъ рабомъ.

Придетъ минута—и стрѣлою
Онъ прямо полетитъ въ свой домъ;
Свѣти о солнышко златое!
Чтобъ не зашелъ свирѣпый громъ!
Чтобъ радость мнѣ казалась вдвое!
Здѣсь счастіе живетъ тишкомъ!

V.

ИЗЪ НЕБЫЛИЦЫ БЫЛЬ.

Въ туманно время и ненастно
Качалась лодка на мѣли.
Вдругъ вѣтеръ поднялся ужасной,
Туманъ разбилъ—и солнце красно
Пловцу открыло часть земли.
Снялось суденышко несчастно;
И парусокъ направивъ свой,
По влагѣ мчится голубой;
То въ нѣдры водъ себя скрывало,
То сверхъ подвижныхъ горъ мелькало,
Какъ чайка—кто видалъ въ волнахъ!
Летитъ!—забылъ свой кормчій страхъ.
Жемчужны волны вкругъ шумѣли,
Надъ нимъ алмазна зрѣлась мгла.
Но спасшійся пловецъ отъ мѣли,
Почувствуя какъ жизнь мила;
Какъ часто, гдѣ богатство зрится,

Тамъ смерть на встрѣчу очутится,
Заботы, скуки къ намъ бѣгутъ!
Что какъ пузырь въ водѣ ни вздутъ,
А лопнуть долженъ безъ сомнѣнья;
Что самый кладъ средь огорченья,
Не свѣтитъ радостнымъ лучомъ!
„Постой, сказалъ,—я здѣсь знакóмъ.
„Я близокъ къ пристани надежной,
„Отдамъ я *шкотъ* *) тутъ вѣперъ малъ,
„И парусъ опустить здѣсь можно;
„Пора пристать, пора—"приставъ!
И лишь занесъ на берегъ ногу,
„Ну слава Богу, онъ сказалъ,
„Теперь и я открылъ дорогу,
„По коей страсти и мечты,
„Въ дали лишь кажутъ намъ цвѣты!
„Я самъ пустился въ путь веселый,
„И мнилъ мое окончить дѣло
„Богатымъ грузомъ щукъ, лещей;
„Но вмѣсто груза, чуть я тѣло
„Не погрузилъ на дно зыбей!
„Нѣтъ, полно!—эту я ожогу,
„Во вѣкъ не позабуду мой! —
„Часъ добрый!—если минетъ иной,

---

*) *Шкотъ* мореходное названіе той веревки, на коей держатъ паруса.

„Оставя хижину убогу,
„Искать химеры золотой;
„Я и въ избѣ моей сосновой,
„Съ друзьями и въ сѣмьѣ моей,
„Въ работѣ радъ потѣть суровой,
„Да не пойду искать смертей;
„Пускай сама коль ей угодно
„Хотя глазкомъ кивнетъ мнѣ разъ;
„Иль только свиснетъ какъ ей сродно! —
„Какъ Лыскѣ я свищу подъ часъ! —
„Тогда—готовъ я—и безмолвно,
„Во всемъ предамъ себя судьбѣ;
„За счастіемъ гоняться полно,
„Пора его искать въ себѣ.“ —
Въ сихъ мысляхъ шелъ онъ по дорогѣ,
И лишъ приближился къ избѣ —
Онъ счастье встрѣтилъ на порогѣ!

VI.

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

из

Ревеля.

Сквозь воздухъ и туманъ осенній
По низкимъ сѣрымъ облакамъ,
Какъ солнца свѣтъ сверкнулъ мгновенный,
Или какъ вѣшеръ по волнамъ,
Дошла мнѣ вѣсть, пѣвецъ безцѣнный,
Что пѣсенъ хоръ твой вдохновенный,
Собравшійся въ единый кругъ,
Твердитъ такъ чудно, правду въ слухъ,
Что всякъ сй по неволѣ другъ!
Что люди пѣснями прельщаясь,
Волшебный хоръ сей чередой,
Зовутъ то въ теремъ, то въ другой —
А я, у волнъ морскихъ скитаясь,
Унывнымъ шумомъ ихъ питаясь,
Твоихъ не слышу пѣсенъ строй.

Не сладколь страннику въ тревогѣ,
На безъизвѣстной въ ночь дорогѣ
Видъ человѣка отличить!
И отсталая лебедь въ морѣ,
Не встрѣтитъ ли веселье въ горѣ,
Увидя вереницы нить?—
Зачто же я одинъ въ забвеньѣ?
Я.... вскормленникъ, свидѣтель твой,
Когда въ восторгѣ, въ вдохновеньѣ,
Писалъ ты правды видъ святой
И духъ твой облегчалъ слезой!—
Когда вокругъ тебя всѣ Музы,
Плели тебѣ изъ лавровъ узы
И возхищалися тобой!

Пускай мнѣ странная судьбина,
Меркурію велитъ служить—!...
Я не почту за господина,
Кого я не могу любить!
По долгу буду знать, безспорно,
Какъ обращаются проворно
Монета, сердце, и товаръ;
Какъ Русскимъ грузомъ и судами
Британской правитъ пивоваръ!—
Узнаю я въ торговомъ дѣлѣ,
Что рѣдкая душа та въ тѣлѣ,
Которая къ сластямъ не льнетъ,
Когда между сластей живетъ;

И.... много кой чего знать буду!
Но всякъ ли карпъ идетъ на уду?—
Иной дуракъ будь, или нѣтъ,
Спокоенъ онъ, когда съ сѣмьею,
Веселье въ домъ къ себѣ введетъ,
Доволенъ совѣстью, судьбою,
Богатствомъ онъ не зараженъ!—
И подлинно все въ мірѣ тлѣнъ!
Что жизнь безъ пѣсни?—тѣнь безъ свѣта,
Безмолвна, хладна красота!
Орелъ безъ быстраго полета,
Одна лишь быстроты мечта!
Услышь, услышь пѣвецъ безцѣнный,
Мою къ тебѣ усердну рѣчь,
Пошли мнѣ хоръ твой вдохновенный,
Мнѣ съ нимъ пріятно встать и лечь;
Твоей душѣ прекрасной сродно
Любить, чтобъ всякой въ свѣтѣ жилъ,
Какъ кротким небесамъ угодно
Чтобъ свѣтъ и нищему свѣтилъ!
Закономъ положили боги,
Чтобъ къ счастью были всѣмъ дороги,
Одинъ бы ихъ не зналъ злодѣй!
Въ украшенномъ лѣсу зарею,
Блестящій въ радугахъ ручей,
Жемчужною шумитъ волною,
Подъ шумъ съ крылатою пчелою,

Поешъ и чижъ и соловей!...
И я украдкой отъ работы,
Твои бы пѣлъ согласны ноты
Ушедъ въ кружокъ сѣмьи моей!
Какъ пчелы наполняютъ соты
Я мой бы духъ обогатилъ! —
И правду сердцемъ возлюбилъ! —

VII.

СОЧЕЛЬНИКЪ.

Надъ городомъ летала
Ночь мрачная межъ сновъ;
Съ мечтами засыпала
Крылатая любовь;
Вездѣ все тихо было.
По клубамъ свѣтъ потухъ;
Недвижимо, уныло,
На киркѣ спалъ пѣшухъ!
Въ дали собака лаетъ
Часовъ я слышу бой!
У бутки попѣваетъ
Безсонный часовой!
По улицамъ безмолвно!
Видъ мрачной пустоты! —
Лежитъ по снѣгу томной,
Слѣдъ смертныхъ, суеты! —
Объятый тишиною
Безъ сна ночной порою
Я многое мечталъ,

Разсорился съ собою,
Потомъ и грустенъ сталъ!
Съ зарею думалъ я, прекрасной
Слетитъ къ намъ завтра праздникъ въ міръ!
—Одинъ, съ душою къ злу причастной
Себѣ готовитъ шумный пиръ!
Обиленъ, веселъ, здравъ, забавенъ;
Въ его свѣтлицахъ у Плѣниръ
Сіяетъ яхонтъ, и сапфиръ,
И самъ уваженъ какъ кумиръ! —
—Другой, душою добръ, не славенъ!
Не пышенъ, не высоконравенъ,
Пустырь вспахалъ своимъ трудомъ;
Онъ нищимъ отворилъ свой домъ
Покрытый весь зеленымъ мхомъ.
Собравъ колосья златовидны
Съ единой полосы своей;
Трудовъ тяжелыхъ плодъ завидный!
Дѣлитъ на бѣдныхъ онъ людей;
И въ хижинѣ своей смиренной,
Желанье, славу, счастье скрылъ! —
Но первый роскошью расплѣнной
Хотя въ порокахъ жизнь томилъ
Ни бѣдъ, ни грусти не вкусилъ, —
Въ полглаза дремлетъ онъ въ диванѣ
Съ волшебной страстной красотой!
При любострастномъ истуканѣ

Всѣ прихоти скопясь толпой
Лелѣяли его покой! —
Мечта безмолвно вкругъ летаетъ!
Въ главахъ стоитъ веселый Сонъ!
Какъ вѣтеръ по струнамъ порхаетъ
Въ дали органа слышенъ тонъ....
—А добрый человѣкъ страдаетъ! —
Въ день праздника гдѣ думалъ онъ
Съ убогими дѣлить отраду,
Которымъ по его обряду
Въ избѣ и столъ ужъ былъ накрытъ!
Увы!... изба его горитъ! —
Сквозь кровлю черный дымъ валитъ!
И вскорѣ.... тамъ, гдѣ добродѣтель
Жила для бѣдныхъ лишь людей!
Остался дубъ тому свидѣтель!
И пепелъ между черныхъ пней! —
— Какая страшная картина! —
О непостижная судьбина
Напой отрадой скорбный духъ! —
А ты, несчастнымъ твердый другъ,
Гдѣ склонишь голову къ покою?
Скитаться будешь ты съ тоскою —
Придешь гдѣ жилъ—и со слезою
Отъ пепла прочь ты отойдешь!
Придешь опять съ дѣтьми! съ женою! —
— Уже и пепла не найдешь! —

Такъ насъ мечта туда заводитъ,
Гдѣ кажется отрады нѣтъ! —
Но не насмѣхъ ли насъ приводитъ
Дитя какъ разсуждать начнетъ! —
— И намъ ли знать судебъ законы? —
— Когда бы лѣкарь благосклонный
На вкусъ лѣкарство лишъ давалъ
Кто бъ опъ своей болѣзни всталъ?

VIII.

НА 5 СЕНТЯБРЯ 1812.

Л....., дружокъ мой милый
Вотъ и праздникъ твой пришелъ! —
Какъ мнѣ быть?—все здѣсь уныло!
Вѣкъ нашъ кажется отцвѣлъ!
Пожелтѣлъ и лѣсъ съ печали,
Солнца нѣтъ!—дни крашки спали!
Серпъ сверкаетъ на поляхъ!
И цвѣтки твои прекрасны
Собинки забавъ твоихъ,
Вянутъ предъ тобой всечасно
Вѣтръ унесъ наряды ихъ!
Съ осенью такой унылой
Горе новое спѣшитъ!
Злой пришлецъ въ отчизнѣ милой
Крови жаждою горитъ!
Съ громомъ города валятся
Селы превратились въ прахъ,
По слѣдамъ его родятся
Голодъ, смерть, болѣзнь и страхъ?

Какъ же быть, мой другъ сердечный,
Такъ угодно небесамъ! —
Не грусти—бѣды не вѣчны! —
Солнца не затмить громамъ!
Вспомни ты какъ смерть змѣею
Прямо въ домъ мой приползла!
Въ сердце бросилась стрѣлою,
Гдѣ душа моя жила! —
Свѣтъ очей красы затмился,
Замерла любовь въ устахъ! —
Домъ въ могилу превратился! —
Смерть казалась на стѣнахъ!
Дѣти, какъ птенцы безкрылы
Тщетный издавали стонъ! —
Ночь и день мнѣ говорили
Гдѣ твой другъ?—скажи гдѣ онъ? . . .
Тутъ какъ ангелъ ты прекрасный,
Въ домъ печали снизошла
Собрала сиротъ несчастныхъ,
И сквозь слезы ихъ сочла!! —
Дѣти рѣчь твою ловили: —
Въ взорахъ, радость нѣжныхъ лѣтъ,
Въ сердцѣ—жизнь ихъ находили —
Въ разумѣ твоемъ—ихъ свѣтъ!
Ты сочла ихъ—и волшебно
Удалилась грусть отъ насъ! —

Усмѣхнулась — и многовенно
Падшій въ домѣ громъ погасъ!
Мнѣ!—ты душу вновь вложила
Сердце стало биться вновь!
Взглядомъ—въ счастье превратила,
Плачущу при мнѣ любовь!
Съ твоего вѣнца златова
Свѣтъ мнѣ путь мой указалъ.
О какая мнѣ обнова!
Я опять любить все сталъ! —
Такъ, мой другъ, все богъ на свѣтѣ
Въ каждомъ мигѣ тьма чудесъ!
Зло стремительно въ полетѣ!
Но подъ властію небесъ! —
Предъ возставшею грозою
Вихрь взвиваетъ прахъ столбомъ!
Солнце тмится,—лѣсъ рветъ грядою,
Съ трескомъ молній слышенъ громъ!
Свистъ и вой!—стада смиренны
Въ лѣсъ скрываются съ полей!
Рушатся жилища бренны!
Закипѣлъ хребетъ зыбей
Громъ идетъ—ударъ къ ударамъ
Все дрожитъ подъ звукомъ ярымъ
Гибнетъ свѣтъ среди чудесъ!....
Взглянетъ солнце— громъ изчезъ!....

IX.

РЕВНОСТЬ.

Когда царь свѣта златокрылый,
Разсыпавъ ночи мракъ унылый
Сіяньемъ озаритъ твой домъ:
И сквозь завѣсы пурпуровы
Украдкой пролетитъ лучомъ
Подъ легкіе твои покровы,
Гдѣ ты обнявшись съ кроткимъ сномъ
Чуть дышешь въ тишинѣ глубокой!
Тогда вспревоженный твой сонъ
Узрѣвъ что царь идетъ высокій
И сыплетъ свѣтъ со всѣхъ сторонъ!
Красотъ таинственныя стрѣлы
Изъ ревности въ покровы бѣлы
Хоронитъ отъ златыхъ лучей!
— Власы твои кидаетъ смѣло
Струями по груди твоей!
Лице отъ свѣта уклоняетъ

И даже въ гнѣвѣ похищаетъ
Твою улыбку юныхъ дней! —
Но скучивъ суетой такою
И видя солнечную мочь;
Онъ разлучается съ тобою
И въ гнѣвѣ оплетаетъ прочь!
А ты красавица небесна
За чѣмъ такъ разстаешься съ нимъ?
Что сонъ? мгновенный паръ, иль дымъ!
За чѣмъ такъ мило, такъ прелестно,
Зовешь его!—зовешь твоимъ!
И оставаясь безъ надежды,
Хоть край вiющейся одежды
Ты хочешь изловить за нимъ! —
Но что тревожусь я мечтами? —
И солнце видно любишь ты! —
Сей свѣта царь, съ его лучами,
Влюбленный въ чудны красоты,
Въ твои завѣсы разноцвѣтны
Висящи вкругъ тебя дугой,
Идетъ такъ смѣло!—что примѣтно
Онъ заняпъ весь одной тобой!
—А ты вспаешь при немъ свободно!
И прелести тебѣ природны,
На зависть кроешь полотномъ!
Пускай тоскуешь ты всечасно
Досадуешь на солнце ясно,

И призываешь дождь и громъ! —
Но ты вздыхаешь не напрасно!
—Ошкуда томность на глазахъ?
Зачѣмъ усмѣшки нѣтъ въ устахъ?
Зачѣмъ одеждой ты скучаешь?
За чѣмъ власы съ плечей спряхаешь,
Чтобъ въ нихъ рѣзвился вѣтерокъ!
И тутъ, лишь ты ушла въ лѣсокъ,
Уединенный и прохладный,
Гдѣ въ сводахъ миртовыхъ въ тѣни,
Летаютъ соловьи одни,
Гдѣ вьется ручеекъ отрадный,
Зовущій въ жаръ къ себѣ любовь,
—На встрѣчу мнѣ заботы вновь!
Когда слагала ты покровъ....
Ручей, текущій молчаливо
Въ травѣ высокой и густой,
Кой-гдѣ проглядывалъ ревниво,
Прельщаясь тайно красотой,
Но лишь ты въ воду торопливо,
Спустилась съ берега ногой,
Осмѣлилась, и такъ пріятно
Рѣзвиться вздумала въ волнахъ!
Я видѣлъ, что сей льстецъ, нарядной —
Въ сафирахъ свѣтлыхъ, въ жемчугахъ,
Разсыпался въ красахъ не тщетно
Вился въ власахъ—въ твой слухъ шептalъ!

Тебя струями обнималъ!
Устамъ касался непримѣтно
И напоялъ тебя собой!
И только что изъ волнъ ты встала,
Нескромный сей ручей и злой,
Какъ будто ушѣшался мало!
Нарочно медленной струей
По капельки съ красотъ катился!
И такъ въ досадѣ возвратился
Къ себѣ сверкающимъ дождемъ!
Красавица!—ты ночью, днемъ,
Одушевляешь всѣ предметы!
Стихіи кажется нагрѣты
Живымъ огнемъ твоихъ очей! —
Цвѣтокъ, что ты срываешь въ полѣ,
Лишенный жизни—по неволѣ
Цвѣтетъ еще въ рукѣ твоей!
—Бездушные счастливы въ долѣ
Безъ чувствъ, безъ сердца, безъ огня!
—Возмижъ ты душу изъ меня...

X.

Г. Р. ДЕРЖАВИНУ,

по случаю возобновленія его кабинета.

13 *Апрѣля* 1813

Пріютъ раздумья и забавы,
Ограда отъ мірскихъ суетъ!
Отколь нарядъ твой величавый?
Иль новый зрю въ тебѣ я свѣтъ?
Близъ стѣнъ стрѣлами огражденныхъ,
Сквозь шелковыхъ завѣсъ зеленыхъ
Наукъ обширный виденъ садъ!
Коверъ роскошный подъ ногами,
Усѣянъ вѣчными цвѣтами,
Мой робкій обольщаетъ взглядъ!

Мужей безсмертныхъ лики свѣтлы
Въ безмолвіи стоятъ вокругъ!
Лазурна цвѣта мягки креслы
Къ восточной нѣгѣ клонятъ духъ!
Съ береговъ Невы, зимой прелестны!
Фарфоровы цвѣты чудесны
На воздухѣ висятъ вѣнкомъ;
Съ котораго огни златые,
Въ часы вечерніе, ночные,
Волшебнымъ свѣтятся лучемъ!

Боговъ любимецъ!—Бардъ почтенный
Скажи кто гость?—кого ты ждешь?
Зачѣмъ уборы тамъ отмѣнны,
Гдѣ ты какъ лавръ въ тѣни цвѣтешь?
Драгіе камни разноцвѣтны,
Не потому ли намъ примѣтны,
Что въ нихъ видна игра лучей?
— Камышъ высокій и шумливый
Въ ручьѣ не множитъ блескъ игривый.
— И въ клѣткѣ слышенъ соловей!

Зачѣмъ же новые уборы,
Гдѣ вдохновенной лирой ты
Гранитныя сдвигаешь горы,
И жизнь вдыхаешь въ мертвы льды?

Гдѣ быстрымъ мысль твоя полетомъ,
Божественнымъ объята свѣтомъ,
Коснулася чуть видныхъ звѣздъ;
И новый лучъ стрѣлой летящій
Поставилъ ты какъ столпъ горящій
Отъ странъ земныхъ до горьнихъ мѣстъ!

Зачѣмъ рядить шалашъ смиренный,
Гдѣ Сѣверной Царицѣ ты
Вплеталъ въ вѣнцы ея нетлѣнны
Прекрасной истинны цвѣты?
Шалашъ, гдѣ громомъ Росской славы
Ты отличалъ твои забавы
Какъ отличается орелъ!
Гдѣ острыя коварства стрѣлы
Передъ невинными шутьли,
Гдѣ путь къ безмертью ты нашелъ!

Но кто съ усмѣшкою любезной
Въ дали безмолвно мнѣ грозитъ?
Не духъ ли то любви прелестной
Или хозяйки милой видъ?
Не ей ли сердце приказало
Накинуть свѣтло покрывало
На беззащѣйный твой пріютъ;
Чтобы часы твои безцѣнны,

Любуясь на уборъ отмѣнный,
Легли забывшись отдохнуть?

Блаженъ, кто истинны тропою
Вечернихъ дней своихъ достигъ!
И съ заходящею зарею
Благотворитъ въ послѣдній мигъ!
И кто, свершивъ путь тяжкій, чудный,
Какъ ты чрезъ горы, степи шрудны,
Привелъ здоровье, славу въ домъ!
Гдѣ въ звукахъ лиры сладкогласной
Живешь ты у любви прекрасной
И дремлешь подъ ея крыломъ!

Подобенъ ты рѣкѣ широкой,
Извѣстной славою своей,
Красующейся на истокѣ
Разлитіемъ златыхъ зыбей!
— О Бардъ на Сѣверѣ единый
Продли, продли, полетъ орлиный!
Зари вечерней дорогъ свѣтъ
Идущимъ въ зной въ степи сребристой!
Зеленый дубъ, источникъ чистой
Не рай ли — гдѣ прохлады нѣтъ?

XI.

ПТИЧКѢ.

Птичка рѣзвая, златая,
Что тебя съ пупи свело?
Легкое твое крыло,
Быстрой молніей летая
Небеса съ землей смѣжая,
Утрудиться не могло.
Иль изъ облакъ соколъ ясный
На тебя стрѣлой завылъ?
Но твой видъ и голосъ страстный,
Не разстроенъ, не унылъ. —
Что жъ полетъ твой заманило,
Въ городъ, гдѣ подруги милой
Ты не встрѣтишь межъ людей?
Ахъ, мой другъ! здѣсь тьма сѣтей!
Какъ зимою солнце свѣтитъ,
И не грѣетъ бѣлый снѣгъ,

Такъ никто здѣсь не замѣтитъ,
Сельской пѣсенки утѣхъ! —
Нѣтъ у насъ и той свободы,
Съ коей вѣтромъ ты паришь;
Счастье въ насъ не той породы,
Коимъ ты, мой другъ, дышишь! —
Ты совсѣмъ не знаешь злата!
Пышность не живетъ съ тобой!
И высокая палата,
Что тебѣ предъ вѣтвью той,
Гдѣ любовь съ тобой крылата
Познакомилась весной? —
Ты счастлива и богата,
Если капелька воды,
Колосокъ одинъ зернистой,
Между зелени душистой,
Попадутся за труды!
И гнѣздо, гдѣ ты съ птенцами,
У любови подъ крыломъ
Презираешь мрачный громъ,
Вьешь ты чудными судьбами
Изъ соломы подъ кустомъ!
Что жъ полетъ твой заманило
Въ городъ, гдѣ тебѣ не мило,
И не внятенъ голосъ твой? —
Птичка! слушай, другъ сердечной,
Улетай скорѣй отъ насъ! —

Въ мірѣ жить тебѣ не вѣчно!
Въ жизни дорогъ каждый часъ!
На странѣ чужой не разъ
Можешь сбиться ты съ дороги!
Можешь залетѣть въ чертоги,
Гдѣ ты въ клѣткѣ будешь пыпь! —
А съ родимой стороною,
Можно ль въ свѣтѣ что сравнить? —
Тамъ покажется зимою,
Самый снѣгъ не такъ лежитъ!
Лѣсъ родной не такъ шумитъ!
Волчья яма тамъ знакома,
Въ рѣчкѣ омутъ знаешь гдѣ!
Счастье тамъ ночуетъ дома,
А богатство на сохѣ.
— О мой лѣсъ, въ цвѣтахъ долины!
Кто мнѣ крылья дастъ орлины,
Къ вамъ отсель летѣть стрѣлой?
Гдѣ семьею окруженной
Земледѣлецъ подъ горой
Въ полдень, подъ сосной зеленой,
Сытны щи покойно ѣстъ,
И со хлѣба верхню кромку
Срѣзавъ, онъ кладетъ въ котомку
Для убогаго тѣхъ мѣстъ! —
Тамъ, я презрю славу громку,
И съ умомъ моимъ сберусь,

Грусти дома не скажусь!
Если жъ мнѣ и не удастся,
До вечернихъ дней моихъ
Отъ суетъ отставъ мірскихъ,
Въ поле чистое убраться,
То и въ шумѣ городскомъ,
Восхищаясь сельскимъ сномъ,
Посажу я на свободѣ
Здѣсь березку въ огородѣ,
И отъ зноя въ красный день
Подъ ея склонюся тѣнь!....
— Гдѣ же пташка? — улетѣла!
Та и вѣтка, гдѣ сидѣла,
Лишь качается одна! —
....Не мечталь была она?....

XII.

И. М. М.

На вторичную его женитьбу.

Не унывать въ несчастной долѣ
Есть чистой истины законъ. —
Но кто не рабъ пристрастной волѣ? —
И страсти въ насъ, не столь что сонъ,
Съ которымъ хоть пора разстаться,
Проснуться нѣга не велитъ? —

Какою же ты шелъ дорогой
Любезный, кроткій человѣкъ,
Что ты тропинкою пологой,
Умѣлъ провесть въ забавахъ вѣкъ? —
И гдѣ жъ?—гдѣ пропасти, и горы,
И темные лѣса въ пути! —

Какъ легкій мотылекъ крылатый,
Который вырвясь у дѣтей
Утратилъ съ крыльевъ блескъ богатый; —
Ты былъ въ кругу ненастныхъ дней! —
Но тѣмъже мотылькомъ на солнцѣ
Всегда ты отдыхалъ въ цвѣтахъ!

Ты доказалъ урокомъ новымъ,
Что въ жизни сей, драгой запасъ,
Отрада по путямъ суровымъ!
Не злато и не блескъ прикрасъ,
А терпѣливый нравъ и кроткій,
Который покоряетъ льва.

Въ терпѣніи стяжая силы,
Ты наконецъ туда достигъ,
Гдѣ прекратились дни унылы,
Гдѣ надъ тобой и громъ затихъ!
И гдѣ любовь со счастьемъ новый
Вѣнецъ на бракъ твой принесла.

О смертный! и любви любимецъ!
Вотъ царскій на тебѣ уборъ! —
Вотъ у воротъ твоихъ и крылецъ
Толпы забавъ твой ловятъ взоръ! —

И подъ крыломъ любви пришедшей
Устроенъ и покой тебѣ!

Твоя обитель окружилась
Не заходимою зарей!
Твоя и младость воротилась
И въ радости спѣшитъ домой! —
И время косу уронило,
Дивись на счастіе твое! —

И дни твои донынѣ мрачны,
Вдругъ потекли, какъ быстръ ручей
Течетъ сквозь лѣсъ, въ поля тѣ злачны,
Гдѣ свѣтитъ онъ волной своей!
Гдѣ видъ небесъ изображаетъ
Въ земныхъ излучистыхъ путяхъ!

Внимай!—ты несъ печали бремя. —
Умѣй же въ счастьѣ жить твоемъ.
Опасно тѣмъ счастливо время,
Что взоръ и слухъ тупѣютъ въ немъ!
И часто кто благополученъ
Тотъ глухъ на голосъ нищеты!

Суди: на толь ручей сребристый,
Текущій подъ кудрявый вязъ,

Струитъ въ цвѣтахъ потоки чисты,
Чтобъ сонъ лишь наводить на насъ? —
На то ли красны дни сіяютъ,
Чтобъ съ нѣгой только что гулять?

Суди:—какой тотъ пахарь въ полѣ,
Который въ дождь подъ кустъ бѣжитъ,
А въ красной день, въ обильной долѣ
Въ цвѣтахъ шатаясь, ѣстъ и спитъ?
А жизни трудъ необходимый
Съ дня на день отсылаешъ прочь!

Но ты уменъ,—и не напрасно! —
Ты опытомъ научишь насъ
Какъ съ роскошью сдружась всевластной
Умѣть откланяться ей въ часъ!
Ты знаешь, что и въ вѣтръ попутный
Пловецъ обязанъ знать, гдѣ онъ!

XIII.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ СМОЛЕНСКАГО.

Что такъ незапно духъ влечетъ?
Какія вьются въ мракѣ тѣни?
Не пиръ ли въ адѣ смерть даетъ?
Не кости ль Галловъ погребенны
Въ могилахъ тронулись?—звучатъ!

Орелъ, змѣю въ кохтяхъ держащій,
Встревоженъ свиснувшей стрѣлой,
Бросаетъ плѣницу шипящу
Съ окрававленною главой,
—Орлу весь сѣверъ днесь подобенъ!

Отколѣ палъ незапно громъ,
И молнія покрылась паромъ?
Грохочетъ всюду гулъ кругомъ! —
Какимъ гордишся, смерть, ударомъ,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль страна преславна,
Въ блаженствѣ царствовала ты?
Гдѣ жъ красота твоя державна?
Не тотъ и взоръ—не тѣ черты!
Отколь тамъ грусть, гдѣ духъ великій!

Военный Геній твой въ слезахъ!
Въ густомъ туманѣ рапна сила!
Всеобща скорьбь слышна въ рѣчахъ!
По лаврамъ ты идешь уныла!
Гдѣ сынъ твой, гдѣ безстрашный вождь?

О рокъ!—скажи:—гдѣ вождь нашъ сильный,
Гдѣ воевода грозныхъ стрѣлъ? —
Онъ въ родинѣ своей обильной
На гладъ и моръ враговъ навелъ
И ихъ заставилъ жрать другъ друга!

Гдѣ онъ со пламеннымъ мечемъ
Женящій Князя адской бездны?
Глотавшаго въ пути своемъ
И смрадъ и муки и болѣзни,
Бѣгущаго какъ хищный волкъ!

Откликнись вождь нашъ несравненный!
Осиротѣлъ твой мечъ въ ножнахъ!

На твой лежащій шлемъ священный
Уже валятся ржа и прахъ!
Не спишь ли ты въ сіяньи славы?

Злодѣй земли опять встаетъ,
И страшны рветъ съ себя оковы,
Въ лицѣ, луны кровавый цвѣтъ!
Огнистый мещетъ взоръ суровый!
И змѣи дыбомъ на главѣ!

Проснись!—но что?—желанья тщетны!
Молчитъ весь міръ на голосъ мой!
—Ссѣченный дубъ нашъ крашколѣшній
Не тмитъ уже лучей собой!
И шумъ вокругъ—лишь въ листьяхъ мертвыхъ!

Вотъ Генія блестящій вѣкъ!
Гдѣ умъ?—гдѣ духъ?—гдѣ блескъ и сила?
И что такое человѣкъ?
Коль вѣрна цѣль его—могила?
А сущность—горсть одна земли?

И свѣтъ и прахъ, онъ здѣсь мгновенно!
Но въ облакѣ сей скрытый громъ
Единымъ мигомъ жизни тлѣнной

Быть можетъ вѣчности лучомъ!
О призракъ свѣта непостижный!

Ты рабъ—и рабъ благій иль злой!
Съ закатомъ солнца тѣнь растуща!
Единый Богъ свѣтильникъ твой!
Струя въ пути тебя несуща
Несетъ и червя за тобой!

Отечества сыны прямые
Не унывайте въ скорбный часъ!
Все богъ!—Его лучи святые
Съ рожденіемъ въ сердцахъ у васъ!
Орлу что̀ пропасти бездонны?

Предшественница вѣра вамъ!
Царь Сѣвера, отецъ народный,
Повергнувъ зло къ своимъ стопамъ,
Откроетъ къ счастью путь свободный,
И землю отъ оковъ спасетъ!

Ступай о Россъ!—воитель ада,
Горами бей, и вихремъ рви.
Пустись дождемъ въ подобьи града,
Усѣй враговъ костями рвы!
Заря блаженства за тобою!

XIV.

СОСѢДУ.

Готовъ твой домъ, сосѣдъ спесивый!
Блестящій мраморъ и гранитъ
Кругомъ слились въ столпы красивы.
Какой отвсюду пышный видъ!
Искуство камни оживило!
Любовь и красота дышатъ!

По лѣствицѣ великолѣпной
Усѣянный цвѣтами путь
Зоветъ людей въ предѣлъ волшебной
Въ забвеньи сладкомъ отдохнуть;
Вездѣ прислужники нарядны
Желанья ловятъ на глазахъ!

Тамъ всѣхъ художествъ власть и сила
Питаютъ разумъ, слухъ, и взоръ!
Заботу нѣга усыпила!
Въ садахъ твоихъ весны уборъ!

Въ лучахъ палящихъ водометы
Прохладой напояютъ зной!

А ты, среди отрадъ роскошныхъ,
Какъ кустъ сухой покрытый мхомъ!
Спесивишся въ садахъ цвѣточныхъ,
Людей различныхъ зря кругомъ,
И мнишь, что солнце ты другое,
А прихоти лучи твои!

Ты мнишь, что ты кумиръ нетлѣнный,
Что время спитъ въ твоихъ цвѣтахъ!
Что счастье—сторожъ твой безсмѣнный!
Не вздремлетъ вѣчно на часахъ.
И впрямъ—къ тебѣ всѣ такъ стремятся,
Какъ дѣти къ куклѣ золотой!

Но ты ли собственно собою
Влечешь къ себѣ толпы людей?
Разстанься съ пышной суетою,
Оставь твой домъ, и хоръ затѣй.
Уединись;—и ты увидишь
Кто ты на свѣтѣ самъ собой!

Ты будешь ожидать напрасно
Гостей твоихъ и ночь и день!

Участницей въ судьбѣ несчастной
Одна твоя безгласна пѣнь!
И слухи о тебѣ изчезнутъ
Какъ прахъ летящій съ высоты!

Куда насъ не зовутъ ушѣхи
Туда почти никто нейдетъ.
Ты слышать будешь безъ помѣхи
Какъ съ вѣшви капля упадетъ!
И развѣ иногда ты встрѣтишь
Въ дали горящій волчій взоръ!

Тогда поймешь, что тотъ къ картинамъ,
А тотъ къ твоей музыкѣ шелъ,
Иной къ твоимъ подкрался винамъ,
Другой твоихъ рублей хотѣлъ!
Тотъ мысль твою ловилъ по дѣлу,
Тотъ барскій взглядъ твой у двора!

И не дивись: такъ міръ устроенъ!
Взаимность мѣритъ все числомъ.
Любви тотъ въ жизни недостоинъ,
Кто сердцемъ не живетъ въ другомъ!
Сродство влечетъ предметъ къ предмету
Источникъ ищетъ водъ другихъ!

Ты разставлялъ съ приманкой сѣти,
И ты несытыхъ уловлялъ.
Чему въ твои дивишься лѣты,
Что лишь рыбакъ приманку снялъ,
Въ стремленіи рѣки широкой
Вся рыба мимо поплыла?

Искалъ ли ты путей ко дружбѣ?
Искалъ ли ты кому служить?
Къ взаимной мы родились службѣ,
Родились мы себя дѣлить!
За мишерью дитя бѣгуще
Не опобьетъ ни ночь ни громъ!

Ты скажешь: тьма неблагодарныхъ!
Но всѣ ль равны между собой?
Въ твоихъ фонтанахъ свѣтозарныхъ
Двухъ каплей равныхъ нѣтъ игрой!
Въ пескѣ сыпучемъ и безплодномъ,
Бываетъ и зеленый кедръ!

Кто всѣхъ винитъ, и всѣхъ порочитъ,
Тотъ долженъ быть пороченъ самъ.
Кто жизнь свою себѣ лишь прочитъ,
Тотъ ищетъ тѣни по степямъ.

Что почести и горы злата,
Коль сердце камнемъ у кого?

Что въ нихъ?—что было бъ солнце ясно,
Когда бъ оно не грѣло всѣхъ?
Сосѣдъ! цвѣты твои прекрасны
Не множатъ ли твоихъ ушѣхъ,
Когда въ власахъ твоей сирены
Они при красотѣ цвѣтутъ?

Отколѣ рабъ тобой презрѣнный,
Живущій ночь и день въ трудахъ,
Проводитъ въ пѣсняхъ вѣкъ свой темный?
Подушкой камень въ головахъ!
А праздникъ лишь пришелъ веселый
Стекаются къ нему друзья!

Два, три знакомыхъ сердцу близкихъ
Въ весельи забываютъ трудъ.
Кругомъ стола на лавкахъ низкихъ
Играютъ дѣти и поютъ!
Той хижинѣ сей рабъ подобенъ,
Вкругъ коей обвились цвѣты!

Не славенъ тотъ еще, кто звученъ.
Шумитъ въ болотѣ и тростникъ!
Къ порочнымъ кто великодушенъ
И кто людей любить привыкъ,
Тотъ токмо какъ ручей богатый,
Отъ встрѣчныхъ камней сыплетъ блескъ!

XV.

КРАСАВИЦѢ.

Вчера подъ розовымъ кустомъ
Уснуть ты скрылась въ полдень ясный.
Слетѣлися зефиры страстны!
И припаясь къ кусту кружкомъ,
Лучи палящи опвѣвали,
Качаясь на цвѣтахъ пишкомъ.

Не вдалекѣ ручей игривый
Надежно крылся въ камышахъ.
Гордились класы зрѣлой нивы
Въ цвѣтущихъ крашко васильках,
Я къ вечеру прошелъ тутъ мимо,
И нѣтъ уже тебя въ цвѣтахъ!

Осыпался весь кустъ цвѣточный!
На камняхъ пересохъ ручей!

Блестящій серпъ какъ бы нарочно
Косилъ созрѣлый хлѣбъ съ полей!
Красавица, сама подумай!
Не та ль судьба красѣ твоей?

Здѣсь въ рощицѣ уединенной
Двѣ мирты къ утру разцвѣтутъ;
При нихъ кустъ розъ густой, зеленой,
Журчитъ ручей такойже тутъ!
На утренней зарѣ румяной
Какъ сладко соловьи поютъ!

XVI.

ГОРОДСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Сынъ роскоши и суеты,
Поклонникъ городской забавы,
Усердный рабъ житейской славы,
Пѣвецъ приманчивой мечты,
Зачѣмъ изъ тихой, сельской жизни
Меня ты въ шумъ и въ вихрь зовешь?

Въ свистящемъ вихрѣ все кружится
И собственный теряетъ видъ.
Себя кто долго закружитъ
Тому все кажется валится!
Подъятый прахъ пимитъ солица свѣтъ,
А темный лѣсъ небесъ не кроетъ!

И какъ разстаться съ тишиной,
Когда въ ней жизнь уединенна,
Какъ чистая рѣка смиренна,
Течетъ безмолвною струей,

Стремится къ свѣтлому истоку
И не примѣтно что течетъ!

Путей къ страстямъ въ лѣсахъ не знаютъ,
И не чрезъ нихъ здѣсь къ счастью путь.
Поселянина награждаютъ
Дождь, солнце, и вседневный трудъ!
Кумиры пышные златые
Не пророкаютъ здѣсь судебъ!

У васъ средь роскоши градской,
Огни свѣтъ солнца замѣняютъ,
Личины лица представляютъ,
И злоба смотритъ добротой!
У васъ и въ зрѣлищахъ народныхъ
Всегда по платью царь и рабъ!

Нѣтъ, не зови меня ты болѣ
Туда, гдѣ славенъ пустоцвѣтъ!
У насъ всѣмъ вольно въ чистомъ полѣ!
У васъ и солнце тмитъ сосѣдъ;
И славясь гордыми стѣнами
Мечтаетъ въ робость смерть привесть!

А здѣсь вездѣ меня встрѣчаютъ
Прекрасны истинны толпой;

Въ былинкѣ, смятой подъ ногой,
Лучи премудрости сіяютъ!
Съ восходомъ солнца вижу я
И жизнь и милость въ міръ текущихъ!

Подобныхъ симъ уроковъ духъ
Не только умъ мой украшаетъ,
Но и тебѣ не помѣшаетъ
Какъ твой ни важенъ недосугъ!
Вѣрь мнѣ: природа съ тишиною
Однѣ насъ учатъ жизнь цѣнить!

XVII.

СЕЛЬСКОМУ ЖИТЕЛЮ.

Отвѣтъ.

Не ужли счастіе прямое
Отмѣжевалось ручейкомъ?
Уже ль кто хочетъ жить въ покоѣ,
Тотъ долженъ въ полѣ спроить домъ?
И шамъ цвѣткомъ, иль сельской тѣнью
Умѣть разсѣять грусть и зло?

Нѣтъ другъ мой!—кустъ густой цвѣточный,
Ручей зовущій на покой
Не усыпятъ того собой,
Кто жизнь влачитъ въ цѣпи порочной,
Иль кто слѣпой несчастья сынъ.
Не видитъ сельскихъ тотъ картинъ!

Когда на гордый кедръ зеленый
Опустится орелъ съ высотъ,
А горлица подъ вѣтвью темной
Гнѣздо таитъ и бережетъ
И крыльями птенцовъ объемлетъ,
До солнца ль ей! — и что ей лѣсъ?

Когда за дикою козою
Поджарые несутся псы,
Примѣтны ль сельски ей красы
Въ то время, какъ съ горы стрѣлою
Летитъ она предъ стаей всей
Отъ тѣни собственной своей?

Вихрь сельскій въ облакахъ летящихъ
Не рветъ ли зелень и цвѣты?
Туманъ ползущій въ долахъ злачныхъ
Не тмитъ ли солнца красоты?
Согбенна вѣтвь плодомъ румянымъ
Приманитъ ли больнаго взоръ?

Не городъ, и не лѣсъ пріятный
Причиной скуки, иль утѣхъ.
Подъ часъ—они гостятъ у всѣхъ!
И дни, то мрачны, то отрадны,

Какъ воды въ море съ горъ бѣгутъ.
Блаженъ! чей парусъ въ ходъ надутъ!

И ветха хижина, простая,
Въ сугробахъ скрытая зимой,
Свѣтлица будетъ золотая!
Когда пришедшихъ на постой
Любовь, здоровье и достаткомъ
Хозяинъ знаетъ угостить!

И въ городахъ къ звѣздамъ растущихъ,
Гдѣ стонетъ отъ колесъ земля,
Гдѣ шумъ суетъ, и пыльна мгла
Перемѣняютъ ликъ живущихъ,
Всегда приходитъ счастье къ тѣмъ,
Кто отдался въ услугу всѣмъ!

И такъ, о другъ! уединенный,
Не потому ль твой милъ ручей,
Цвѣты, поля и лѣсъ зеленый,
Что счастіе въ душѣ твоей?
Давно вѣкамъ сказалъ Державинъ:
Что въ каплѣ видѣнъ солнца кругъ!

XVIII.

СЧАСТЬЕ СѢМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

До облакъ мрачный дымъ растущій
Вѣтръ развѣваетъ въ высотахъ,
Но гдѣ его несутся тучи,
Тамъ воздухъ горекъ, мгла въ очахъ! —
Блескъ молніи и быстръ и краткъ,
Но раздробляетъ и мертвитъ.

О роскошь! пышлы испещренны
Что вы, въ кругу златыхъ лучей? —
Фонарь средь ночи освѣщенный,
Въ которомъ смотримъ мы тѣней! —
Но пить даете ядъ вы сладкій,
Окаменяющій сердца!

Людей не рѣдко занимаетъ
Упавшій звѣздочкою снѣгъ;

Но снѣгъ въ глазахъ доколѣ таетъ,
Летитъ ихъ въ вѣчность быстрый вѣкъ! —
Дитя бѣгущее къ игрушкѣ
Не видитъ подъ ногами рва!

Прямое счастье въ жизни краткой
Умѣть покой себѣ найти;
Воды мнѣ горсть, напитокъ сладкій,
Когда я жажду на пути!
Что мнѣ высокіе чертоги,
Коль счастье на соломѣ спитъ?

Когда пловецъ усталый въ морѣ
Пристанетъ къ злачнымъ берегамъ,
Гдѣ въ радостномъ весна уборѣ
Влечетъ и умъ и взоръ къ красамъ,
Не обратится ль край сей въ скуку,
Коль не гдѣ лечь и отдохнуть?

Присталъ другой къ брегамъ безплоднымъ,
Гдѣ домъ его одинъ въ пескѣ.
Съ какимъ восторгомъ безподобнымъ
Уже онъ видитъ въ далекѣ
Съ простертыми къ нему руками
Жену, бѣгущую съ дѣтьми!

Отецъ сѣмейства добродушный
Есть царь любимыхъ имъ людей.
Безъ лести всѣ ему послушны,
Нѣтъ ни коварствъ, ни хитрыхъ лжей,
Народъ его подобенъ рою
Въ день солнечный вокругъ цвѣтка.

Дѣтьми хозяйка окруженна
Въ дому своемъ среди заботъ,
Какъ цвѣтомъ вѣтвь обремененна
Надъ шумнымъ токомъ быстрыхъ водъ! —
Въ струяхъ блестящихъ и игривыхъ
Струятся красоты ея.

Блаженъ на родину идущій,
Нашедшій тѣнь прохладну въ зной!
У рѣчки все съ собой несущей
Приляжетъ онъ подъ кустъ густой
И въ тихомъ снѣ, между цвѣтами
Въ родной перелетаетъ край!

XIX.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

По заключеніи общаго мира въ 1815 *году.*

За тучей мрачной и гремящей
Слепѣлъ отъ солнца лучъ съ небесъ.
Разсѣялъ мракъ и вихрь крутящій!
Багровый громъ какъ дымъ изчезъ!
Виновница блаженства міра
Настала сладка тишина!

Красотъ различныхъ рой веселый
Осыпалъ жизни краткій день;
Младое утро, полдень зрѣлый
И вечеръ и ночная тѣнь,
Одеждой новою сіяютъ
И новой жизнію цвѣтутъ.

Не ты ли, миротворецъ свѣта,
Сей благотворный солнца лучъ?
Средь самой молодости цвѣта,
Покрытый тьмою мрачныхъ тучъ,
Стряхнулъ ты съ плечъ ихъ исполинскихъ
И на полъ-свѣта свѣтъ навелъ.

Взгляни на молодость крылату,
На средній, и на старой вѣкъ;
Песочному подобны злату,
Изъ волнъ текущему на брегъ,
Всѣ въ радости своей блестящей
Къ тебѣ текутъ насытить взоръ!

Подъ слѣдомъ радости народной
Снѣгъ мертвый ожилъ на пушяхъ! —
Въ зимѣ угрюмой и холодной
Средь мшистыхъ елей, лавръ въ лѣсахъ!
Въ сугробахъ мерзлыхъ и мятеллхъ
Отогрѣваетъ счастье жизнь!

На храброй молодости видны
Въ сіяньи звѣзды и кресты,
Но чѣмъ дары сіи завидны?
Не блескомъ смертныхъ суеты!

Подъ ними, раны, смерть презрѣнна,
Прямая слава, польза, честь!

Нашъ край царемъ своимъ любимый,
Днесь славится своимъ отцомъ! —
О радость! Сѣверъ въ тьмѣ чудь зримый,
Всѣмъ свѣтишъ подъ твоимъ вѣнцомъ! —
Въ насъ жизнь твоя, въ тебѣ жизнь наша—
Гдѣ сила предъ твердыней сей?

Стадъ нашихъ не сочтутъ сосѣди.
Наполнитъ жатва корабли.
Орудья смертоносной мѣди
Не тяготятъ твоей земли!
Не видно на поляхъ унылыхъ
Разбросанныхъ серповъ и сохъ!

Не кроется въ лѣсахъ дремучихъ
Цвѣтуща красота въ слезахъ.
Дѣтей испуганныхъ, бѣгущихъ
Не кличетъ пищетно мать въ поляхъ! —
Не видимъ мы въ сердечной скорби
Согрѣтыхъ кровью быстрыхъ рѣкъ!

Живи, живи нашъ Геній съ нами
Да вздремлетъ въ лаврахъ твой орелъ!

И въ молньяхъ подъ его когтями
Да скроется та бездна стрѣлъ,
Отъ коихъ алчуще коварство
Въ голодной ямѣ днесь лежитъ!

Въ тебѣ мы зримъ отъ золъ ограду.
Что намъ принесъ твой трудный путь?
Вселенной миръ! — покой, отраду! —
.... О какъ тамъ сладко отдохнуть
Гдѣ стражемъ у страны родимой
Отецъ отечества стоитъ!

Какъ челнъ по быстринѣ бѣгущій,
Ты гость мгновенный на землѣ.
Но вѣкъ у насъ тобой цвѣтущій
Подобенъ твердостью скалѣ....
Съ слезой объемлется тотъ камень,
Гдѣ память дѣлъ благихъ видна!

XX.

НА БОЛѢЗНЬ СЫНА.

Куда ты острыми когтями
Старикъ съ зубчатою косой
Влечешь украшенну цвѣтами
Прекрасну молодость съ собой? —
Полетъ отъ свѣта отвращаешь
И въ бездну скрыть ее спѣшишь?

Гдѣ мчишься ты—тамъ все мертвѣетъ,
Гдѣ ступишь—разрушаешь въ мигъ!
Къ чему коснешься—каменѣетъ! —
Огнь гаснетъ отъ очей твоихъ!
Ничто передъ тобой вселенна!
За чѣмъ тебѣ цвѣтокъ одинъ?

Мой домъ не каменна громада,
Слитая изъ гранитныхъ скалъ!
Нѣтъ вкругъ его волшебна сада,
Гдѣ бъ полдень въ Сѣверѣ пылалъ!
Нѣтъ лѣстничныхъ высокихъ всходовъ,
Гдѣ часто стонетъ скорбь въ пути!

Изъ сосенъ мой домъ сооруженный,
Съ землею наровнѣ стоитъ.
Вокругъ—высокой лѣсъ зеленый! —
Прохлада въ зной, и въ бурю щитъ!
Я къ солнцу не тянусь,—но грѣюсь
Лучомъ что свѣтитъ на меня.

Дѣтей шумящая станица
Возобновляетъ дни мои.
Ихъ мать-златая намъ денница,
При коей пчелъ младыхъ рои,
Блестящими шумя крылами
Къ цвѣтамъ свой направляютъ путь!

Здоровье, и достатокъ нужный
Мнѣ въ темной жизни—бѣлый свѣтъ!
Ко мнѣ со стороны окружной
Свободно всякъ въ шалашъ идетъ.

—Блаженъ, кто горести тяжелой,
Хотя мгновенной дастъ пріютъ!

Остановись старикъ надменный!
Отдай мнѣ радость краткихъ дней.
Возможно ль чтобъ цвѣтокъ ссѣченный
Удвоилъ блескъ косы твоей?
Въ семьѣ той, гдѣ любовь хозяйка
Отростокъ каждый сердцу жизнь!

А естьли ты, къ моей напасти,
Однимъ цвѣткомъ быть можешь сытъ,
То не терзай меня на части!
Увѣчнымъ горько въ свѣтѣ жить!
Засыпь, засыпь мой домъ землею
Свѣтъ солнца у меня возьми!

XXI.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЕГО.

По блѣдному лицу болѣзни
Уже мелькаетъ жизни цвѣтъ,
Въ глазахъ сверкаютъ капли слезны,
Румянецъ на устахъ цвѣтетъ,
Робѣетъ радость близъ стоящa!
.....Здоровье вьется надъ больнымъ!

Забавы молодости милой
Набравъ любимыхъ имъ цвѣтовъ
Стоятъ вкругъ горницы унылой;
И на его чуть слышный зовъ
Бѣгутъ припасть къ нему съ дарами,
Которыхъ въ жизни краше нѣтъ!

Какъ солнце все живитъ весною,
Такъ радость оживила насъ! —

Сестры и братья чередою
На радость не насытятъ глазъ!
Надежда въ суетахъ, въ шепшаньяхъ,
Въ усмѣшкахъ, красныхъ дней заря!

Спѣши крылатое здоровье,
Всегдашній гость нашъ дорогой!
Стань у больнаго въ изголовьѣ,
Возвысь свой кубокъ золотой!
Въ струѣ цѣлебной свѣтоносной
Онъ вкуситъ жизни цвѣтъ, и огнь!

Забудь, что мы дурные дѣти,
Что часто мы тебя крушимъ! —
Тобой мы сыты и одѣты,
И отъ тебя же мы бѣжимъ! —
И мы же безъ тебя вздыхаемъ!
Разсмѣйся! — о сердечный другъ!

Въ тѣни прохладной нашей рощи
Насъ радость соберетъ въ кружокъ.
Тутъ у ручья, до темной нощи
Крылатый мальчикъ краснощокъ,
На лукъ направивъ лирны струны,
Тебѣ изъ насъ составитъ хоръ.

Бѣгитежъ тучи вкругъ гремящи!
Умолкни вѣтръ — стой быстръ ручей!
Раздайтесь въ розь скалы шѣпящи!
Пусть свѣтъ вкругъ хижины моей!
Взойди, взойди, о солнце выше! —
Здѣсь жертва смерти ожила!

XXII.

А. К.

по случаю его отставки.

Снимаютъ съ плечъ нарядъ твой ратный,
У ногъ уже и шлемъ и щитъ;
Твой отпоясанъ мечъ булатный
Свобода въ воротахъ стоитъ.
Въ кругу родства, жена младая,
Своимъ очамъ не довѣряя
Съ тебя сдуваетъ съ прахомъ трудъ.
Утѣхи сельскія на встрѣчу
Тебѣ свой хлѣбъ и соль несутъ.

Гдѣ палица? гдѣ ножъ блестящій,
Которыми чрезъ дебри, рвы,
Ты очищалъ твой путь лежащій
Не преклоняя головы?
Какъ вышелъ ты въ то чисто поле,

Гдѣ на своей ты можешь волѣ
Какъ птичка въ облакахъ летать?
И грозны высоты земныя,
И пропасти въ ничто вмѣнять?

И Боровицкіе пороги —
Кипящи камни подъ волной —
Блестящи по струямъ дороги —
И въ нихъ летящій челнъ стрѣлой —
Не есть ли жизни той картина,
Изъ косй въ видѣ исполина
Ты вывелъ твой цвѣтущій вѣкъ? —
А домъ твой на брегу стоящій
Не жизни ли надежный брегъ? —

О! собенникъ судьбы всевластной,
Гордись ты участью твоей! —
Но дѣлай такъ, чтобы непраздно
Шелъ вѣкъ, въ кругу крылатыхъ дней,
Чтобъ солнце, и земля, и воды,
Оброкъ отъ данницы природы
Разсыпали къ ногамъ твоимъ;
А скуки жизни—кинь съ презрѣньемъ,
Ихъ вѣтры разнесутъ какъ дымъ!

Не забывай, что въ жизни краткой
И съ счастіемъ живутъ мечты,
И что въ предѣлахъ нѣги сладкой
Опасны красотой цвѣты. —
Коль сладокъ сонъ въ счастливой долѣ!....
Но соннаго въ цвѣточномъ полѣ
Какая надъ змѣею власть? —
Дитя и въ богатырскомъ платьѣ
Въ ровъ безъ призору можетъ пасть!

И такъ когда въ лугахъ зеленыхъ,
Подъ тѣнью тополовъ густыхъ,
Среди отрадъ уединенныхъ,
Ты вздремлешь въ блескѣ дней твоихъ,
Вели ты дружбѣ терпѣливой
Въ одеждѣ рыцарской, служивой,
Безсонной стражей быть у васъ! —
И по теченью солнца ясна
Твердить вамъ въ слухъ который часъ!

XXIII.

ДРУГУ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Отъ чего тамъ вопль несчастный
Гдѣ голодна смерть идетъ?
Блескъ косы ея ужасной
Изъ тюрьмы ведетъ на свѣтъ.
Пусть она мой домъ ломаетъ,
Пусть мое и пьетъ и ѣстъ!
Пусть добычей украшаетъ
Видъ своихъ безплодныхъ мѣстъ!
Хоть она ко мнѣ ворвется
Жизнь моя не пресѣчется!
Я изчезну вдругъ предъ ней;
Видъ приму моихъ дѣтей,
И тогда! — о другъ безцѣнный!
Буду всю ихъ жизнь съ тобой! —
Естьли жъ въ часъ уединенный
Съ грустью встрѣтишся ты злой,
Я явлюсь къ тебѣ мгновенно

И се смѣю собой!
Въ сердцѣ встрепенусь я миломъ,
Заблещу въ слезѣ твоей!
И въ твоемъ быту уныломъ
Свѣтъ открою прежнихъ дней!
Чтобъ тебя ни окружало,
Ты найдешь меня во всемъ.
То я буду бережкомъ,
Гдѣ въ раздумьѣ ты бывало
Ходишь въ слѣдъ за ручейкомъ!
Или страстнымъ соловьемъ!
Иль твоимъ любимымъ сномъ!
Или буду тѣмъ путемъ,
Коимъ ты обыкновенно
Поспѣшаешь въ храмъ священный,
Свергнуть грусть предъ олтаремъ,
Словомъ: — Что тебя прельщало,
Иль хоть мало утѣшало,
Тѣмъ я буду для тебя.
Буде жъ неравно судьба
Обратитъ твой взоръ небесный
Въ книжку, гдѣ пишу теперь?
Посмотри мой другъ прелестный —
Это я! — Я точно. — Вѣрь.

XXIV.

НА ДЕНЬ ИМЯНИНЪ.

П. И. Ю.

Судьбы любимецъ, царь забавы,
Пріятный, рѣдкій человѣкъ,
Другъ добрыхъ дѣлъ, и доброй славы,
Златой тебѣ пророчу вѣкъ.

Польется жизнь твоя безцѣнна
Какъ тихій межъ цвѣтовъ ручей.
Былинки не срывая тлѣнной
Онъ всѣхъ живитъ волной своей.

Веселье, добрыхъ душъ награда!
Жить будетъ у твоихъ воротъ.
Покой, здоровье, и отрада,
Тебя сокроютъ отъ заботъ.

И ты какъ солнце надъ горами
Свершишь прекрасно жизни путь! —
— Нѣтъ, не спѣши, живи межъ нами,
Дай при тебѣ намъ отдохнуть.

Дай отъ тебя намъ научиться
Какъ для другихъ на свѣтѣ жить,!
Какъ съ непогодами дружиться
И счастье дома пріютить.

Пусть хоры музъ твоихъ поющи
Согласно всѣхъ учатъ насъ;
Изъ сердца тоны ихъ текущи
Продлятъ тебѣ твой каждый часъ.

Не подивись хозяинъ милой
Пророческимъ словамъ моимъ;
Лучъ солнечный своею силой
И камнямъ блескъ даетъ простымъ.

Невольно голосъ-изъяснитъ! —
Твой Ангелъ шепчетъ въ ухо мнѣ;
Его восторгъ, меня внушаетъ
И общая любовь къ тебѣ.

XXV.

М. М. С.

На крутизнѣ горы лѣсистой,
Висящей сверхъ ревущихъ водъ;
Дубъ наклоняетъ верхъ тѣнистой
Въ порывахъ буйныхъ непогодъ.
Но въ крѣпкій корень червь не вкрался
И дубъ средь вихрей невредимъ!

Лучъ солнца на себѣ держащій,
Въ цвѣтахъ рожденный, быстръ ручей,
Скрываетъ часто видъ блестящій,
Подъ камень падшій средь зыбей;
Но съ самыхъ горъ свергаясь съ шумомъ
Не тратитъ цѣли онъ своей.

Такъ твердый человѣкъ полнъ вѣры,
Въ житейскихъ безднахъ великанъ!

Онъ въ силѣ выше всякой мѣры;
Онъ царь и богатырь всѣхъ спранъ!
Въ пушяхъ сей жизни, море, горы
Ничтожность подъ его пятой!

Отъ самой древности глубокой,
Извѣстна истина сія;
Но мудростью земной высокой,
Закрытъ намъ бѣлый свѣтъ ея.
Потомство знай! — Я въ явѣ видѣлъ
Сей истины разящій взоръ!

О! ты, единственный любезный,
Живущій безъ земныхъ прикрасъ!
Не сѣтуй что въ урокъ полезный,
Вмѣстилъ твоей я жизни часъ!.....
Коснувшись лиры неларочно,
Она взгремѣла о тебѣ!

А если правды часъ отрадный
Созвученъ и безъ струнъ златыхъ!
То не поскучь, въ часокъ пріятный
Прочесть нескладный сердца стихъ.
Случится вѣтвью некрасивой
Себя въ день красный освѣжить!

XXVI.

НА СМЕРТЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Іюля 8 *дня* 1816.

Зачѣмъ, о лира тонъ унылый?
Дай мнѣ составить строй другой.
Хошь часто скорби сердцу милы,
— Свѣтъ затмѣвается слезой!
Крушась о смерти человѣка
Не о себѣ ли мы грустимъ?

Въ странахъ, гдѣ осенью златою
Румяный зрѣетъ виноградъ,
Какому уподобить строю
Тѣ звучны хоры средь отрадъ,
При коихъ отъ лозы полезной
Отъемлется богатый плодъ!

Зачѣмъ же стонъ въ одеждахъ мрачныхъ,
Гдѣ добрый твердый человѣкъ
Путь кончилъ въ подвигахъ прекрасныхъ
И выбился изъ волнъ на брегъ?
Дѣлъ добрыхъ связь, не плодъ ли сладкій,
По немъ доставшійся другимъ!

И буду ль правъ я предъ собою,
Что домъ нагрѣтый солнцемъ мой,
За тѣмъ я въ дождь и въ вихрь ошкрою,
Что солнце скрылась за горой?
Не ужъ ли впрямь и то несчастье,
Что колосъ срѣзанъ полнъ зерномъ?

И что предъ памятью звучащей
О добрыхъ чьихъ либо дѣлахъ,
Иль камень, иль металлъ блестящій,
Которы видны на гробахъ?
Дѣла изъ сердца въ сердце льются!
А памятникъ землей покрытъ.

Нѣтъ лира! — кто въ странѣ родимой
Служа не зналъ коварства поръ,
Кто сверьхъ того тропой чуть зримой,
Сквозь лѣсъ, достигъ Парнасскихъ горъ,

Вельможа былъ, и музъ любимецъ,
Не умеръ тотъ—безсмертенъ онъ.

Онъ жилъ въ семействахъ оживленныхъ,
Онъ въ скорбныхъ свѣтится глазахъ!
Онъ живъ въ предѣлахъ музъ волшебныхъ!
Въ чертогахъ царскихъ и въ судахъ!
Онъ живъ, какъ солнце въ тучѣ темной
Незримо—грѣетъ и живитъ!

Нѣтъ мѣста скорби въ дверяхъ гроба,
Гдѣ прахъ Державина сокрытъ!
— Здѣсь обезсиленная злоба,
Тамъ громоносной правды щитъ.
Тутъ лира подъ вѣнцомъ лавровымъ,
А тутъ къ отечеству любовь!

Печаль да станетъ у гробницы
Того, кто велъ въ забавахъ дни,
И вышедъ изъ своей свѣтлицы
Оставилъ стѣны лишь одни.
Блеснулъ, изчезъ, слѣдовъ не стало!
Какъ молодости милый взоръ!

Подобенъ сей стрѣлѣ пущенной,
А тотъ магнитъ въ скалѣ крутой,
Чудесной силой вдохновенной
Влечетъ желѣзо за собой!
Стрѣла мелькнула—улетѣла,
Гора—соперница вѣкамъ!

О лира!—стонешь ты невольно!
Грусть рветъ тебя изъ рукъ моихъ!
Я знаю, что гдѣ сердцу больно,
Тамъ свѣтъ ума темнѣетъ вмигъ.
Но знай!—что западъ возвѣщаетъ,
Въ блистательной зарѣ восходъ.

XXVII.

РАЗУМУ МОЕМУ.

Какъ смѣешь ты, гордецъ кудрявый,
Спесиво говорить со мной,
Когда нарядъ твой величавый
Шумихой свѣтится одной?
Широки крылья восковыя,
На нитках книги золотыя,
Которыми обвѣшенъ ты,
Не вывѣска ль твоей мечты?

Ты мнишь, что ты кумиръ священный,
Что безъ тебя я тщетна тѣнь;
Что гдѣ сверкнетъ твой взоръ надменный,
Тамъ только и родится день!
О гордый властелинъ спесивый,
Коли бъ ты зналъ, какой ты лживый,
Какой ты лицемѣръ, хитрецъ,
Ты бъ снялъ кристальный твой вѣнецъ!

Ты, говорятъ, и сна не знаешь,
И тыже страхъ мірскихъ страстей!
Но отъ чего жъ ты засыпаешь,
Когда по нѣскольку ночей
Сижу, и въ карты я играю;
И тутъ, въ восторгѣ отбираю
Послѣдній ближняго кусокъ?
Уже ль и это не порокъ?

Вчера лишь свѣтъ луны сребристой
Чрезъ горы засіялъ въ лучахъ;
До утренней зори огнистой,
Младыхъ прелестницъ хоръ въ цвѣтахъ,
Меня лелѣялъ въ нѣгѣ сладкой;
А ты уведъ отъ насъ украдкой,
Въ кустъ розъ, съ златою лирой спалъ;
И чтожъ!—ты роскошь величалъ!

Когдажъ отъ праздности порою,
Примусь играть на лирѣ я;
Лишь мыслей бѣги я устрою,
И съ трескомъ грянетъ звукъ ея;
Ты прочь бѣжишь! скажи жестокій,
Гдѣжъ честь твоя, гдѣ санъ высокій,
Которыми ты весь надутъ?
И почему я съ лирой шутъ?

Позволь еще спросить покорно,
Гдѣ былъ ты, какъ отличья знакъ,
Мнѣ палъ съ крыла судьбы проворной?
И я узрѣвъ себя въ звѣздахъ,
Заспорилъ съ солнцемъ и съ громами,
И возмечталъ, что и душами
Вертѣть я долженъ какъ юлой!
Суди!—вельможа ль я прямой?

Куда тебя судьба уноситъ,
Какъ въ церкви часто я стою?
Случится нищій хлѣба проситъ,
А я копейки не даю!
Гдѣ ты?—когда хозяинъ страстной
На деньгахъ чахнетъ повсечасно,
И какъ искусный молодецъ
Стрижетъ шакъ ближнихъ, какъ овецъ?

Чтожъ ты замолкъ гордецъ?—мужайся,
Сберися съ силою своей;
И истинной не огорчайся,
Что я не рабъ твоихъ цѣпей.
Ты, вижу я, выводишь въ славу,
Что самый громъ себѣ въ забаву
На землю сводишь ты стрѣлой.
Но всѣ я не поклонникъ твой!

Твои волшебства не велики,
Когда одинъ прекрасный взоръ
Тебя свергаетъ въ камни дики,
Съ небесныхъ громоносныхъ горъ!
Когда я виноградным сокомъ
Могу въ твоемъ быту высокомъ,
Тебяже въ карлу обратить,
И безъ тебя съ людьми прожить!

Ты въ цѣну можетъ быть поставишь,
Прозрачный твой во лбу фонарь?
Что смертнымъ жизнь ты освѣщаешь,
И что ты ночью свѣта-царь!
Я не поспорю въ томъ съ тобою;
Но согласись и ты со мною,
Что какъ ни чистъ фонарный свѣтъ,
Безъ солнца смертнымъ свѣта нѣтъ!

XXVIII.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ СЧАСТІЯ.

Сверкаютъ крылья золотыя!
Спускается съ высотъ!—парятъ!
Въ розни гонятъ облака сѣдыя
И солнце какъ бы въ слѣдъ спѣшитъ!
Лѣсъ темный—горъ хребетъ серебристый,
Гдѣ дикій вашъ, гдѣ мрачный видъ?

Гдѣ скорбь, съ которой я дружился,
Въ разлукѣ съ счастіемъ златымъ?
Отколь цвѣтами путь укрылся?
—Не вѣрится очамъ моимъ!
Ручей, луга, пернатыхъ хоры,
Куда зовете вы меня?

Гдѣ скорбь, гдѣ мой товарищъ вѣрный?
За чѣмъ на встрѣчу мнѣ покой?

Какой восторъ неизвѣрный!
Я самъ какъ будто бы не свой,
Иду, по чуть земли касаюсь,
На крыльяхъ будто бы несусь.

Замолкъ въ пещерахъ вой звѣриный!
Не зрю въ логахъ блестящихъ змѣй!
Сквозь лѣсъ открылися долины!
Гдѣ рѣзвится въ цвѣтахъ ручей!
Что вижу!—вотъ и домъ родимый!
—Тутъ счастливо я прежде жилъ!

О домъ! углы твои раскрыты!
Судьба и двери отперла!
Летаютъ птицы въ стекла биты!
Трава на крыльцахъ поросла,
Дворъ пустъ!—отворены ворота,
Скрыпятъ отъ вѣтра вереи!

Не въ видѣль птички легкокрылой,
Опять мнѣ счастье въ домъ летитъ?
Исчезли призраки унылы,
И домъ нарядный принялъ видъ!
Кто ты, о горлица златая?
Спустись крылатая!—не бось!

Вотъ дни и ночи тихи стали!
Безоблачный надъ домомъ свѣтъ.
—Разсыпься прахомъ духъ печали,
Молчи—и застилай свой слѣдъ!
Молчи—любовь здѣсь днемъ и ночью
Качаетъ колыбель сиротъ.

XXIX.

П. И. Ю.

Въ Альбомъ.

Когда на крутизнѣ цвѣточной,
Съ которой бѣгъ стремитъ ручей,
Въ глубокой тишинѣ полночной,
Поетъ весною соловей,
Онъ учитъ насъ, часы летящи
Сердечной пѣсней провожать.

Когда за свѣтлой столъ обильной,
Гдѣ разныхъ тьма видна отрадъ,
Идутъ по зву любви умильной,
И бѣдный и богатый въ рядъ:
Не учитъ ли хозяинъ добрый,
Что въ платьѣ цѣнъ прямой?

Когда кто въ жизни скоротечной
Богатство льетъ изъ рукъ рѣкой,

И помня, что онъ здѣсь не вѣчно,
Питаетъ жаждущихъ волной,
Тотъ царь, надъ блещущимъ богатствомъ,
А не надъ нимъ, богатство царь!

Въ драгой твоей бесѣдѣ съ нами,
Сіи уроки свѣтятъ всѣмъ.
И ты у счастья подъ крылами
Даришь всѣхъ насъ излишнимъ днемъ.
Кто будетъ тотъ не благодарный,
Которой не почтитъ твой даръ?

Всякъ хочетъ первымъ быть на свѣтѣ;
Различны цѣли въ жизни сей.
Но счастливъ тотъ одинъ въ полетѣ,
Кто въ благодарности своей,
Успѣетъ первый въ книгѣ дружбы,
Себя на память записать!

XXX.

Д. М. П.

На вечеринку.

Ура!—любезный человѣкъ!
Твоя побѣда, честь и слава!
Вчера я видѣлъ какъ забава
У время отняла твой вѣкъ,
И какъ въ кудряхъ его сребристыхъ
Лилеи съ розами свились.

Вчера лишь на твоихъ стѣнахъ
Огни по бронзамъ засіяли,
Ушѣхи вкругъ тебя обстали
И цѣлой полкъ красотъ въ цвѣтахъ,
Подъ голосъ гуслей златострунныхъ,
Въ сквозныхъ кружился облакахъ.

На парѣ мотыльковъ златыхъ,
Любовь въ жемчужной колесницѣ,

Была видна въ твоей свѣтлицѣ,
Безъ лука, и безъ стрѣлъ своихъ;
Она какъ плѣнница прекрасна
Всѣхъ къ сладкой зависти влекла!

Сердечна радость рѣзвыхъ лѣтъ,
Шумя блестящею волною,
Водила игры чередою,
И учреждала ихъ полетъ.
Согрѣты дружбой всѣ забыли,
Что стужа на дворѣ—зима.

Идуще время мимо насъ,
Любуясь красотами,—стало!
Коса изъ рукъ его упала!
Прибавился отрады часъ!
Любовь косы коснулась свѣтлой,
Разсыпался въ обломкахъ блескъ.

Живи, о другъ мой дорогой,
Будь счастья царь, сѣмьей завидной,
Доколѣ время ненасытно
Себя опять снабдитъ косой.
Другъ сердцу и сѣмья любезна,
Свѣтъ солнца въ краткой жизни сей.

XXXI.

А. П. П.

Въ день ея именинъ.

Сѣмейной радости подруга,
Владычица въ кругу ушѣхъ,
Отстань на часъ отъ недосуга,
Остановись взгляни на всѣхъ!
Взгляни на радость златокрылу
Летающу вокругъ тебя!
Взгляни на сѣмью, сердцу милу,
Что въ даръ тебѣ дала судьба!

Увидишь ты, увидишь ясно,
Какой въ сей жизни твой удѣлъ,
Но знай, при томъ, что не напрасно,
И я къ тебѣ сюда пришелъ.
Тобой и счастьемъ вдохновенный,
Я вижу будущій твой вѣкъ!
Мой гласъ, пророчествомъ священный,
Тебя счастливѣйшей нарекъ.

Вся жизнь твоя волной сребристой
Въ цвѣтахъ нетлѣнныхъ потечетъ,
И солнца твоего свѣтъ чистой
Семьи твоей освѣтитъ слѣдъ!

Я правду словъ моихъ сердечныхъ
Сокровищемъ держу въ рукахъ.
Рѣчей ничтожныхъ скоротечныхъ
Не помѣщаю я въ словахъ!

Вотъ даръ тебѣ и даръ богатый
Нетлѣнна счастія символъ. *)
Сегодня ангелъ твой крылатый
Съ подаркомъ самъ ко мнѣ пришелъ.

Прими, прими, о другъ нашъ милый,
Сіи волшебные цвѣты!
Ихъ видъ не свянетъ въ день унылый,
Какъ жизни доброй красоты!

---

*) Кто говорилъ стихи, тотъ держалъ букетъ искусственныхъ цвѣтовъ.

XXXII.

КЪ ЛИРѢ.

Пой, о лира, другъ мой милый,
Строемъ собственнымъ твоимъ.
Часто дикой путь, унылый
Ручейкомъ красивъ простымъ!
И хотя твой строй нестатный
Въ храмъ безсмертья не ведетъ.
Часто жизни дни отрадны
Счастье въ хижинѣ прядетъ.

Вонъ и мнѣ уже мелькаетъ
Парусъ на челнѣ какъ щипъ!
Лодкой кто-то управляетъ,
Прямо къ берегу бѣжитъ!
Каждую минуту ближе
Къ переправѣ я моей,
Солнце видится мнѣ ниже,

Тѣнь длиннѣе съ свѣтлыхъ дней!
—Знай же, лира, другъ мой пвердый,
Что когда немилосердый
Перевощикъ жизни сей,
Разлучитъ меня съ сѣмьей;
У моей тогда могилы
Грусти ты собой не множь
И родныхъ кружокъ унылый
Разговоромъ не тревожь.
Скорби взоръ ожесточенный
Время лишь одно мягчитъ.
Ранѣ свѣжей, воспаленной,
То отрава, что живитъ.
Но когда могилы видъ
Зарастетъ травой высокой,
И старикъ съ косой широкой
И печаль поманитъ въ путь;
Ты на крыльяхъ скоротечныхъ
Поспѣши въ кружокъ сердечныхъ
И сказать имъ не забудь:
Что хотя въ мою гробницу
Ихъ сердецъ я взялъ частицу
И заставилъ ихъ вздохнуть,
Но въ замѣну ихъ утраты
Я даемъ такой богатый
Сердцемъ заплатилъ моимъ!

Рѣчью огненной, коль можно,
Ты напомни лира имъ,
Если въ свѣтѣ все ничтожно
И проходитъ все какъ дымъ;
Дни летящи съ дружбой вѣрной
Такъ намъ свѣтятъ на землѣ
Какъ лучъ солнечный, безмѣрной
Свѣтитъ въ чистомъ кристалѣ.

XXXIII.

КЪ МУЗѢ.

Прости товарищъ дорогой
О Муза! свѣтъ ты мой отрадный!
Заботы мрачныя, досады
Въ глаза мнѣ бросились толпой!
И я какъ тѣнь съ горы спускаюсь,
Оставивъ солнце за собой.

Благоразуменъ въ жизни тотъ,
Кто въ путь туманный, неизбѣжный,
Одѣнется въ покровъ надежный,
И стережется непогодъ!
Иной положится на силы,
А вѣтръ здоровье унесетъ!

Несытый разумъ говоритъ:
Что счастливъ тотъ, кто грудью твердой
Морозъ спрашитъ немилосердый,
Чья грудь отъ непогоды щитъ!
Долой съ ходулей суковатыхъ
О гордый опухолью видъ!

Безъ помощи что̀ крашкій вѣкъ?
Безъ солнца, безъ росы священной,
Что былъ бы цвѣтъ въ землѣ рожденной?
Собой что̀ можетъ человѣкъ?
Гдѣ тотъ мудрецъ?—гдѣ тотъ, кто скажетъ,
Что онъ безсмѣнный царь ушѣхъ?

Нѣтъ!—пусть то дереворостетъ,
И вѣтвь богату разширяетъ,
Подъ коимъ странникъ отдыхаетъ
И въ бурю красна солнца ждетъ!
Въ сей жизни виденъ тотъ порядокъ,
Что съ солнцемъ часто дождь идетъ!

Нѣтъ Муза! не бѣги изъ рукъ!
Во мнѣ хоть силы небогаты,
Изъ струнъ твоихъ совью я латы,
Въ покровъ твой скроюсь я отъ скукъ!
Въ цѣпяхъ отраденъ гласъ свободы,
Кладъ въ жизни, твой согласный звукъ!

Когдажъ ненастный встрѣтимъ путь,
Подъ первой сосною густою
Огонь я разведу съ тобою,
И тутъ мы сядемъ отдохнуть!
Пусть дождь шумитъ по вѣтвямъ темнымъ,
Онъ свѣтлый не зальетъ пріютъ.

XXXIV.

Л. Н. Л.

На унынiе.

Блаженство всѣхъ есть цѣль природы,
Жизнь свѣтлая есть жизнь пѣворца,
Даръ выбора есть даръ свободы,
Невольна жизнь есть жизнь пѣенца;
Почто же ты, о другъ нашъ милый,
Вздыхая въ скукѣ дни ведешь?

Ведешь унылы дни слѣдами,
По коимъ молодость въ цвѣтахъ,
Утѣхи рѣзвыми толпами,
Здоровье въ солнечныхъ лучахъ,
Идутъ въ весельи предъ тобою
На берега рѣки временъ!

Какой ты достигаешь цѣли
Въ тѣни твоихъ унылыхъ дней?
И какъ забыть, что къ колыбели
Наслѣдіе, какъ чистъ ручей
Свѣтясь богатою волною,
Отрады кладъ тебѣ принесъ!

Наслѣдіе, гдѣ твой родитель,
Всевластный Геній, сынъ небесъ,
Украсивъ всю твою обитель,
Чудесностью ея обнесъ,
Въ пустынѣ, свѣтлый рай устроилъ,
Бездушнымъ далъ и рѣчь и жизнь!

Тебѣ ль вздыхать? — тамъ все прельщаетъ
И къ жизни счастливой зоветъ.
Тамъ въ кампяхъ Геній почиваетъ
И льетъ вокругъ волшебный свѣтъ!
Тамъ тысячи сердецъ покорныхъ
Крылаты дни твои храняшъ.

О край, по сердцу мнѣ безцѣнной,
И я бывалъ питомецъ твой!
Творецъ красы твоей неплѣнной
И мнѣ наставникъ былъ родной!
Съ слезою я тебя встрѣчаю,
И мнѣ слеза сія сладка!

По сладостна слеза — не скука!
— Не торжествуй унылый другъ!
Прямая въ жизни сей наука,
Умѣть держать въ порядкѣ духъ!
Безъ солнца, тучи безпрерывны
Какую бъ пользу принесли?

Когда блестящіе уборы,
Въ свѣтящемъ домѣ красотой,
Нарыты будутъ кой-какъ въ горы
И свѣтъ небесъ затмятъ собой,
Не будетъ ли хозяинъ въ скукѣ
Пріюта день и ночь искать?

И такъ порядокъ силъ душевныхъ
Одно лишь счастье въ жизни сей,
Онъ вѣрный плодъ трудовъ вседневныхъ,
Онъ солнце красныхъ нашихъ дней!
Труды питаютъ добродѣтель.
Вода стоячая вредитъ!

Жизнь наша — челнъ въ волнахъ бѣгущій.
О какъ благоразуменъ тотъ,
Который въ вѣтръ его несущій,
Въ кругу опасностей, заботъ,
На звѣзды, взоры устремляя
Путь вѣрно продолжаетъ свой!

XXXV.

А. Н. Л.

Когда въ горахъ, покрытыхъ льдами
Отъ солнца мерзвый ледъ цвѣтетъ,
Кто не увѣренъ между нами,
Что не во льду, а въ солнцѣ свѣтъ?
Зачѣмъ же люди въ жизни краткой
Чужой спесивятся красой?

И дворскій блескъ, и родъ высокій,
Одежды свѣтлы, красота,
Не чуждый ли покровъ широкій,
Въ который рядитъ насъ мечта? —
Въ который часто и пороки
Ползутъ какъ змѣи подъ цвѣты?

Чтожъ блескъ, что громка знатность наша,
Когда въ нихъ нѣтъ цѣны прямой? —
Съ отравой многоцѣнна чаша
Не напоитъ меня красой.

Въ самихъ цвѣтахъ отличной жизни
Пороки отравляютъ насъ.

Въ наукахъ—гордость ослѣпляетъ,
Въ богатствахъ—роскошь духъ мертвитъ;
Въ честяхъ—насъ жажда истребляетъ;
Въ спокойствѣ—нѣга намъ вредитъ,
Чтожъ въ томъ источникѣ блестящемъ,
Гдѣ разведенъ не видный ядъ?

О искренній, другъ сердцу близкій!
Есть путь однако въ жизни сей,
Гдѣ не блистаютъ обелиски,
Ни памятники шумныхъ дней.
Путь тѣсный, но красой богатый,
Какъ средь огромныхъ горъ ручей.

Есть путь, и ты его ужъ встрѣтилъ
И на него уже ступилъ.
И бранный шлемъ и мечъ твой свѣтелъ
И славу міру уступилъ.
Тебѣ свѣтло и подземелье,
Гдѣ въ сводахъ стонетъ нищета!

Дерзай, иди, иди, доколѣ
И молодость твоя въ цвѣтахъ,

И здравіе въ твоей здѣсь волѣ,
Несутъ тебя на ихъ крылахъ.
Ступай, другъ мой—лети ко благу!
Крылатымъ близки небеса!

Ступай съ терпѣніемъ безмолвнымъ;
Труды съ усмѣшкою встрѣчай.
Не уступай горамъ огромнымъ,
Отечества за ними край!
Кора намъ данная природой
Уже валится съ глазъ твоихъ!

Ступай—и въ жизни скоротечной
Начнешь ты видѣть свой порокъ;
Другихъ судя съ слезой сердечной,
Лишь самъ къ себѣ ты будешь строгъ.
А тамъ—что далѣ—постепенно
Ты весь изчезнешь для себя!

Когда же кладъ, иль санъ почтенный,
Иль идолы другихъ родовъ,
Вѣнцы тебѣ наложатъ плѣнны;
Съ вѣнцами стерегись оковъ!
Ты ихъ, какъ посланныхъ съ дѣлами,
Съ собою въ трудный путь возми.

---

*

Возми — но какъ въ краю богатомъ,
Искусный кормчій дальнихъ странъ,
Корабль наполнивъ чистымъ златомъ,
Беретъ и птицъ и обезьянъ.
Не больше, почести, богатства
Должны насъ въ жизни занимать!

Они цвѣтамъ подобны въ полѣ,
Которыхъ блескъ бѣжитъ въ рукахъ!
Источникъ блага — въ чистой волѣ,
А не въ наружныхъ красотахъ.
Что раковина тамъ пустая,
Гдѣ ловятъ радужный жемчугъ?

XXXVI.

II.

При вторичной посылкѣ писемъ Скимнина.

Любезна П...., другъ сердечный!
Цвѣшочикъ нашего кружка!
Видали ль вы, когда въ день красный,
Дитя средь мягкаго лужка
За бабочкой бѣжитъ златою
И изловивъ ее порою
За крылья лишь ее возметъ,
Сотрется блескъ ея и цвѣтъ?
Вотъ точно такъ, мой другъ, со мною!
Лишь мысль я изловлю подъ часъ
И Скимнина побѣгъ порочный
Примусь я защищать безъ васъ!
—Наряды видно всѣ непрочны!
Летитъ весь блескъ моихъ прикрасъ!

Чтожъ дѣлать? а бѣглецъ явился,
И на колѣняхъ предо мной,
Сжавъ руки кланялся, молился,
Чтобы съ повинной головой
Я отдалъ вамъ его руками.
А мнѣ, что Скимнинъ какъ не сынъ?
И онъ же у меня одинъ,
То сами вы меня судите,
И если можно повините,
За то, что онъ поставилъ въ честь,
У васъ служить, и вами цвѣсть!
Но можете ль вы быть жестоки?
Прощеніемъ уже не разъ
Кончаются въ сердцахъ пороки.
Въ благословенный часто часъ
Такъ живы милостей уроки,
Что мигомъ исправляютъ насъ....
....Простите жъ Скимнину въ сей разъ,
Отъ солнышка лучи отрадны
Не тратятъ на лету красотъ,
Взоръ на невиннаго пріятный
Не уменьшитъ и въ васъ добротъ.
А мы споемъ вашъ подвигъ хоромъ
И вензель вашъ сведемъ узоромъ
На сердцѣ огненной чертой.
Конечно Скимнинъ самъ собой
Ничто для всѣхъ! — но вамъ извѣстно,

Что онъ есть лучъ любви чудесной
Чьей силой, Лиз.... вашъ другъ
Отца его средь мрачныхъ мукъ
У смерти вырвала изъ рукъ!

XXXVII.

Л. Н. Л.

При полученіи отъ него бѣлой книги для стиховъ.

Какъ чародѣй какой чудесный,
Невидимо въ пріютъ мой тѣсный,
Влетѣлъ—оставилъ даръ—изчезъ!
Такъ ты, о! Л..... мой милой,
Сердечною объятый силой,
Чудесну книгу мнѣ принесъ!

Въ богатомъ книга переплетѣ!
И тѣмъ прередкая на свѣтѣ,
Что бѣлый въ ней повсюду цвѣтъ!
Какъ облако съ златой каймою,
Бумага блещетъ стороною,
И бѣлымъ цвѣтомъ взоръ влечетъ!

Но если бѣлизною снѣжной,
Забавъ невинныхъ, виды нѣжны,
Хотѣлъ ты мнѣ изобразить;
Зачѣмъ замокъ? и цѣпь тройная?
Зачѣмъ ограда золотая,
Тому, кто въ волѣ хочетъ жить?

И гдѣ же взять картины разны,
Какими ты твой даръ прекрасный,
Велишь еще украсить мнѣ?
Суди—на бѣломъ все примѣтно!
—Ничтожный видъ пещинки тщетной,
Сквозитъ средь чистыхъ водъ на днѣ.

Не вѣрю я, не можетъ статься,
Чтобъ сталъ ты много забавляться;
Напротивъ—мнѣ сдается тутъ,
Что дружбы вѣрною рукою,
Меня дорогою другою,
Ведешь ты въ истинный мой путь.

Ты хочешь молвить осторожно,
Чтобъ я хвалой не льстился ложной,
И Музъ держалъ бы за ключомъ.
Что часто хитрою хвалою,
Урода рядятъ красотою,
И въ смѣхъ зовутъ, изъ дома въ домъ.

Иль можетъ быть, ты другъ любезный,
Изобразилъ нашъ вѣкъ желѣзный,
Гдѣ лучъ сердечный въ насъ погасъ,
Гдѣ люди сердце износили,
И что съ цвѣтовъ одинъ блескъ пыли,
Они брать ходятъ на парнасъ!

Согласенъ я съ тобой—согласенъ!
Нѣтъ!—полно мнѣ похвальныхъ басенъ;
Пусть рѣдкій я примѣръ подамъ!
Запру я Музъ.—И ключъ твой ясный
Да будетъ щитъ мой безопасный,
А книга вѣрный дружбы храмъ!

Одно лишь дай мнѣ позволенье,
Чтобъ иногда въ уединеньи
Мнѣ кой-что спѣть друзьямъ моимъ!
Какъ съ горъ волна, какъ птичка съ вѣткой
Въ гнѣздо летитъ стрѣлою мѣткой,
Мое такъ сердце жаждетъ къ нимъ!

О! какъ тотъ здѣсь благополученъ,
Кто въ жизни никому не скученъ!
И кто въ кругу двухъ, трехъ друзей,
Какъ средь цвѣтовъ, въ тѣни прохлады,
Цѣнитъ добромъ часы отрады,
Текущія какъ чистъ ручей!

XXXVIII.

ВИДЪ СВОБОДНОЙ СТРАСТИ.

Летитъ! — едва земли коснется,
Изъ подъ копытъ мелькаетъ свѣтъ!
Волною хвостъ, и грива вьется!
Прахъ облакомъ течетъ!
Ремни опять бороздъ златыхъ висящихъ,
По напряженнымъ ребрамъ бьютъ!
Конь быстроногой кипящій,
Свою хватаетъ зубомъ грудь!
Сквозь пыль летитъ клоками пѣна.
Частями сбруя многоцѣнна,
Сверкаетъ по пути за нимъ.
Огнь изъ ноздрей и дымъ!
Взлетѣлъ на верьхъ горы упорной
Ударилъ въ землю—сталъ.
Копытомъ бьетъ въ вершины горны
На высочайшей онъ изъ скалъ!

Но возрясь въ путь, къ рѣкѣ ведущій,
Пустился чрезъ пески сыпучи
И въ воды рипулся сквозь лѣсъ!
Вскипѣли волны пѣны!
О тихій омутъ, но измѣнный!
Покрылся бездной конь—изчезъ!

XXXIX.

А. В. В.

На неудачи.

Цѣна и слава жизни краткой
Въ терпѣньи свѣтломъ между бѣдъ,
Не въ томъ терпѣньи, гдѣ украдкой
Неволя, ропотъ, идутъ въ слѣдъ,
Но въ мирной жизни съ тою встрѣчей,
Какую Богъ кому послалъ.

Сидящій въ клеткѣ, какъ въ темницѣ,
Снигирь поющій со свѣчой
Не царь ли въ золотой свѣтлицѣ
Сдружившійся съ своей судьбой?
И пѣснь его въ самой неволѣ
Не смертнымъ ли съ небесъ урокъ!

На то ль намъ умъ, на то ли воля,
Чтобъ жить въ кругу однѣхъ отрадъ?
И что за воинъ тотъ средь поля,
Который въ блескѣ чистыхъ латъ
Стрѣлять искусенъ въ цѣль бумажну,
А отъ противника бѣжитъ!

Наука въ древности гремѣла
Умѣть быть твердымъ, камнемъ быть.
Но жизнь такая охладѣла
И превратилась въ мертвый видъ,
Гдѣ гордости вѣнецъ свинцовый
На памятникѣ семъ лежитъ.

И въ истину: что твердость въ свѣтѣ?
Когда и мысль и сердце въ насъ,
Мѣняютъ виды ихъ въ полетѣ,
Какъ слѣдъ въ снѣгахъ—какъ счастья часъ!
Что̀ твердость, гдѣ ничто не твердо
Гдѣ время разрушаетъ все!

Что̀ твердость, какъ не дымъ ростущій?
Мечтательный въ шуму ночлегъ!
Паръ утренній — туманъ ползущій,
Въ которомъ бродитъ человѣкъ,
И сею ль твердостью туманной
Несчастье должно низлагать!

Ударилъ вѣтръ—и лѣсъ зеленый
Высокій верхъ свой наклонилъ!
Ударилъ вѣтръ—и дубъ падменный
Палъ корнемъ въ верьхъ, отъ грозныхъ силъ:
И такъ не твердость, а покорность
Самимъ бездушнымъ крѣпкій щитъ!

Бездушнымъ щитъ!—а что творенье,
Въ которомъ сердце, умъ и духъ,
Ужели въ ропотѣ, въ волненьѣ,
Должно пройти сей жизни кругъ,
Что цѣль судебъ не постигая,
Оно не видитъ связи ихъ!

Нѣтъ—другъ—когда законъ природы,
Въ бездушныхъ силой впечатлѣнъ,
—Имущимъ даръ златой свободы
Любви свѣтъ въ сердцѣ помѣщенъ,
Любовь къ создателю живая,
Одно намъ солнце на пути.

Съ тобой любовь—легко все въ мірѣ!
Рай тихій подъ твоимъ крыломъ!
И смертный въ рубищѣ ль, въ порфирѣ,
Украшенный твоимъ лучомъ,
Кремнистыхъ горъ подошвы сдвинетъ,
И сушью океанъ пройдетъ!

XI.

Л. Н. Л.

Въ день его помолвки.

Подайте кубокъ золотой!
Вино Шампанское огнисто!
Пускай оно какъ ключъ сребристой
Течетъ журчащею волной.
Пусть радость свѣтлою рѣкою
Въ сердца намъ льется и шумитъ!
Союзъ любви здѣсь съ красотою
Сердечной голосъ мой живитъ.

Любовь, плѣнясь красой всевластной,
Въ даръ крылышки ей поднесла;
А красота за даръ прекрасной,
Любви и сердце отдала.
Свидѣтелемъ тутъ счастье было,
И сей крылатый исполинъ,
Любуяся четою милой,
И слухъ, и взоръ ихъ слилъ въ одинъ!

Одна и мысль—одно дыханье,
Какъ двѣ волны—чета слилась,
Одна и рѣчь—одно желанье,
Душа душою облеклась,
Какъ тѣнь часы по солнцу кажетъ,
Одна такъ по другой живетъ,
Ни слово ихъ ни мысль не вяжетъ,
Гдѣ путь одной—другой тамъ слѣдъ.

Никольское!—гдѣ Геній властный
Среди чудесъ въ забавахъ жилъ!
Обитель!—гдѣ потомъ всечасно
Сынъ Генія свой вѣкъ томилъ.
Скинь, сбрось съ себя покровъ унылый,
Одѣнься въ радость, оживи.
Ступай къ четѣ на встрѣчу милой,
Подай твой хлѣбъ и соль любви.

Примѣтны гости тѣмъ собою,
Что само счастье ихъ ведетъ,
Что время шедъ впередъ съ косою
И лезвѣе цвѣтами вьетъ.
А ты намъ другъ—и мнѣ отрадной!
Послушай: къ счастью ты достигъ!
Но сердца не давай обратно,
И крыльевъ не бери своихъ!

XLI.

ПРІЯТЕЛЮ.

Время взглядомъ разрушаетъ,
Взглядомъ все опять живитъ.
Осень листъ съ деревъ срываетъ,
А Весна имъ листъ даритъ.
Льдисты не на вѣкъ оковы.
Оживаетъ вновъ ручей.
Запѣваетъ пѣсни новы
Прилетѣвшій соловей.
Вѣтеркомъ комаръ носимый,
Червячокъ чуть глазомъ зримый
Воскресаютъ отъ лучей!
Смерть ни что не истребляетъ,
Лишь существъ мѣняетъ бытъ.
Тѣхъ отъ плѣна разрѣшаетъ,
Тѣмъ даетъ летучій видъ!

Гдѣ жъ несчастье въ жизни краткой,
Съ коимъ бы, хотя украдкой,
Не пошла отрада въ путь?

Въ томъ ли наша цѣль, искусство,
Чтобъ лелѣять скорбно чувство
И не знать какъ отдохнуть?
Соберемъ же кой какъ силы.....
Дай путнемъ мы дни унылы
Со двора скорѣй долой.
Что за польза вкругъ могилы
День и ночь бродить съ тоской?
Или мы съ тобой забыли
Вѣчной истинны урокъ?
Что гдѣ грусти не смягчаетъ,
Ни родной, ни другъ, ни Богъ;
Лучъ свой бѣгъ тамъ пресѣкаетъ!
И рождается порокъ!

XLII.

МОЕЙ Л.

Зачѣмъ мой другъ, мой свѣтъ очей!
Крылатыхъ лѣтъ лучи струисты
Ты рвешь власы мои сребристы,
Въ досадѣ съ головы моей?

Я времени въ глаза не знаю;
Не чувствую его цѣпей.
На крылышкахъ любви летаю
По милости ко мнѣ твоей.

Зари вечерней, ночи темной,
Съ тобой мой другъ я не боюсь,
Лишь мнѣ на встрѣчу путь подземной,
Въ твоемъ я сердцѣ схоронюсь.

XLIII.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ГУЛЯНЬЕ.

Поѣдемъ въ лодочкѣ со мною,
О лизанька! другъ милый мой.
Будь бабочкой моей златою!
Будь ты моею красотой!
Кто съ берега на насъ посмотритъ,
Забудетъ тотъ, что онъ идетъ!

На встрѣчу лодочкѣ красивой
Бездушныя на берегахъ
Поля, и лѣсъ, и горы живы,
Пойдутъ въ убранствахъ и цвѣтахъ!
А я съ тобой въ теченьи тихомъ,
Забуду, что и мы плывемъ!

Съ землею разлучась въ гуляньѣ
Ничто не потрясетъ нашъ чолнъ!
Мы съединимъ сердца, желанья,
Какъ слиты бѣги чистыхъ волнъ!
Не въ чистыхъ ли водахъ покойныхъ
Вмѣщается краса небесъ?

Ни шумъ въ волнахъ, ни блескъ ихъ крашкой
Насъ не займутъ въ пути собой!
О Лиза! въ тишинѣ толь сладкой,
Какъ намъ прельститься суетой?
А гдѣ два сердца бьются стройно,
Тамъ весело! и все легко!

Легко и горе, и напасти,
Вся жизнь тогда—какъ красный день!
Сама любовь у нихъ во власти
Какъ безотвязная ихъ тѣнь!
И крылышки свои златыя
Она въ запасъ лишь бережетъ!

Въ запасъ!—но Лиза, другъ прекрасный,
Не оскорбись ты рѣчью сей,
Не бойся крылъ любви всевластной,
Когда она рабой твоей.
Лѣса ли гдѣ? иль моря бездны?
Любовь на крыльяхъ понесетъ!

Когдаже съ розовой зарею
Погаснутъ солнечны лучи,
И мы вечернею порою
Направимъ чолнъ домой въ ночи,
Тогда звѣздъ свѣтлыхъ миліоны
Подъ нами нашъ украсятъ путь.

Тутъ дай мнѣ слово другъ любимый,
А я тебѣ даю обѣтъ,
Что кто изъ насъ на брегъ родимый
Изъ лодки первый попадетъ,
Тотъ, какъ товарищъ неизмѣнный,
Пустъ руку дастъ другому въ слѣдъ.

XLIV.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ДВУХЪ ПОДСВѢЧНИКОВЪ НОВОБРАЧНОЙ ВЪ ПОДАРОКЪ.

Недавно здѣсь я видѣлъ самъ
Какъ счастіе къ любви всевластной
Перебиралась по горамъ!
И какъ онѣ съ душею страстной
Другъ друга вспрѣтили въ пути.....
...Но тутъ вопросъ и не напрасно
—Какъ въ умъ пришло такой чесы
На мигъ единый разлучиться?
Твердятъ съ тѣхъ поръ, какъ солнце зрится,
Что имъ не льзя въ разлукѣ жить!
Такъ учатъ, и поютъ, и пишутъ,
И симъ узоромъ люди нижутъ,
И украшаютъ жизни нить!
Пусть такъ: но я старикъ курчавый
Солгать и кладу не возьму.
Знакомы мнѣ цвѣты съ оправой,

Живалъ я съ грустью и съ забавой,
Носилъ и злашо и суму,
Видалъ я какъ любовь безъ счастья
Живетъ какъ царь безъ головы!
Видалъ—какъ солнце сквозь ненастья—
Я счастье въ горѣ безъ любви!
И такъ скажу я безпристрастно,
Что я недавно видѣлъ самъ
Какъ счастіе къ любви всевластной
Перебиралось по горамъ!
И какъ онѣ съ душею страстной
Другъ друга встрѣтили въ пути.
Вокругъ младыхъ друзей всечасно
Тутъ выросли шатромъ цвѣты
И ихъ отъ глазъ простыхъ сокрыли.
Но ихъ слова мнѣ слышны были.
Я слышалъ все—и какъ они
Вели въ дорогѣ мрачны дни,
Какъ сквозь лѣса, чрезъ горы дики,
Чрезъ рѣки, по ночамъ одни,
Гдѣ ихъ пужали разны крики,
Другъ къ другу направляли путь.
Любви шутъ вздумалось вздохнуть!
Но счастье вздоха не стерпѣло!
Оно въ тревогѣ поблѣднѣло,
И шутъ же кончило тѣмъ дѣло,
Что положили межъ собой,

Гдѣ темной лѣсъ—гдѣ ночь слѣпая,
Гдѣ стень шумящая, сѣдая,
Свѣтишь другъ другу чередой,
Любовь взялась свѣтить дорогой,
Сѣвъ на свѣтильникъ свой верьхомъ,
А счастье—солнечнымъ лучомъ!

Законъ такой составивъ строгой,
Они пошли домой потомъ,
А я на мѣстѣ подъ шапромъ,
Гдѣ видились друзья младые,
Нашедъ подсвѣчники простые
Спѣшу ихъ снесть въ твой новый домъ!

О ты прививокъ драгоцѣнный,
Цвѣтокъ—что сквозь заборъ сосѣдній
Явился въ мой роднмой садъ!
Тебѣ принадлежитъ мой кладъ!
Но сей подарокъ мой усердный
Ты съ другомъ подѣли своимъ.
Свѣтя другъ другу въ жизни крашкой,
Вы проведете вѣкъ украдкой
Надежно по путямъ цвѣтнымъ!

XLV.

А. В. В.

Когда грозою облеченный,
Вихрь громоносный—тучей вождь!
Въ путь мечешъ облака надменны,
И съ влажныхъ крылъ, льешъ градъ и дождь,
Какъ видѣшь солнце восходяще
Изъ волнъ, на верхъ красивыхъ горъ?

Такъ суеты неутомимы,
Полки несчетные страстей,
Дѣлъ всякихъ видъ необозримый,
Цѣпь разноцвѣтныхъ прихотей,
Кружа людей въ градахъ обширныхъ
Къ спокойству заграждаютъ путь.

О Алексѣй!—родной нашъ милой,
Предчувствую я твой урокъ!

Зачѣмъ даны (ты скажешь) силы?
Не для того ль чтобъ гнать порокъ?
И съ тѣмъ ли кормчій ѣдетъ въ море,
Чтобы подъ громомъ засыпать?

Недавно я съ тобой согласно
Такъ чувствовалъ, и мыслилъ самъ,
Но тѣшилъ я себя напрасно,
Великимъ слѣдуя умамъ!
Свѣтильникъ опытомъ возженный
Меня иному научилъ!

Сдружась съ ученостью спесивой
Я съ нею шелъ однимъ путемъ.
Прельстясь походкою красивой,
Забылъ я родину, и домъ!
Шатаясь въ таинствахъ природы
Казалось всякой день я росъ!

Ея прелестны разговоры,
Питали духъ—и разумъ мой!
Покорностью кончая споры,
Введенъ я былъ въ кругъ тайны той,
Что жизни рай—покой сердечный
Безгласно въ насъ самихъ живетъ.

Казалось: еслибъ вся вселенна
Обрушилась въ глазахъ моихъ;
Душа собою напоенна,
Не дрогнула бъ въ бѣдахъ такихъ.
Держась поверхъ земли на крыльяхъ
Я бъ зрителемъ покойнымъ былъ!

Но изъ лѣсу спустясь горою
Къ стоящей хижинѣ въ лугу,
Въ дали близъ рощи, надъ рѣкою
Услышали мы хоръ въ кругу,
Гдѣ звуки стройные, сердечны,
Свели насъ съ нашего пути!

И тутъ забвеньемъ упоенный
Чѣмъ ближе я къ волшебству шелъ,
Тѣмъ больше въ робость погруженный,
Я слова вымолвить не смѣлъ
И наконецъ!—какъ рабъ бездушный,
Къ стопамъ гармоніи я палъ!

Невольны слезы, безъ причины
Изъ сердца полились рѣкой.
Близъ звучной онѣмѣвъ картины
Я разставался самъ съ собой!

И весь мой рай— покой сердечный
Какъ дымъ развѣянный изчезъ!

При мнѣ ученость нищъ лежаща
Со мной усиливалась встать!
И скрытой гордостью горяща
Она мнѣ стала упрекать,
Что нѣгѣ сладкой покоряться
Не долженъ умный человѣкъ,

Что разумъ есть страстей гонитель,
Въ страданіяхъ отрадной лучъ!
Что онъ есть міра повелитель!
И громоносныхъ самыхъ тучъ,
Что онъ и смерти не подверженъ
Сынъ вѣчный свѣта и любви!

Но съ рѣчью сей, какъ мгла какая,
Рой пчелъ покрылъ насъ шедшихъ въ садъ!
Станица шумная, благая,
Пошла насъ жалить безъ пощадъ!
Ученость въ боли закричала!.....
И разбѣжался мы съ ней!

Вотъ А....., мой другъ сердечный
Плоды премудрости земной!

Случаи въ жизни не избѣжны!
И человѣкъ ничто собой!
Нашъ разумъ есть фонарь горящій
Но вѣтромъ можетъ быть задутъ!

А если человѣкъ смиренный
И въ горѣ твердъ средь мрачныхъ дней;
Онъ видитъ духъ свой утвержденный
Не силой собственной своей.
Какъ солнца лучъ, цвѣтокъ питаетъ,
Небесной силой онъ живетъ!

XLVI.

ДРУГУ.

На домашнія заботы.

Не все труды, не все заботы,
Не все житейскіе расчеты,
Должны насъ занимать собой!
На долго ль мы?—О другъ безцѣнный!
Единый мигъ—и горды стѣны
Лежатъ песочною горой!

Степь Аравійская безводна,
Гдѣ жгучій вѣтръ, и смерть голодна
Въ пескахъ хоронятъ жизнь людей,
Не есть еще предѣлъ родимый,
Назначенный, необходимый,
И словомъ: цѣль всей жизни сей.

Дни счастія, и дни печали
Хоть міръ давно размежевали,

Но все есть споры по землямъ!
Гдѣ счастіе сего дня строитъ,
Тамъ завтра горе яму роетъ,
А послѣ завтра счастье тамъ!

То въ ихъ ли разновидной волѣ,
Какъ падшій листъ подъ вихремъ въ полѣ
Кружиться долженъ человѣкъ?
Стань къ солнцу красному спиною,
Изъ тѣни той, что предъ тобою,
Не выдешь ты, мой другъ, во вѣкъ!

Не лучше ль въ лѣтній день пріятный
Призвать забавы хоръ нарядный,
И трудъ домашній отпустить!
Безоблачныхъ дней въ жизни мало!
Пройдетъ зари сіянье алой!
А всѣхъ заботъ не пережить!

Откинь мой другъ, откинь заботы!
Мы къ дому твоему ворота
Отворимъ радости одной!
.... Пусть съ нею солнце закатится!
На часъ пусть сердце освѣжится
Какъ утренняя заря росой!

И капелька росы блестящей
Цвѣточка краткій вѣкъ летящій
Понтъ не рѣдко въ лѣтній часъ!
Въ кружкѣ сѣмьи тобою страстной
Одной усмѣшкою прекрасной
Волшебно ты украсишь насъ!

XLVII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Когда въ нарядный хороводъ,
Согласной пѣснею гремящій,
Плѣненный пляскою красотъ,
Сѣдою бородой свѣтящій,
Съ дубинкою старикъ бѣжитъ,
Не въ смѣхъ ли онъ людей приводитъ,
Что мудрость старца въ играхъ бродитъ
Зажмурясь свищетъ, и шумитъ!

Въ кругу сладкорѣчивыхъ Музъ,
Не я ль старикъ сей безпокойный?
Но какъ бѣжать отъ страстныхъ узъ?
И кто умѣетъ въ часъ пристойный
Поговорить, и помолчать?
Мы ищемъ цѣлу жизнь забавы!
Утѣхи рѣдки безъ отравы!
Какой мнѣ вредъ—стихи писать!

Блаженъ—и средь преклонныхъ лѣтъ,
Кто у красы въ часъ шутки смѣлой
Украдкой поцѣлуй возметъ!
Краса съ насмѣшкою веселой
Ушедъ, не унесетъ съ собой,
Устами жизни вдохновенной,
Не часто ли лозъ осенней
Даетъ прививокъ цвѣтъ иной?

Какой шутъ грѣхъ, что въ лѣтній день
Съ дороги пыльной и гористой
Сойдетъ прохожій въ кратку тѣнь,
И близъ волны журчащей чистой,
На часъ приляжетъ отдохнуть?
Что мнѣ весь міръ съ блестящимъ вздоромъ,
Когда единымъ Л... взоромъ
Цвѣты мнѣ выростаютъ въ путь?

Двояки суть толпы забавъ,
Небесны дѣти, и земныя,
Одни питаютъ безъ отравъ,
Въ другихъ таятся скорби злыя!
—Когда въ недужной жизни сей,
Невинны веселятъ утѣхи,
Пусть буйны раздаются смѣхи!
Я счастливъ съ Музою моей!

LXVIII.

Н. А. Я.

Живущему въ деревнѣ.

Не сѣтуй, о мой другъ, украдкой,
Что ты не видѣнъ въ жизни краткой,
Не ловокъ, и для многихъ нѣмъ!
Для многихъ ли цвѣтокъ распущій
Есть видъ вниманіе влекущій?
Равно ли солнце свѣтитъ всѣмъ?

Скучаешь ты въ своемъ покоѣ;
И мыслишь быть счастливымъ вдвое,
Когда въ лучахъ мірскихъ прикрасъ
Разсѣешь сердце!—другъ любезный!
Разсѣй сго—ты встрѣтишь бездны
Гдѣ въ тягость будетъ каждый часъ!

Вино въ водѣ свой цвѣтъ теряетъ.
И лучъ хоть въ кристалѣ сіяетъ,
Но разсыпаясь не живитъ.
И сердце такъ въ житейскомъ полѣ,
Дѣлясь слабѣетъ — и въ не волѣ
Своею цѣпью лишь звучитъ!

Корабль связями съединенный
И парусами окрыленный
Отъ плеска волнъ не потечетъ!
Онъ съ грузомъ—въ молньяхъ все-дробящихъ
Надеженъ на волнахъ кипящихъ
Какъ лебедь бѣлая средь водъ!

Я вижу въ томъ твои заботы
Что къ дому твоему воротцы
Затворены и ночь и день!—
Что въ садъ твой изгороды цѣлы.
И что не можетъ пупникъ смѣлый,
Похитивъ плодъ, въ твою лечь тѣнь!

Но какъ заботишься собою,
Когда ты солнцемъ надъ сѣмьею!
Когда ты жизнію своей,
Шалашъ вечерній украшаешь

И шедшу старость согрѣваешь
Взлелѣявшихъ тебя людей!—

Что міръ!—не степь ли та безводна
Гдѣ пестрота и пыль народна
Опягощаетъ чистый взоръ!
Гдѣ люди жаждой утомленны
Другъ друга гонятъ въ путь стѣсненный
Въ кругу толящихся въ нихъ ссоръ!

А міра рабъ!—не рабъ ли страсти,
Который свой товаръ на части
Стремится день и ночь сбывать?
Умѣетъ выхвалять дурное,
Сбыть мѣдное за золотое,
И ложь цвѣтами прикрывать!

Чему завидовать тутъ можно!—
Отстань, мой другъ, отъ мысли ложной!—
Не гнѣвай ты своей судьбы;
Ты кротокъ, ты готовъ въ услугу
Злодѣю тоже ты, что другу—....
Но сердца не давай въ рабы!

Сердечный огнь, есть огнь чудесный,
Свѣтящій только путь тотъ тѣсный,

Гдѣ сжатъ весь свѣтъ его лучей;
Гдѣ сердце сердце лишь пишаетъ. —
Но огнь сей мигомъ изчезаетъ,
Разсѣясь въ множествѣ путей!

Не сѣтуй же, о другъ безцѣнный
На дни твои уединенны,
И на невидну жизни нить.
Кто сердцемъ цѣлъ—добромъ запасенъ,
Тому пусть предлежитъ прекрасенъ,
Жить въ мірѣ—и внѣ міра быть!

XLIX.

А. Н. Л.

Въ чужіе краи.

Не завсегда въ странахъ красивыхъ,
Гдѣ нѣга съ роскошью живетъ,
Гдѣ цѣлый годъ въ волнахъ игривыхъ
Красотъ природы видѣнъ цвѣтъ,
Любезно счастье привлекаетъ;
Домъ счастья часто вырастаетъ
И тамъ гдѣ вовсе лѣта нѣтъ!

Ты вздумалъ, нашъ дружокъ крылатый,
Оставивъ искреннихъ родныхъ,
Летѣть въ страны красой богаты,
И тамъ среди полей цвѣтныхъ,
Въ горахъ, или у водъ цѣлебныхъ,
Среди живыхъ картинъ волшебныхъ,
Искать веселыхъ дней своихъ!

Но счастья нѣтъ въ красахъ природы.
Ты самъ прислалъ о томъ намъ вѣсть;
Мы рождены не для свободы!
Рай сердцу въ сердцѣ только есть.
За чѣмъ же ты, какъ безпріютный,
Младой свой вѣкъ, цвѣточекъ минутный,
Въ чужой странѣ заставилъ цвѣсть?

Ты поспѣшилъ летѣть отъ скуки,
А скука тѣнью за тобой.
Въ странахъ, гдѣ льютъ свой цвѣтъ науки,
Гдѣ вся природа рай земной,
Ты какъ осенняя ночь въ пустынѣ!
Не видишь ли и самъ ты нынѣ,
Что горько жить одинъ собой!

А мы, желая быть съ тобою,
Здѣсь ищемъ хоть твоей мечты;
Отворитъ ли кто дверь порою,
Намъ кажется, что входишь ты.
Кого-то нѣтъ и за обѣдомъ!
И даже намъ грусть бродитъ слѣдомъ,
Гдѣ ты же разставлялъ цвѣты.

Впрягай, мой другъ, впрягай скорѣе
Проворныхъ въ бричку ты коней;

Коль можно молніи быстрѣе,
Лети ты къ родинѣ своей!
Пусть въ пыльныхъ облакахъ чушь зрится
Какъ колесо твое вертится,
И вьется бичъ въ рукѣ твоей!

Въ осенни кратки дни, сырые,
По мерзлымъ ямамъ и буграмъ;
Въ туманы низкіе, сѣдые,
Сквозь желтый лѣсъ, по хрупкимъ льдамъ,
На встрѣчу мы къ тебѣ съ сѣмьею!
Своихъ увидя предъ собою
Не будешь вѣрить ты очамъ!

Не будешь вѣрить, что въ разлукѣ,
Какъ листъ, отпадшій средь полей,
Томясь въ уединенной скукѣ
Ты ожилъ какъ весной ручей!
Лети—дай праздникъ намъ веселый!
Любовь, прибавишъ вѣкъ намъ цѣлый,
Въ кругу твоихъ красивыхъ дней!

Увѣрься, что блаженъ тотъ въ мірѣ,
Который съ жаждущей душой,
Рожденный въ рубищѣ ль, въ порфирѣ,
Спѣшитъ отъ дѣлъ къ сѣмьѣ домой;

Гдѣ со цвѣтовъ какъ пчелы въ сопы,
И на крыльцо, и за вороты,
Летятъ къ нему сѣмья толпой.

Взгляни на насъ! —насъ окружаетъ
Забота, трудъ, въ нихъ вѣкъ течетъ!
Но гдѣ любовь ихъ принимаетъ,
Онажъ ихъ со двора ведетъ
И устилаетъ путь цвѣтами!
—Не надъ гнѣздомъ ли, подъ листами,
Весною соловей поетъ?

L.

НА АГАТОВУЮ ПЕСОЧНИЦУ,

полученную въ подарокъ.

Не Геній ли какой небесный,
Въ волшебный часъ своихъ ушѣхъ,
Агатный сей сосудъ прелестный
Изъ каменной горы изсѣкъ?
И вѣчности символъ гласящій
Змѣю кольцомъ на верьхъ блестящій
Онъ мыслью приковалъ на вѣкъ?

Но вскормленъ ты судьбы велѣньемъ
Подъ теплымъ Генія крыломъ.
Не тайнымъ ли его влеченьемъ
Ты повстрѣчался съ симъ трудомъ?
Что бы въ пути подъ часъ съ заботой
Ты утѣшался сей работой
Какъ въ осень солнечнымъ лучомъ?

А если такъ, о другъ почтенный,
Напрасно даръ чудесный сей,
Тебѣ въ утѣху сооруженный
Даешь ты въ знакъ любви твоей.
День красный, сельскій рай въ долинѣ —
Не то что виды тѣ въ картинѣ!
Ты самъ въ кругу здѣсь нашихъ дней.

Когда изъ странъ гдѣ всіо прельщаетъ!
Гдѣ изобиліе цвѣтетъ,
Тебя нашъ голосъ увлекаетъ,
И мчишъ на Сѣверъ твой полетъ!
За чѣмъ на память даръ нарядный,
Гдѣ ты въ сердцахъ какъ лучъ отрадный!
Гдѣ твой не простываетъ слѣдъ!

Не мнишь ли ты симъ камнемъ твердымъ
Любви мнѣ твердость объяснить?
И видомъ тонкимъ и усерднымъ
Сказать какъ надобно любить?
Послушай, человѣкъ мой милой,
Я живъ любви единой силой
—И тутъ не дамся побѣдить.

А развѣ поклонюсь учтиво,
И даръ твой назову моимъ,

За то, что твой агатъ красивой
Пескомъ насыпанъ золотымъ,
И что теперь струи блестящи
Изъ камня твоего летящи
Засвѣтятъ по словамъ моимъ!

Быть такъ, пусть дружбы блескъ твой новый
Украситъ рѣчь мою собой,
Завиденъ тотъ вѣнокъ лавровый,
Который дружбы свитъ рукой!
А шумъ народный—говоръ птичій!
Свистокъ одинъ, причиной дичи
Какая слышится порой!

LI.

УРОКЪ ЛЮБВИ.

О Леночка, послушный
Дитя любви моей!
Дай крылышки воздушны
Въ займы съ твоихъ плечей,
Дай молнію живую,
Ввитую въ поясъ твой,
Дай стрѣлу золотую,
На косй ты порой
Какъ вѣтерокъ порхаешь,
И радостно лобзаешь
Уста и взоры той,
Гдѣ вѣкъ младой счастливый
Какъ видъ цвѣтка красивый
Весь для тебя цвѣтетъ!
Я счастливъ въ жизни зрѣлой,

Но блескомъ юныхъ лѣтъ,
Игрой младенецъ смѣлой
Любовь къ себѣ влечетъ!
А сей златой отрады
Я временемъ лишенъ.
И нѣтъ мнѣ той награды,
Дитя чѣмъ награжденъ!
Я въ молнію одѣтый,
Вооружась стрѣлой,
Всѣ времени примѣты
Я истреблю войной:
Сверну и крылья мощны,
И косу изломлю,
Часы его песочны
Я въ руку изловлю!
И всю добычу ратну
На жертву я пріятну
Отдамъ любви моей!
Тогда любить я буду
Въ кругу безлѣтныхъ дней!
О старости забуду
Въ раю души моей!
Такъ въ часъ уединенный
Взявъ лиру вечеркомъ,
Я страстью вдохновенный
Пѣлъ, сидя подъ кустомъ.....
Но вдругъ на лирны звуки

Какъ духъ какой во снѣ
Любовь пришла ко мнѣ!
....Упали съ лиры руки,
Пресѣкся голосъ мой!
Какъ въ волны блескъ какой!
Какъ по струнамъ зефиры!
Любовь ударивъ въ строй,
Моей сердечной лиры,
Съ усмѣшкой мнѣ рѣкла:
„Мнѣ страсть твоя мила;
„Но дань на жертву время
„Не есть усердья жаръ!
„Косы обломковъ бремя
„Есть часто скудный даръ!
„Любви награда, счастье
„Не молодость одна!
„Слить душу съ ней въ согласьѣ
„Вотъ чѣмъ живетъ она!
„Родное жизни поле
„Во власть ей все отдать,
„Не жить собою болѣ,
„И ею лишь дышать —“
Да мнѣ сей жертвы мало
Отвѣтствовалъ я ей!
Во мнѣ души не стало
И я въ числѣ тѣней
Но есть еще дыханье,

Въ кругу летящихъ дней;
А все мое желанье,
Не улетать отъ ней,
Когда же то не можно,
Скажи мнѣ путь надежной
Въ пещерахъ ли, въ горахъ,
Сквозь волны, иль въ лѣсахъ;
Гдѣ бъ могъ я вѣкъ мой краткой
Отъ времени украдкой
Провесть въ однихъ цвѣтахъ!
Гдѣ бъ жизни сей наряды,
Которы безъ пощады
Сѣдой старикъ беретъ,
Я могъ спасти отъ лѣтъ!
—„Гдѣ я—тамъ время нѣтъ,
Любви тутъ былъ отвѣтъ!
Со словомъ симъ пріютъ мой бренный
Какъ солнце засіялъ въ лучахъ!
Гранитный жертвенникъ священный
Явился убранный въ цвѣтахъ!
И лишъ огонь волшебный
Затеплился на немъ,
Любовь мнѣ объявила,
Что у сего свѣтила
Я долженъ быть всегда жрецомъ!
А чтобы жизни сила
Безъ времени текла,

*

Она тихонько подошла
Гдѣ огнь пылалъ волнистый,
И крылышки свои сребристы
На немъ сожгла!

LII.

ЧУВСТВОВАНІЕ БОГА.

Не изъ темницы ли подземной,
Гдѣ жизнь объемлетъ мракъ, и хладъ,
На свѣтъ я изведенъ мгновенно?
—Мой духъ исполнился отрадъ!
Распалась цѣпь!—свободно слово!
Я пью источникъ жизни новой!
Какъ въ зной, сребристый токъ прохладъ.

Сіянье въ тишинѣ глубокой
Меня проникло и живитъ!
Какъ птица на горѣ высокой
Душа покой въ восторгѣ зритъ!
Любви небесное вліянье,
Съ чужой страны къ отцу желанье
Волнуетъ сердце и кипитъ!

Но что во мнѣ сей духъ, иль сила?
Что жизнь? что цѣнь сихъ крашкихъ дней?
Что мысль?—не искра ль отъ свѣтила
Ниспадша въ кругъ ночныхъ пѣней?
Не видима, а ощутима
Извѣстна, но не постижима
Царица, иль раба страстей?

Отколь во мнѣ составъ чудесный?
Отколь свобода въ свѣтѣ и тьму?
Покрытый тѣломъ, безтѣлесный!
Я свѣтъ во тьмѣ, какъ огнь въ дыму!
То сила въ немощи пылаетъ!
То немощь силу покоряетъ!
—О сѣнь волшебная уму!

Знать жажду—но, чего не знаю,
О томъ однако знаю я!
Свободно мыслю—постигаю,
Но отъ меня ли мысль моя?
Прошу покоя—жажду счастья
Какъ солнца въ длинны дни ненастья,
И жажда лишь растетъ сія!

Кто я!—блаженствомъ вдохновенный
Въ огромномъ мірѣ нищеты?

Ошколь я истины священной
Ищу въ предѣлахъ суеты?
Кто я?—не тотъ ли пушникъ бѣдной,
Который въ кровахъ ночи темной
Желаетъ свѣта хоть мечты?

И духъ мой смертностью покрытый,
Стремленіе на свѣтъ во мглѣ!
Въ союзъ противны силы слиты,
Рай сердца—въ благѣ,—мука въ злѣ!
Не камни ль изъ вѣнца драгіе,
Которы, какъ лучи златые,
Сквозь пыль сіяютъ на землѣ!

Рожденна для страны воздушной,
Крылатая отдавшись въ плѣнъ,
Не рвется ли изъ клѣтки скучной
Сквозь обнесенныхъ тѣсныхъ стѣнъ?
И кто вздохнетъ о томъ невольно,
Что онъ не царь въ странѣ крамольной,
Когда царемъ онъ не рожденъ?

Бѣгите съ глазъ сердечны страсти;
—Я сынъ небеснаго отца!
И самыя мои напасти
Въ обломкахъ свѣтящся вѣнца!...

Души моей порывъ, влеченье
И трепетъ слезъ въ сіе мгновенье
Суть признаки его пленца!

Даръ жизни плѣну не причастенъ!
Дѣлимость разрушаетъ видъ!
Но плѣнъ то раздѣлить не властенъ,
Что видимо не можетъ быть.
Тѣлесно вещество есть сложность.
А духъ—по зрѣнію ничтожность
Все сохраняетъ и живитъ.

И я живу, и сохраняюсь
Нетлѣнной жизнью силы сей,
И чувствую, что напояюсь,
Я каждый мигъ живой струей.
Я зрю чрезъ свѣтъ въ меня вліянный
Глаголъ на сердцѣ изваянный,
Что отблескъ вѣчныхъ я лучей!

Но въ чувствахъ сихъ во мнѣ горящихъ
Откуда въ сердцѣ чувство мукъ?
На мигъ я былъ въ лучахъ блестящихъ
И блескъ разсыпался ихъ вкругъ!
Кто предо мной стоитъ грозою?
И молніею громовою
Тревожитъ мой гласящій духъ?

О совѣсть!—сердца обличитель,
Не твой ли слышу скорбный гласъ?
Съ тѣмъ чувствомъ что, мнѣ богъ хранитель,
Что я дышу имъ каждый часъ,
Я вижу, что я сынъ развратной
Отрекшійся его стократно
И шедшій на него не разъ!

Сердечное движенье къ Богу
Въ оковахъ у страстей моихъ!
Когдажъ я полечу къ чертогу?
Когда я стану въ рядъ Твоихъ?
О Богъ мой!—о Отецъ небесный!
Дай каплю силы мнѣ чудесной,
Я вырвусь отъ пороковъ злыхъ!

Какъ изъ сѣтей приманкой скрытыхъ
Олень освободясь въ горахъ,
Летитъ среди смертей несытыхъ
Мелькаетъ въ дебряхъ, и въ цвѣтахъ,
И встрѣтясь съ сладкой тишиною
Онъ утоляется волною
Такъ буду я въ пущахъ Твоихъ!

Пойду—пойду—въ Твой слѣдъ отрадный
Съ Тобою двинусь я горой!

И крутизны, и камни хладны
Сравнятся подъ моей пятой!
Ты только, о мой царь всещедрой,
Не осуши слезы усердной,
Въ которой свѣтъ сіяетъ Твой!

LIII.

ДРУГУ.

За переписку моихъ стиховъ.

Нѣтъ Л....., дружокъ сердечный!
Источникъ свѣтлый, скоротечный,
Подъ блескомъ солнечныхъ лучей,
Не съ тѣмъ стремленьемъ съ горъ катится,
Съ какимъ мой духъ къ тебѣ стремится
Въ слѣдъ благодарности моей!

Сравню я развѣ восхищенье,
Что ты писать взяла терпѣнье
Какъ сердце говоритъ мое,
Съ одной минутой той пріятной,
Когда цѣлуешь ты стократно
Любимое дитя твое!

И вопиъ уже твоимъ искусствомъ,
Твоимъ же оживленна чувствомъ
Яснѣе рѣчь моя для всѣхъ!
А дѣтямъ нашимъ, другъ мой милый!
Не кладъ ли будетъ въ часъ унылый
Гдѣ памятникъ твоихъ утѣхъ?

Суди сама!—какъ мнѣ не сладко,
Что и за сею жизнью краткой
Тобой еще я буду жить!
Не часто ль—видимъ мы—бываетъ,
Что солнце блескомъ украшаетъ
И не красивый въ полѣ видъ?

Но уговоръ одинъ съ тобою!
Гдѣ сердце огненной волною
Въ рѣчахъ лилось къ тебѣ дружокъ,
Тамъ отложи свой трудъ примѣрной,
Хочу я самъ рукой усердной
Еще хоть листикъ вплесть въ вѣнокъ!

Какъ свѣтъ въ источникѣ струится,
Такъ видъ любви возобновится,
Въ простыхъ чертахъ руки моей.
Но свѣтъ не вѣчно краситъ волны!
А гласъ огнемъ сердечнымъ полный
Не угасимъ въ душѣ твоей!

LIV.

В. В. КАПНИСТУ.

При посылкѣ моихъ стиховъ.

Безуменъ тотъ въ моемъ расчетѣ
Кто такъ разборчивъ въ жизни сей,
Что ничего не сыщетъ въ свѣтѣ
Въ цвѣтной нарядъ судьбы своей;
И прошатаясь весну тщетно,
Цвѣты пропустишь не примѣтно
Въ кругу весеннихъ краткихъ дней.

По милости судьбы всевластной
Хотя въ снѣгахъ мнѣ данъ пріютъ,
За то, сѣмья въ любви всечасной
Мое лелѣетъ счастье тутъ.
Ни дворскій блескъ—ни кладъ богатый
Не тмятъ собой мои домъ досчастый
—И не мѣшаютъ отдохнуть!

Живу я малымъ—но но покойно;
Мой день—какъ свѣтлый ключь шечетъ.
Пришла ли ночь?—гласъ счастья стройный
Къ любви меня уснуть зоветъ.
Мои заботы—прахъ чуть видный!
Труды—забавы разновидны!
Вся жизнь—въ летящей каплѣ свѣтъ!

Въ часы гдѣ иногда къ забавѣ
Я съ счастьемъ въ гости соберусь,
Тогда какъ богатырь ко славѣ
Сквозь всяку встрѣчу я несусь.
Отдавъ поклонъ земному міру,
Я гряну въ самодѣльну лиру,
И выше всѣхъ хлопотъ взовьюсь.

Пою—и часто хоть не ладно
Но я пою не для похвалъ!
Я жизнью вдохновенъ отрадной,
Сердечный другъ мнѣ лиру далъ
Какъ не забыться въ восхищеньѣ?
—Прямое въ жизни наслажденье
Довольну быть чѣмъ Богъ послалъ

Но лиры звуки изчезаютъ
Какъ свѣтъ—въ кругу ночныхъ тѣней.

И тѣ одни лишь насъ питаютъ,
Которы въ сердце бьютъ струей.
То что желать мнѣ въ жизни болѣ
Какъ не согрѣться—жить подолѣ
Хоть памятью въ сердцахъ друзей.

О Музъ любимецъ, другъ всегдашній
Ты былъ наставникомъ моимъ!
Кинь взоръ на памятникъ домашній
Коснись его рѣзцомъ твоимъ,
И усмѣхнись на трудъ нескромной
—Терпѣнье надобно огромно
О краскахъ говорить съ слѣпымъ!

Но гдѣ дитя свое не мило?
Когда разсудокъ въ сердцѣ былъ?
Бывало мнѣ и то постыло
Разсудокъ что приговорилъ;
А если мнѣ смотрѣть какъ должно
Что можно гдѣ, и что не можно,
Прости мой вѣкъ!—и слѣдъ простылъ!

LV.

ОТВѢТЪ

В. В. Капниста.

Хорошо тому о счастьѣ,
Другъ любезный! говорить,
Кто въ житейскомъ могъ ненастьѣ
Голову плащемъ прикрыть,
Тѣмъ, въ которомъ мудрость скромна,
Изъ дворца ушедъ огромна,
Любитъ въ шалаши ходить.

Въ морѣ кто мірскомъ бурливомъ,
Могъ, попутный вѣтерокъ,
Въ парусъ уловя, заливомъ
Къ пристани привесть челнокъ,
Что бъ тамъ грузъ свой не причудный,
Міръ, любовь,—снести хоть въ скудный,
Но затишный уголокъ

Тамъ онъ, внѣ толпы мятежной
И суетъ и прихотей,
Съ милою подругой нѣжной,
Росмъ окруженъ дѣтей,
Видитъ въ сине море дально
Льющійся струей кристальной
Ручеекъ веселыхъ дней.

Отъ вельможескихъ зашѣйныхъ
Убѣгаетъ онъ пировъ;
Но на встрѣчу игръ сѣмейныхъ,
Какъ дитя бѣжать готовъ;
Дружбу въ гости приглашаетъ
И тишкомъ съ ней подстригаетъ
Крылья счастливыхъ часовъ.

Тамъ онъ можетъ на досугѣ
Звонку лютню острунять,
И о старомъ вспомня другѣ,
Пѣснь игриву напѣвать;
Можетъ, съ чванства снявъ личину,
Счастья скромнаго картину
Всѣмъ на зависть представлять.

Такъ зачѣмъ, мой другъ! хлопочешь
Легку пѣснь давать на судъ!

Счастье пѣть свое ты хочешь,
Пой! — судья не нуженъ тутъ:
Съ чувствомъ рнома дружно ляжетъ;
И сказать, что̀ сердце скажетъ,
Не большой счастливцу трудъ!

LVI.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ЗАВТРАКЪ.

Не въ изобиліи затѣй,
Струею сонною поящихъ,
Не средь узорчатыхъ огней,
Мгновенно взоръ нашъ веселящихъ,
Къ забавѣ сердце насъ ведетъ.
Забавы сердца не шумливы,
—Источникъ часто бѣгъ игривый
Въ цвѣтахъ скрывая вѣкъ живетъ.

Въ кружкѣ сѣмьи моей родной
Не роскошь гостя принимаетъ.
Не полкъ блестящихъ слугъ толпой
Къ нему на встрѣчу выбѣгаетъ.
—У насъ березки въ воротахъ,
Цвѣтами огородъ одѣтый.
Гостямъ прислуга—наши дѣти,
И искренній пріемъ въ сердцахъ.

---

*

Оставь, о другъ, хотя на часъ
За Архимедомъ путь унылый,
Приди — и отдохни у насъ
Съ хозяйкою твоею милой;
На сливѣ у меня одной
Младой прививокъ иностранный
Зоветъ сорвать плоды румяны
Твоею дружеской рукой.

Домашнимъ вскормлены прудомъ
Арбузы, и Малтійски дыни,
Служитъ вамъ будутъ за столомъ,
Средь крупной Англинской малины,
Доколь мой спѣетъ виноградъ!
Въ бесѣдкѣ повилики смѣлой
Мы утренній часокъ веселый
Заполонимъ въ кругу отрадъ!

LVII.

Е. Н. Л.

Мы искали меду сладкаго,
Меду сладкаго, янтарнаго,
Чтобъ уста твои румяныя
Подарили насъ усмѣшкою!
—Не откликнулося счастье намъ!
Не нашли мы золотыхъ сотовъ,
А виной тому солнце красное!
Къ красотѣ твоей по зависти
Въ облака скрываясь темныя,
Не пускаетъ солнце вылетѣть
Ни единой пчелкѣ легонькой
Со цвѣтовъ сбирать соки сахарны!
Неутѣшно горевали мы!
Больно стало ретиву сердцу!
Какъ забаву твоего стола
У тебя солнце отняло!

Средь лѣсовъ дремучихъ изстари,
Околъ терема старинаго,
Извиваются лентой синею
Двѣ рѣки, сосѣдки дружныя!
Берега цвѣтами скрашены
Въ слѣдъ за ними идутъ весело!
Горы, лѣсъ, долины злачныя
Въ нихъ находятъ красоты свои!
Съ безотраднымъ сердцемъ мы одни,
Какъ пустынники шатались!
И въ раздумьѣ ходя по лугу,
Вопрошали мы весь бѣлый свѣтъ:
Ты скажи намъ поле чистое,
Свѣтлый мѣсяцъ, рѣки быстрыя,
Лѣсъ дремучій, солнце красное!
Какъ намъ другу покланяться?
Чтобъ на насъ взглянулъ онъ ласково,
Чтобы рѣчь его привѣтлива,
Затеплѣлась въ сердцѣ дружескомъ!
Тутъ возговорилъ товарищъ мой,
Вѣрный пайщикъ въ горѣ—въ радости:
„Дай закину я уду гибкую
„Въ воды чистыя, безсонныя,
„Можетъ быть волна прохладная,
„Принесетъ даръ другу нашему.“
Не взошла заря румяная,
Не дымились трубы сельскія!

Мѣсяцъ сквозь древесъ проглядывалъ,
Лишь порхала пишина одна!
Сыртъ!—чешуйка сребровидная,
Глазъ сіяетъ ровно золото,
Яхонтъ красный по бокамъ перо
Встрепенулася на удочкѣ!

Не посѣтуй ты нашъ милой другъ,
Что нашъ даръ тебѣ доставленный
Не арбузъ, не виноградъ какой,
Не съ наливомъ сладко яблочко!
А простая рыба вялена!

Не богатствомъ даръ нашъ свѣтится!
Въ сердцѣ найдется цѣна ему.
Не найдешь ее,—брось въ окно дары,
А не бросишь—ты купила насъ!
—Будь увѣрена, миловидный другъ!
Что такъ купится—не износится!

LVIII.

П. М. И.

Гдѣ солнце жизни кипитъ свѣтъ,
Засвѣтятъ тамъ и горы льдисты;
Гдѣ пробѣжитъ ручей сребристый,
Тамъ и былинка зацвѣтетъ.
Дается жизнь однимъ мгновеньемъ.
Свѣтильникъ вспыхиваетъ въ мигъ.
Единымъ царскимъ мановеньемъ
Садъ можетъ быть въ лѣсахъ глухихъ.

Такъ взоръ души твоей безцѣнной,
Взглянувъ на мой родной Парнасъ,
Разсыпалъ вдругъ красы нетлѣнны
На тѣхъ, родѝлся кто на часъ!
Какъ бы цвѣтущей повиликой
Ты рѣчью обвилась моей!
И жизнь дала пустынѣ дикой
Въ безоблачномъ кругу лучей!

Какъ не спасибо человѣку,
Который всѣмъ свой блескъ даетъ?
Который прибавляетъ вѣку
Тому, въ комъ и надежды нѣтъ!
И можно ль мнѣ себѣ представить,
Чтобы нескладныхъ пѣсенъ хоръ
Собою могъ раекъ *) сославить
Тому, въ комъ чистъ природный взоръ?

А если рѣчь моя мгновенно
Чью слезку выжметъ въ добрый часъ,
Я признаюся откровенно,
Что тутъ не дѣйствуетъ Парнасъ!
А на ушко скажу вамъ ясно,
Что строить лиры не могу.
Мой другъ во мнѣ поетъ всечасно,
И я вамъ истинно не лгу!

---

*) *Раекъ* называется стекло въ которомъ предметы видятся въ разныхъ краскахъ.

LIX.

ЦѢНА ЖИЗНИ.

Счастливъ тотъ, кто въ тихой долѣ,
На своемъ трудится полѣ,
И не видитъ бурныхъ дней!
Тамъ въ лугахъ его зеленыхъ,
Плодъ съ деревъ имъ насажденныхъ,
Какъ-то слаще и милѣй!
Тамъ любезенъ тотъ ручей,
Гдѣ онъ раковки жемчужны,
Во младенчествѣ ловилъ!
Тотъ и камень сердцу милъ,
Гдѣ любви, со счастьемъ дружной,
Первый вздохъ онъ подарилъ!
—Но предѣлъ такой пріятной,
Не отечество мое.
Перепутье лишь отрадно!
И ничто въ немъ не свое.

Хлѣбъ даютъ! и воздухъ чистый,
Воду, свѣтъ, цвѣты душистые,
Но взаймы, на краткой вѣкъ!
Гость, здѣсь всякій человѣкъ!
Даже сердца связи тѣсны,
Дѣти и жена прелестны,
Не на время ль здѣсь со мной?
Гдѣ же счастье? — гдѣ покой?
Гдѣ родимый уголъ мой?

LX.

П...ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ПОМОЛВКИ.

Не подивись, дружокъ веселый,
Что голубокъ сребристый днемъ
Въ твой теремъ прилетаетъ смѣло,
И тутъ клюетъ въ уликѣ твоемъ.
Такой чудесности прекрасной
Представь, что ты виной одна!
Любовь промолвилась мнѣ ясно....
—И тайна мнѣ сообщена.
На сердцѣ у любви шалось,
Тебѣ въ даръ счастіе вручить.
И счастіе тогдажъ просилось
И день и ночь тебѣ служить.
Но въ томъ лишь трудность предстояла,
Какого свойства счастью быть!
Богатыхъ горъ ты не желала,
А знатность не могла любить.

Ума надутаго узоры
Тебѣ казалися мечтой;
Мірскіе щеголи, проворы
Шумящимъ стадомъ, саранчой!
Единое по сердцу счастье,
Вѣнчающее жизнь твою,
Есть кроткій нравъ—съ судьбой согласье,
Постигшій разумъ цѣль свою!
Душа любовью напоенна,
Живущая всегда въ другихъ;
Въ рѣчахъ тиха, и откровенна,
Къ добру на крыльяхъ золотыхъ!
Изъ свойствъ такихъ любовь чудесно
Составивъ жизнь души одной,
Въ часъ неожиданный, безвѣстной,
Взяла ее къ тебѣ съ собой,
Но чтобъ внезапностью такою,
Невинный не встревожить духъ,
Чтобъ даръ любви былъ схожъ съ тобою,
И красилъ нашъ сѣмейной кругъ,
Любовь велѣла, птичкой спрастной,
Ручною, кроткою, прекрасной,
Быть счастью твоему, мой другъ;
То не дивись, дружокъ веселый,
Что голубокъ сребристый, днемъ
Въ твой теремъ прилетаетъ смѣло,
И тутъ клюетъ въ ушкѣ твоемъ.

Быть можетъ, крылышки прекрасны,
Тебя не много вводятъ въ страхъ!
Но всѣ заботы намъ напрасны,
Сама любовь гдѣ на часахъ!

И такъ спокойся, другъ сердечный,
Не помрачай счастливый часъ!
Не отлетитъ твой горликъ вѣчно,
Лишь зеренъ береги запасъ!

LXI.

СРАВНЕНІЕ.

Блаженъ кто общею хвалою
Украшенъ въ краткой жизни сей.
Цвѣтокъ усыпанный росою
Богатѣе въ красѣ своей.
Но если капельки блестящи
Отгонитъ вѣтръ, иль лучъ палящій,
Они красотъ не унесутъ!
Не твой ли видъ цвѣточкомъ тутъ?

LXIII.

А..... ВЪ АЛЬБОМЪ.

Не оскорбись дружокъ нашъ, Аша!
Любовью странною моей.
Представь—я радъ что ты не наша!
Что ты себя не чтишь своей.

Что дни твои, для насъ безцѣнны,
Ты посвятила въ даръ—не намъ!
Что ты сердечной перемѣны
Не ищешь въ жизни по цвѣтамъ.

Что другъ твой, кладъ тебѣ небесный!
Что счастлива ты только имъ.
Нашедъ пріютъ себѣ сердечный
Царица ты—вѣнцомъ твоимъ!

Дала ты сердце?—не напрасно
—Душа ты друга своего!
И признаюсь я безпристрастно,
Не жаль намъ сердца твоего!

Мы счастливы твоей душою
И тѣшимся тобой мой другъ;
Какъ птичкой, легкою, златою,
Изъ клетки выпущенной въ лугъ.

Пускай отъ насъ ты отлетѣла!
Но ты у насъ живешь въ сердцахъ.
Гдѣ видъ такой ты взять умѣла?
Какъ звѣздочка блестишъ въ водахъ?

LXIII.

МОЕ ЧУВСТВО,

во 2-й день Сентября.

Какъ изъ сребрянаго облака
Проглянуло солнце красное,
Иль какъ звѣздочка въ осенню ночь
Въ синемъ морѣ показалася,
Такъ сего дня ты пришла на свѣтъ.
Ты росла зарей румяною,
Ненаглядной птичкой быстрою
Ты была отцу и матери.
Всей сѣмьи была ты радостью!
А теперя!—ты мой свѣтъ въ очахъ!
Ты мнѣ тихое пристанище!
Въ горѣ—мать; а въ счастьѣ—красный день!
Чѣмъ и какъ я отплачу тебѣ?
Мимо золота и серебра
Ты идешь не оглянешся.

Во чертогахъ царскихъ будучи
Говоришь ты, что пора домой!
Что жъ ты сердце тихо теплишся?
Не уронишь слова искрою,
И не скажешь гдѣ мнѣ кладъ найти
Въ даръ завѣтный другу милому,
Чтобъ бродящая туманна грусть
Не посмѣла съ нею встрѣтиться,
Чтобы радость златокрылая
Вкругъ ея вилась и день и ночь;
Въ облакахъ ли на горѣ крутой,
Гдѣ одинъ витаетъ сизъ орелъ,
Мнѣ любовь дастъ крылья быстрыя.
Въ подземельяхъ ли, гдѣ сливаются
Изумруды, алы яхонты,
Мнѣ любовь проложитъ гладкій путь.
Что жъ молчишь ты ретиво сердце?
—Въ поднебесной видно кладу нѣтъ
Заплатить ей за любовь ея!
Какъ прибавить лучъ солнцу красному?
О мой другъ—подруга вѣрная!
Заплачу жъ тебѣ я иной цѣной.
Я отдамъ тебѣ то въ завѣтный даръ,
Безъ чего и свѣтъ не свѣтится
И не грѣетъ солнце красное!
Наизлетѣ уже жизнь моя!...
Но связалъ я ей крылья томныя,

*

Приковалъ ее къ красотѣ твоей,
Мысль отъ ней и чувство отобралъ,
И велѣлъ я имъ тебѣ служить!
Пусть жива тобой душа моя!

LXIV.

Е. Н. Л.

Лѣкарство отъ разлуки.

Старушка разумомъ, а сердцемъ молодица,
Во нравѣ горлица, иль чиста голубица,
Послушай рѣчи ты моей:
Зачѣмъ ты мыслишь, что намъ скучно
Въ кругу холодныхъ сельскихъ дней?
Согласны всѣ единодушно,
Что зной и холодъ въ жизни сей
Къ блаженству не ведутъ людей.
Давно тебѣ самой извѣстно,
Что въ полѣ лѣтній красный день,
Великолѣпный видъ небесный,
Ручей сребристый—нѣга—тѣнь,
Пріютъ подъ вѣтвью ароматной,
Пѣснь соловьина съ тишиной,
Не могутъ быть тому пріятны,
Кто бродитъ день и ночь съ тоской!

А и морозъ сѣдой порою
И вихреватая метель
Счастливой кажутся четою;
И ихъ скрыпучая свирѣль
Сдается пѣсенкой прекрасной,
Когда въ кружкѣ сѣмьи согласной,
У дружбы подъ златымъ крыломъ,
Кочуетъ счастіе тишкомъ;
И въ хижинѣ своей всечасно
Съ крылатымъ шутитъ старикомъ.
Не въ томъ тутъ дѣло другъ нашъ милой.
Летаютъ къ намъ часы унылы
Отъ безобразной мысли той,
Что вскорѣ мы должны съ сѣмьей,
Гонимы новою разлукой
Съ досадой и съ самою скукой
Бѣжать—въ слезахъ простясь съ тобой;
А ктожъ разлуки сей виной?
Не ты—не мы—старикъ крылатый,
За коимъ все летитъ отсель!
Который ловитъ всѣхъ въ кошель,
Гдѣ рабъ, царь, нищій, и богатый,
Свой видъ перемѣнивъ на духъ,
Летятъ изъ кошеля какъ пухъ!
Но какъ любовь всѣмъ намъ открыла
Что будто съ молодыхъ ты дней
Волшебницей у ней

И будто есть въ тебѣ невидимая сила:
Живить людей;
То вотъ въ чемъ дѣло другъ любезный;
Возми къ себѣ ты время въ плѣнъ!
Мы знаемъ, что запоръ желѣзный,
Темница между гордыхъ стѣнъ,
Солома старику, и тлѣнъ!
Да видимъ мы и то всечасно,
Что красотой твоей всевластной
И камень на тебѣ горитъ!
И видъ твой мо́лча говоритъ!
То можно ль старику сѣдому
Не сдаться ангелу младому
И не запутаться въ цвѣтахъ?
Очаровавъ красою взоры
Онъ будетъ царь въ своихъ мечтахъ!
Откинетъ ратные уборы,
И будучи въ кругу отрадъ,
Носить и цѣпь онъ будетъ радъ!

LXV.

СТАНСЫ.

Куда, о солнышко! ты скрылось
Отъ горестныхъ моихъ очей?
Печально небо обложилось!
Гдѣ мнѣ искать души моей?

Взойдетъ ли здѣсь заря красиво,
Когда при ней не будешь ты?
И не шумитъ ли лѣсъ гнѣвливо,
Что праздну тѣнь даютъ листы?

Услышивъ громъ, пастухъ унылый
Спѣшитъ отъ тучи съ стадомъ въ лѣсъ!
Но если бъ былъ здѣсь видъ твой милый
Зачѣмъ бы гнѣву быть съ небесъ?

Смущенная рѣка грозою
Жемчугъ свой мечетъ по брегамъ,
И поднимаяся волною
Тебя же смотритъ по лугамъ!

А камень сей мнѣ вспоминаетъ,
Что ты на немъ вѣнки плела.
Легко ль! что камень объясняетъ
Какъ ты чувствительна была!

Но если ты мой другъ прекрасный
Придешь опять въ твой прежній край,
Не трать красотъ тоской всечасной
И тщетной страсти не питай.

Сплети одинъ вѣнокъ зеленой,
Любимый цвѣтъ мой вспомяни;
И окропивъ слезой безцѣнной,
На гробъ мой брось его—вздохни.....

LXVI.

БАРОНУ М.... ЗАКОМ....

При посылкѣ ананаса.

Одинъ изъ плѣнныхъ бѣдняковъ,
Американецъ родомъ,
Который у меня съ младенческихъ годовъ
И жилъ и росъ уродомъ,
Который будучи трехъ лѣтъ
Безъ солнца не живетъ,
Завелъ дѣтей, и жилъ съ сѣмьею;
Вчера чудесною судьбою
Заговорилъ,
Меня просилъ
Его отправить къ вамъ въ услугу,
Что онъ всемъ сердцемъ и умомъ,
Вамъ будетъ преданнымъ рабомъ
И что отъ васъ, ни въ дождь ни въ вьюгу
Не отойдетъ онъ ни на часъ!
Послушай глупой ананасъ,
Сказалъ я на отрѣзъ, и строго;

Ты забываешся немного!
Какъ мнѣ глупца тебя послать
Изъ глиняной тюрьмы въ свѣтлицу!
Къ Министру—къ барину—въ столицу!
Суди! что у тебя за стать?
Ни рукъ, ни ногъ, съ одной ты головою!
Исписанъ шахматной чертою,
И желтый лишь сквозишъ наливъ!
Помыслишь иногда, что ты совсѣмъ не живъ!
На рожѣ жирной, полосатой
Ни глазъ, ни рта, одинъ хохолъ рогатой
На мѣсто волосовъ!
На мѣсто рукъ, сто колкихъ языковъ
Ростутъ вокруъ тебя стѣною!
И ты безъ голоса, безъ словъ!
Сидишь, и весь свой вѣкъ съ поникшей спишь главою!
Нѣтъ! нѣтъ! чтобъ не было затѣй!
Живи какъ жилъ, и оставайся дома.
Древесная кора, негодная солома
Пустъ будутъ хижиной твоей!
Но тутъ мой ананасъ, какъ быстрые гдѣ воды,
Въ горшкѣ за мной пустился въ слѣдъ
И мнѣ шумѣлъ въ отвѣтъ:
Живутъ же у людей, различные уроды!
До нихъ охотники разумные народы
И въ спиртахъ держатъ ихъ зѣвакамъ на показъ,
За чтожъ твой бѣдный ананасъ

Одинъ не стоитъ должной чести?
А я тебѣ скажу безъ лести,
Что баринъ добрый и прямой
Кладъ для меня златой!
И я въ чудесномъ свѣтѣ новомъ
Красавцемъ стану вдругъ, и буду всѣмъ служить;
Что баринъ ни велитъ,
Въ раю ль мнѣ быть,
Въ аду ль суровомъ,
Безъ всякихъ словъ
На все готовъ!
И даже если бъ онъ мгновенно
Меня и скушать приказалъ,
Я принялъ бы приказъ смиренно
И въ блюдѣ бы какъ гусь лежалъ!
Усердіе неимовѣрно!
Какъ на съяденіе, когожъ? себя отдать!
Но узелъ рѣчи сей манерной
Благоволите развязать,
Что дѣло тутъ не въ словѣ.
А сердце просится въ обновѣ
Его къ вамъ въ службу записать.

LXVII.

ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ.

Моцардъ, Гейденъ и Бетговенъ,
Творцы диковинныхъ диковинъ,
По данной власти имъ съ небесъ
Въ Форшпадской выросшили лѣсъ,
Гдѣ всяки хлопоты и горе,
Въ волшебномъ изчезаютъ хорѣ,
Какъ ледъ въ огнѣ, какъ пыль съ колесъ!
Другіе шутже утверждаютъ,
Что въ томъ лѣсу по временамъ
Выходитъ путь и къ облакамъ,
Что лѣсъ сей боги отличаютъ,
Что и зимой зимы въ немъ нѣтъ,
Что тамъ и ночью дни бываютъ.....
Но небольшой однако свѣтъ.
Что солнцы въ люстры тамъ вмѣстились,
Въ кристалахъ выросли цвѣты;
Магонъ и пальма съединились,
Легли полами на пути;

Что тамъ окаменѣли воды
И вопреки самой природы
Возвысясь гладкою стѣной,
Какъ будто въ зеркалахъ чудесныхъ,
Не уловивъ красотъ небесныхъ
Стоятъ картиною живой.

Въ Форштадской, какъ и всѣмъ извѣстно,
Почтенный Патріархъ живетъ!
И лѣсъ волшебствами чудесный
Есть домъ его, и весь причетъ!
Гдѣ все является прохожимъ,
По разуму и по сердцамъ,
Иной что видитъ тамъ пригожимъ,
Слѣпому то не по глазамъ!

Позволь же, Патріархъ почтенной,
Позволь узнать изъ устъ твоихъ;
Нельзя ль и мнѣ хоть непримѣтно
На вечеринкахъ быть златыхъ,
Гдѣ всѣмъ пріятности несмѣтно
Благоволишь ты разсыпать,
Гдѣ можно съ счастьемъ рядомъ спать,
Гдѣ свѣтъ и теплота сердечны,
Лелѣятъ вкругъ тебя людей,
И гдѣ минуты скоротечны
Даешь въ барышъ ты къ жизни сей.

LXVIII.

РѢКѢ ТАЛАЖНѢ.

Восторгомъ сердце упоенно
Трепещетъ въ радости моей!
Журчанье слышу я премѣнно
И вижу блескъ волны твоей,
О рѣчка кроткая, родная!
Питомецъ твой тобой вздыхая
Пришелъ къ тебѣ съ страны чужой.
Постой! вдохни твоимъ журчаньемъ
Согласну рѣчь съ твоимъ блистаньемъ,
И пошеки съ моей слезой.
Я помню дни мои младые,
Когда въ твоихъ златыхъ пескахъ
Часы свободы, золотые
Текли при радужныхъ струяхъ,
Тогда, о рѣчка дорогая!
Я чистой кротостью твоей
Невинный духъ мой услаждая

Въ подсолнечной съ тобой играя,
Пилъ счастье изъ твоихъ зыбей!
Я не забуду вѣкъ завидный
Въ твоихъ зеленыхъ берегахъ,
Какъ солнце, взоръ свой златовидный
Купало въ голубыхъ волнахъ.
Тогда тобою, прохлажденный
Катаясь въ ароматѣ травъ,
Подъ шумъ крылатыхъ мухъ премѣшный
Я спалъ средь поля и забавъ!
Я спалъ въ невинныхъ лѣтахъ нѣжныхъ,
Какъ богатырь въ степи какой,
Свободенъ, и безъ думъ мятежныхъ,
Кто смѣлъ—и чѣмъ?—прервать сонъ мой!
Мой шлемъ—тогда былъ воздухъ синій!
Мой щитъ—младенца видъ невинный!
А члены здравые—мой конь!
Могла ли страсть питаться мною?
Я такъ свободенъ былъ душою,
Какъ въ вѣшеръ на поляхъ огонь!
И нынѣ, другъ мой постоянный,
Ты также весело журчишь,
И нынѣ на зарѣ румяной,
Въ рубинахъ, въ золотѣ горишь!
Луга зелены за тобою
Идутъ любуяся красою
Во слѣдъ сверкающимъ струямъ;

Сребристы ивы берегами
Стоятъ передъ тобой рядами!
Подвижный щитъ твоимъ водамъ!
А я, о грусть! о рокъ чудесный!
Едва отсталъ отъ отчихъ рукъ,
Лишь мнѣ любви дитя прелестный
Далъ слышать лиры сладкій звукъ,
Явились страсти мнѣ толпою
И ослѣпивъ меня собою
На разумъ ополчились мой!
Вострепетало сердце нѣжно
И, какъ за счастьемъ безмятежно
Пошелъ я въ мракъ за суетой.
Пошелъ.... и тамъ, гдѣ страсть являла
Струею огненной мнѣ путь,
Душа моя прохладъ искала!
Свободно думалъ я вздохнуть,
Гдѣ жажда, жаръ, меня съѣдали!
О если бы тогда мнѣ дали
Хоть каплю чистыхъ водъ твоихъ,
Она меня бы оживила,
И мой бы разумъ просвѣтила
Стоять противъ страстей моихъ!
Ты продолжаешь путь свободно
И сквозь лѣса и по кремнямъ,
Тебѣ смущать твой токъ несродно
Упоръ—лишь красота волнамъ!

Когда жъ со всей твоей красою
Окована лихой зимою
Въ темницѣ хладной ты живешь;
И тутъ на рокъ ты не пѣняешь,
Но подъ оковами играешь
И къ счастью полному течешь!

LXIX.

КАРТИНЫ ДЛЯ В.

Ужасное стремленье водъ
Обитель сиру подмываетъ!
Гдѣ сѣмьянинъ отъ непогодъ
Жизнь трудовую защищаетъ;
И оторвавъ съ жилищемъ брегъ
Несетъ пріютъ родимый въ море!
Такъ подмываетъ домъ мой горе
И разоряетъ мой ночлегъ!

Близъ хижины въ сѣдыхъ волнахъ
Въ слезахъ младенецъ видѣнъ милой!
Онъ ищетъ мать—вода въ дверяхъ!
Ломаетъ кровлю вихрь унылой,
И доски колетъ и несетъ! —
Младенецъ въ поясъ подъ водою!
И я истерзанна тоскою
Живу, какъ падшій въ воду цвѣтъ!

Изъ лѣсу—мать, отецъ спѣшатъ
По вѣтру вьется ихъ одежда!
И съ перерывомъ говорятъ:
Гдѣ пріютилась ихъ надежда?
И бродятъ взорами вокругъ.
Но гдѣ жилище?—сынъ любимый?...
И мнѣ не виденъ край родимый
Съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ тебя мой другъ?

Гдѣ домъ?—того и мѣста нѣтъ!
—Ни слезъ—ни рѣчи въ безпріютныхъ!
Изчезъ въ глазахъ ихъ прежній свѣтъ!
И сердце ихъ въ порывахъ смутныхъ
Жизнь ищетъ на крутыхъ волнахъ!
—Сквозь дождь—чуть виденъ домъ несчастный!...
И я сквозь слезъ—о рокъ ужасный!
Чуть вижу гдѣ брожу въ поляхъ!

Но по грядамъ сердитыхъ волнъ
Какой то силой оживленный
Въ путь рѣжется крылатый челнъ,
Грозой огнистой покровенный,
Летитъ къ младенцу сквозь смерщей!
Спасенъ!—по грудь былъ подъ водою!
Не такъ мой другъ!—не такъ со мною!
Я помощи не зрю моей!

Спасенъ младенецъ дорогой!
Въ плывущу хижину мгновенно,
Громъ съ трескомъ!—молнія змѣей!
Горитъ!—и тонетъ постепенно!
Зыбь мѣдной чешуей блеститъ!
Несется клубомъ дымъ багровый!
И я горю!—на смерть готова!
Лишь бы въ твоемъ мнѣ сердцѣ жить!

LXX.

ДѢТСКІЙ ХОРЪ.

Душа любезности всечасной,
Отрада нашихъ тихихъ дней,
Позволь, чтобъ вступилъ хоръ согласной
День счастія сѣмьи твоей,
На свѣтъ сего дня ты прозрѣла,
И начала для насъ дышать!
Ты въ море жизни полетѣла
На сердце счастье покупать!

Одинъ голосъ.

За сердце, насъ ты получила,
Къ себѣ жизнь нашу привила,
И лишь въ сѣмейной кругъ вступила
Ты посохъ у любви взяла.
Взяла у ней ты крылья быстры,
И скрыла ихъ отъ нашихъ глазъ!
Взяла у ней сердечны искры,
И ими надѣлила насъ.

Два голоса.

Съ очей повязку, остры спрѣлы
Ты всѣ оставила при ней!
Съ одною кротостію смѣлой
На все идешь ты въ жизни сей.

Хоръ.

Живи родная, другъ нашъ милый
И въ солнцѣ ты нашъ лучъ златой!
Текутъ изъ корня въ вѣтви силы!
Вся наша жизнь въ тебѣ одной!

LXXI.

ЗЕРКАЛО.

Огня земнаго сынъ чудесный!
Другъ правды, роскоши, страстей!
Нашъ собесѣдникъ безсловесный
Краса обманчивыхъ затѣй!
Съ кѣмъ на ряду тебя ни ставлю,
Уничижу ль, или прославлю,
Все ты загадка для людей!

Сіятельство твое кристально
Безъ чувства, безъ души алмазъ!
Цѣнишь ты всякаго нахально
И выставляешь на показъ!
И въ золотыхъ своихъ уборахъ
Во всѣхъ себя встрѣчая взорахъ,
Ты не вельможа ли у насъ?

Красотъ и ужасовъ природы
Волшебный живописецъ ты!
—Людей тамъ поглащаютъ воды
Тутъ громъ бьетъ въ сердце красоты!
Но ты чужой бѣдѣ не внемлешь!
На горе смотришь ты—и дремлешь!
Не сохраняя ни черты!

Прекрасный полъ къ тебѣ толпою
Отвсюду на твой взоръ спѣшитъ.
Любовь сама своей рукою
Къ тебѣ подводитъ и Харитъ!
И кудри, и покровъ волнами
Струитъ на нихъ между цвѣтами
Тамъ только, гдѣ твой взоръ велитъ

И старость въ опытномъ капотѣ,
Въ тѣни крылатаго чепца,
Какъ повѣсть въ старомъ переплетѣ
И въ приключеньяхъ—безъ конца!
Бѣлилъ, румянъ приноситъ горы
И проситъ сочинить узоры
Въ чертахъ бывалаго лица!

А ты, какъ хитрый льстецъ дворцовый,
Всѣхъ осыпаешь похвалой

Твои прислуги всѣмъ готовы,
Съ красами ты, какъ листъ съ травой!
И словомъ, въ столь искусномъ нравѣ
То служишь царской ты забавѣ,
То свѣтишь ты въ тюрьмѣ иной!

Но сихъ мудреныхъ свойствъ картина
Не есть еще твой обликъ весь!
Въ чертахъ порочныхъ властелина
И добродѣтелей есть смѣсь!
Ты твердъ, негибокъ, тихъ, пріятенъ,
Вездѣ ровенъ, всегда ты внятенъ!
И не податливъ ты на спесь!

Вотъ видъ твой! списанъ безпристрастно!
Пусть всякъ себя посмотритъ въ немъ!
Но помнитъ пусть урокъ всечасно,
Что солнца блескъ въ тебѣ одномъ!
Что свѣтъ ты живо отражаешь
И болѣе еще блистаешь
По разрушеніи твоемъ!

LXXIII.

СОВѢТЪ ДРУГУ.

Не усмѣхнется другъ мой милый
Н ходишъ какъ безмолвна тѣнь!
На ней—не ночи мракъ унылый,
А облачный какъ будшо день!
Раздумье на лицѣ прекрасномъ
Туманъ густой на упрѣ ясномъ!
Хошь солнце грѣетъ и живитъ,
Не тошъ и свѣтъ, не тошъ и видъ!

Разсѣй мой другъ унынье прахомъ,
Не потемняй любезный взглядъ.
И такъ мы по поламъ со страхомъ
Съ часа на часъ здѣсь—на угадъ.
Пускай подъ шляпкой золотистой
Любви взоръ рѣзвый, и огнистой,
Средь пышныхъ розъ, и средь лилей
Смѣется сквозь твоихъ кудрей.

Какой тотъ гость въ бесѣдѣ дружной,
Которой теменъ за столомъ?
Сидитъ, глядитъ, какъ часъ досужной
Уноситъ время подъ крыломъ!
На тотъ хозяинъ въ щедромъ нравѣ
Усердно гостя звалъ къ забавѣ,
Цвѣтами домъ свой украшалъ,
Что бъ гость пріѣхалъ—и вздыхалъ?

Не будь такой—о другъ безцѣнный,
Тупъ къ счастію дороги нѣтъ.
Суди: за чѣмъ лѣса зелены?
За чѣмъ румяный плодъ растетъ?
Вѣрь мнѣ, день красный не напрасно!
И надъ рѣкой средь ночи ясной
Не даромъ соловей поетъ,
Когда природа вся успетъ!

А если все на свѣтѣ срочно
И все къ концу стремитъ свой бѣгъ;
То не урокъ ли тутъ нарочной
Умѣть не пропустить утѣхъ?
Когда о солнце лучъ вѣщаетъ,
Картина мастера являетъ;
Природа въ красотѣ своей
О счастьѣ говоритъ людей.

Но не о томъ твержу я счастьѣ,
Гдѣ скорби запрещаютъ входъ;
Гдѣ мерзнетъ нищета въ ненастьѣ,
Ни кто пріюту не даетъ!
Холодно счастіе не грѣетъ!
Въ немъ сердце только что черствѣетъ
И биться въ немъ перестаетъ!
—А безъ движенья—жизни нѣтъ!

Нѣтъ милый другъ!—въ любви вся сила!
Въ ней счастье наше и покой.
Но не должна ты быть уныла.
Въ тоскѣ нѣтъ пользы никакой!
Съ усмѣшкой, съ радостью коль можно
Встрѣчай чужую скорбь надежно!
И къ сердцу ты ее прижми.
Тогда—ты счастью дашь въ займы.

LXXIII.

ПРИГЛАШЕНІЕ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Подъ горкою, въ тѣни прохладной
Ручей веселый, и нарядный
Бѣжитъ, уноситъ каждый часъ!
Приди и отдохни у насъ!
На вѣтвяхъ долу наклоненныхъ
Плодъ спѣлый янтаремъ течетъ!
На берегу въ кустахъ зеленыхъ
Послѣдній соловей поетъ!

Взгляни какъ лебеди станицей,
Народъ рабочій вереницей
Съ косами страшными въ рукахъ
На царство травъ идетъ въ лугахъ!
На пылкихъ лицахъ видъ веселый!
Бѣжитъ ихъ трудъ, какъ крупный градъ!
Ростутъ ихъ силой горы цѣлы!
Имъ въ слѣдъ, грядой цвѣты лежатъ!

И тѣжъ лучи, что ихъ питали,
Сушить красы чудесны стали!
Такъ время премѣняетъ всѣхъ!
Лови мой другъ часы утѣхъ!
Твоихъ заботъ кружокъ невзглядный
Пусть шлетъ сюда съ тобой судьба,
Я съ жизнью ихъ сдружу отрадной,
И помѣщу вокругъ себя.

Часы досужные златые,
Вѣнки и поясы цвѣтные
Въ нарядъ вседневной имъ совью,
Приставлю къ нимъ любовь мою!
А если сихъ гостей крылатыхъ
Не сдержитъ караулъ такой,
И сквозь заставъ моихъ рогатыхъ
Прокрадутся они водой,

Пойдутъ бродить въ поляхъ гористыхъ,
Иль будутъ въ доль ручьевъ сребристыхъ,
По тихимъ мѣсячнымъ ночамъ
Не стройно впорить соловьямъ;
Тогда—и какъ дѣтей безсонныхъ
Всѣ пеленаютъ по ночамъ,
Я спеленавъ неугомонныхъ,
Качать ихъ въ люлькѣ буду самъ!

Заботы пелепать учиться
Есть первый долгъ нашъ въ жизни сей.
Но къ пользѣ всякой ли стремится?
Одна забава—цѣль людей!
Пойдемъ же мы съ тобой на славу
Дружить и пользу и забаву,
Устроимъ, чтобъ нарядъ одной
Не вселилъ насъ безъ другой.

LXXIV.

ПИСЬМО НА УЕДИНЕНІЕ.

Не въ томъ ли дѣло, другъ мой милой,
Чтобы совсѣмъ съ людьми не жить?
Иль въ томъ, чтобъ съ суетой постылой
Допрясть умненько жизни нить?
Дай сядемъ къ столику со мною
Размыслимъ дѣло по поламъ;
Пускай разсудокъ со свѣчою
Хоть на часокъ присядетъ къ намъ.
Мѣжой глубокой, постоянной,
Ты отъ людей себя обвелъ;
И вѣкъ свой какъ цвѣшокъ румяной
Ты обрываешь безвремянно,
Когда онъ только что разцвѣлъ!
Бѣжишь въ пустыни ты безмолвны!
Бѣжишь, какъ сирота бсзкровный,
Въ лѣса, гдѣ солнца лучъ златой

Не успѣваетъ за тобой!
Ты мнѣ твердишь, что злыя страсти
Пріютъ твой раскидавъ на части,
Какъ по добычѣ львы ревутъ
И слѣдъ твой въ бѣшенствѣ грызутъ!
Но все не правъ ты, другъ сердечный,
Не вижу воина я тутъ!
А ты въ сей жизни скоротечной
Не видишь, что нашъ спутникъ вѣчной
Есть огненный, крылатый трудъ.
Когда бъ въ заботѣ пахарь мирный
Не украшалъ поля обширны
Сіяющимъ въ заряхъ трудомъ;
Тогда бы ниву онъ покорну,
Какъ красоту на бракъ уборну,
Не встрѣпилъ подъ златымъ вѣнцомъ;
И осени своей сребристой
Усердно въ винницѣ вѣпвистой
Не угощалъ бы за столомъ!
Будь пахарь сонной, беззаботный,
Живи лѣниво, не расчетно,
Тогда, шажъ осень, тѣжъ поля,
Какъ бы безводная земля
Безплодны, пусты, обнищалы,
Вкругъ пахаря подымутъ вой,
На вой слетятся тутъ печали!
И—похоронится живой!

Но безобразны, злыя страсти
Рабами быть должны при насъ.
Не будь надъ ними Царской власти,
Рабомъ ихъ человѣкъ потъ часъ!
Сомнѣнья нѣтъ, мой другъ любезный,
Что не безстрастіе полезно,
А власть надъ блескомъ ихъ зашѣй.
Что могъ бы Кесарь безъ людей?—
Скажи мнѣ что̀ уединенье?
Не толь, что сонная мечта!
Не призракъ ли въ воображеньѣ?
Не на водѣ ль одна черта?
И какъ желать туда возможно,
Гдѣ быть не льзя, гдѣ щастье ложно!
Ну естьли бъ сребровидный сигъ,
Бѣжавъ отъ хищныхъ рыбъ другихъ,
Вдругъ бросился изъ водъ шумливыхъ
И вздумалъ бы въ лугахъ красивыхъ
Въ уединеньѣ отдохнуть!
А голубь боязливый, кроткой,
Отъ ястреба въ рѣкѣ глубокой
Къ спасенію искалъ бы путь.
Какъ тутъ объ нихъ бы не вздохнуть!
Тебѣ уединенье мило —
Бѣжишь ты въ поле отъ людей,
И сердце къ нимъ твое простыло!
Бѣжишь ты будто отъ страстей,

Чтобъ зло тебя не обольстило;
Но ты не видишь тутъ сѣтей!
Повѣрь, повѣрь, мой другъ сердечный,
Твой врагъ не міръ, не суета,
Тебѣ другая льститъ мечта.
Ты жаждешь пристани безпечной,
Ты хочешь вѣчной тишины,
Чтобы твои крылаты дни
Въ зарѣ безсмѣнной протекали,
Чтобъ ни заботы, ни печали
Твоихъ воротъ не отпирали,
И чтобъ пріятности одни
Тебѣ ихъ знамя приклоняли;
А ночью, чтобъ тебя качали
Съ припѣвомъ сладкимъ тихи сны!
Войди въ себя, и ты безпорно
Откроешь въ мигъ въ себѣ самомъ
Причину мысли той упорной,
Чтобы въ лѣсу стоялъ твой домъ.
Спокойствіе, мой другъ, и щастье,
Вотъ что вертитъ людскимъ умомъ!
Но та бѣда, что мы въ ненастье
Не видимъ часто свѣта днемъ!
Чертогъ высокій, и богатый,
Полки лакѣевъ полосаты,
Блестящій при дворѣ доходъ,
Столъ рѣдкій, и высокій родъ!

Высокій чинъ, пріемъ, доклады,
Изгнанье нищихъ и сиротъ,
Блаженствомъ всякій здѣсь зовешъ.
А горы, лугъ пахать вседневно,
Вставать съ зари, гнать прочь покой,
Заботы, трудъ любить душевно,
Зовутъ суровою судьбой!
Но могъ ли бы сей міръ чудесный
Стоять безъ сихъ живыхъ лучей?
И блескъ въ чертогахъ повсемѣстный
Не блескъ ли трудныхъ сельскихъ дней?
И такъ скажу я поневолѣ,
Что ты забывъ ржаное поле
Бѣжишь искать цвѣтныхъ заплей.
И все ли въ жизни то достойно,
Что только нравится и льстишъ?
Всегда ль то дурно и нестройно,
Что кажетъ намъ суровый видъ?
Скажи мой другъ: когдабъ судьбою
Разстался ты съ родной страною,
И на пути твоемъ домой,
Лежалибъ горы полосой!
Колоды, рѣки, лѣсъ дремучій!
Въ дали гремѣлибъ чорны тучи!
А ты бы на странѣ чужой
Въ цвѣтахъ слонялся сиротой
Не зналъ отрады никакой!

.... Забылъ ли бъ ты пріютъ родимый?
Сей міръ тобою не любимый,
Есть тотъ же трудный къ дому путь....
Смотри—же другъ мой, не забудь!

LXXV.

УСЕРДНОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОБѢДУ

отъ скупаго.

Какъ сребровидная рѣка
Межъ горъ гранитныхъ протекая
Въ зелены выбѣжитъ луга,
И быстры волны раздѣляя,
Свободой, шумомъ веселитъ.
Такъ мы изъ городской темницы
Сплели сѣмейство въ вереницы
И полетѣли въ полѣ жить!

Ни жару здѣсь, ни суеты,
Легко дышать намъ и свободно,
Не бродятъ съ правдой здѣсь мечты!
Здѣсь говорятъ кому какъ сродно,
Здѣсь солнца зданія не тьмятъ!
Здѣсь теменъ лѣсъ, глубоки воды!
Но не сгибаются здѣсь своды,
Гдѣ люди какъ въ тюрьмѣ сидятъ!

Мы съ солнцемъ вмѣстѣ всѣ вспаемъ,
На встрѣчу поле намъ широко,
Въ гуляньѣ дѣти жемчугомъ
Катаются въ травѣ высокой!
Изъ подъ родимаго крыла
Они свѣжи—они здоровы,
Что шагъ у нихъ—забавы новы
О какъ въ лѣтахъ сихъ жизнь мила!

Въ часы свободы, на водахъ
Закинувъ сѣти полукружно,
Мы ожидаемъ ловъ въ цвѣтахъ
И тони полныя, мы дружно,
Тащимъ златистыхъ карасей.
Ушатъ богатый провожаемъ!
Побѣду хоромъ величаемъ!
При щастьи тихихъ нашихъ дней.

Иль подъ кристальнымъ я шатромъ,
Гдѣ свѣтитъ виноградъ рубиномъ,
Или златистымъ янтаремъ,
Гуляю гордо господиномъ
И рѣжу изумрудный листъ!
Надеждою себя питаю
И кисти къ солнцу обращаю,
Чтобъ сокъ въ нихъ сладокъ былъ и чистъ!

Или вечернею порой
По холодку, путемъ покатымъ
Близъ водъ пылающихъ зарі̀й,
Идемъ къ качелямъ мы крылатымъ.
Тамъ рѣзвы радости мои,
Какъ голубки подъ облаками,
Сверкая на лету струями
Кончаютъ смѣхомъ страхъ сѣмьи.

Или въ уединенный часъ
Подъ златострунный звукъ небесный
Дискантъ родимой, альтъ, и басъ
Несутъ меня въ тотъ міръ прелестный,
Душа гдѣ говоритъ съ душой!
Гдѣ тщетны красоты земныя,
И гдѣ минуты золотыя
Съ восторга катятся слезой.

Вотъ какъ здѣсь наши дни текутъ.
Но сельскія вкругъ насъ забавы
Не украшаютъ нашъ пріютъ,
Въ глазахъ того, кто ищетъ славы,
И роскошь видитъ божествомъ!
Любовь одна есть солнце наше?
Въ лучахъ ея, и день дня краше!
Шалашъ намъ видится райкомъ!

И въ самой мрачный часъ иной
Гдѣ насъ подъ тучей громоносной
Освѣтитъ молнья полосой!
И шутъ, всѣмъ вмѣстѣ горе сносно!
Подъ крыльями любви самой
Ничто не кажется опасно!
Тамъ только можно жить нещастно,
Гдѣ нѣтъ отрады никакой!

О наши милые друзья,
Когда по сердцу вы живете
И не скучна вамъ жизнь моя,
Когда вы на земномъ полетѣ
Отъ роскоши пустились въ путь!
Пристаньте къ намъ въ кружокъ сѣмейной,
Украсьте столъ нашъ незатѣйной
И здѣсь прилягте отдохнуть.

Гдѣ въ жизни весело кому
Тамъ ясно всѣ̀ и всѣ̀ отрадно!
Простые щи въ иномъ дому
Вкуснѣе всемъ, чѣмъ столъ нарядный!
Такъ грязны наши караси,
Такъ и веревочны качели,
Такъ кислый виноградъ неспѣлый,
Альты, Дисканты, и басы!

Не по тому пріятны мнѣ
Что сами хороши собою.
Покойный духъ и въ самомъ снѣ
Все наряжаетъ красотою.
Вамъ кушать не чего у насъ!
Того то нѣтъ, а то не спѣло!
Но въ насъ усердіе поспѣло
Васъ видѣть съ нами хоть на часъ!

Скажу, что прежде говорилъ,
Богатой подчивать рукою
Не ловко намъ—и выше силъ!
Но вотъ я какъ хлѣбъ соль устрою:
У насъ березки въ воротахъ
Цвѣтами огородъ одѣтый!
Прислугой будутъ наши дѣти
И искренній пріемъ въ сердцахъ!

LXXVI.

Л. А. Я.

Душа Парнасскихъ горъ крылатыхъ
Наставница любви самой
Какой въ устахъ витіеватыхъ
Я слышу лирный новый строй?
Ты слова даръ зовешь искусствомъ,
Гармонію, обманнымъ чувствомъ,
Гдѣ нѣтъ и правды никакой!

Когда по звуку струнъ златыхъ
Волшебной лиры сладкогласной
Изъ подъ руки твоей прекрасной
Страсть льется искрами изъ нихъ
И пламень сердцу сообщаетъ,
Не міръ ли новый тотъ вмѣщаетъ
Невидимый для всѣхъ другихъ?

Когда спокойствіе трудами
Въ надежну сѣнь кто изловилъ,
Не царь ли онъ средь грозныхъ силъ?
Сквозь темной лѣсъ, подъ облаками
Его и въ дебряхъ красенъ путь.
Онъ въ молніяхъ и подъ громами!
Умѣетъ въ безднахъ отдохнуть!

Все видится намъ въ жизни сей
Какъ умъ и сердце представляетъ!
А рѣчь лишь видъ изображаетъ
Разнообразныхъ ихъ путей!
О милая! о Музъ подруга!
Скажи!—кто назоветъ такъ друга,
Какъ не товарищь дружныхъ дней?

Какъ солнце въ чистомъ кристалѣ
Даетъ пещинкѣ видъ блестящій,
Такъ въ сердцѣ слова даръ горящій
Красу находитъ и во мглѣ!
Поэзія есть ключъ тотъ чистый,
Который сыплетъ блескъ сребристый,
Когда въ лучахъ онъ на землѣ!

Давно ль намъ все притворно, лживо
Гдѣ сердце пылко говоритъ?
Уже ль и то несправедливо

Когда душа во мнѣ горитъ,
И видъ рѣчамъ даетъ парядной,
Не знаешь ты, какъ жить отрадно,
Гдѣ на часахъ любовь стоитъ!

Тамъ нѣтъ диковинъ что рубиномъ
Сіяетъ черной виноградъ;
Что воронъ видится павлиномъ,
А лѣсъ, какъ изумрудный садъ!
Красы текутъ изъ сердца въ взоры!
И тамъ не странно слышать хоры
Гдѣ двое складно говорятъ!

Сама ты въ томъ примѣръ мнѣ ясный,
Когда ты лиры сладкогласной
Коснешся рѣзвою рукой.
У время крылья выпадаютъ,
И всѣ сердца тебѣ ввѣряютъ,
Встрѣчая вѣкъ въ тебѣ златой.

LXXVII.

ЧУВСТВО

въ 7-й день Апрѣля.

Какъ въ вихрѣ листъ—я въ скорби люшой!
Свинецъ въ огнѣ—душа моя!
Одною краткою минушой
Вкругъ сердца обвилась змѣя!
Въ болѣзни шаетъ сынъ мой милый!
Чушь свѣшится въ немъ взоръ унылый
И жизни чушь видна струя!

Мой гласъ, какъ стонъ сквозящей простши,
И дни мои какъ дымъ текушъ,
Скорбь присушаетъ къ шѣлу кости
Вседневный хлѣбъ мой—слезы, трудъ!
Я сталъ какъ жаромъ цвѣшъ ссѣченный,
Какъ Филинъ въ шьмѣ уединенный,
На камнѣ средь могильныхъ грудъ!

Что міръ со всѣми красотами,
И что заманчивой ихъ медъ?
Сей медъ злашистыми струями
Не изцѣлитъ грусти, бѣдъ!
Нѣтъ, видно, сердцу тамъ пріюту,
Гдѣ я во всякую минуту
Могу напасть на скорбный слѣдъ!

Кто вержетъ громъ? кто жизнь вдыхаетъ?
Кто держитъ смертныхъ въ свѣтѣ дней?
Кто безъ словесъ во мнѣ вѣщаетъ,
И жизнь почтъ въ кругу смертей?
Кого я чувствую душою
И грѣюсь какъ слѣпецъ порою
Не зрящій солнечныхъ лучей?

И скорби мечъ огнемъ текущій
И злой ея плетворный взоръ,
Въ стопахъ ея разящи тучи
Какъ камнями съ высокихъ горъ
Хотъ странника съ пути сбиваютъ,
Но путь къ надеждѣ освѣщаютъ
Какъ солнце чрезъ дремучій боръ!

И лучъ сей Божествомъ возженной
Да будетъ въ горести мнѣ щитъ!
Кипятъ пусть скорби шумной пѣной

Кто зрѣлъ на пѣнѣ твердой видъ?
Есть Богъ—Отецъ мнѣ милосердый!
....Ударомъ сильнымъ въ камень твердый
Изъ камня искра можетъ быть!

LXXVIII.

П.....БЕСѢДКА НА ДАЧѢ.

Скажи, о П...., другъ мой милый,
Какъ ты нашла пріютъ такой,
Гдѣ могутъ сами старожилы
И щастье встрѣтить, и покой?
Гдѣ есть во всемъ и умъ, и чувство,
Отвуда изгнано искуство,
Гдѣ царствуетъ твой вѣкъ златой?

Сирень и жимолость цвѣтная,
Кругомъ стѣною свившись въ сводъ,
Покровъ твой тутъ изображая
Щитятъ отъ жару и погодъ!
Покровъ твой зелень тѣнь отрадна,
Въ узоръ златой песокъ приглядной
Златымъ путемъ къ тебѣ ведетъ!

Стѣною отдѣлясь цвѣтною,
Отъ жаркихъ, и отъ мрачныхъ дней,
Тебя граничитъ съ суетою

Непроходимый тутъ ручей.
И ты изъ хижины безмолвной,
На путь градской неугомонной,
Глядишь смѣясь страстямъ людей!

Чтобъ пыль не шла въ пріютъ тѣнистый,
И не примѣтна бъ ты была,
Огромный тополъ стовѣтвистый
Стоитъ у самаго стола,
И видъ твой скромный охраняетъ! —
Кто такъ собой распоряжаетъ
Тому ничто мірская мгла!

Живи мой другъ, живи такъ смѣло
Мнѣ зависть въ первый разъ сладка.
Всей нашей жизни будетъ дѣло,
Служить у тихаго райка.
Лелѣить твой покровъ зеленый
Готовъ товарищъ мой безцѣнный,
Живущій счастьемъ старика!

*

LXXIX.

Д..... и С..... НА ПѢНІЕ.

Какъ двое мотыльковъ златистыхъ,
Въ прекрасной тихій день весной,
Въ полетахъ рѣзвятся струистыхъ;
И тщетна тѣнь за ихъ красой
Бѣжитъ между цвѣтовъ напрасно!
А мотыльки летая страстно
Цвѣты колеблютъ какъ волной!

Или какъ два ручья прозрачны
Кипящаго ключа струи
Съ горы слетѣвъ въ долины злачны
Съ лучами волны вьютъ свои,
И напояютъ дубъ преклонный,
Свѣжатъ труды въ работѣ томной
Съ зарею вышедшей семьи.

Такъ вашихъ пѣсенъ строй пріятный,
Четой слитые голоса,
Ведутъ мой вѣкъ на путь обратной.
Тогда и день мой пол-часа!

Тамъ рай гдѣ сердце рай вмѣщаетъ!
Гдѣ жизнь въ безмѣрной жизни таетъ,
Тамъ близки свѣтлы небеса!

Но кто открылъ въ васъ даръ богатый?
Какая нѣжная рука,
Взявъ посохъ у судьбы крылатой,
Словила васъ средь ручейка,
Которой льется прямо въ море?
Кого въ пастушескомъ уборѣ,
Водой къ вамъ принесла доска?

Спросите у сердецъ отрадныхъ,
Спросите солнца вашихъ дней!
У собесѣдныхъ Музъ пріятныхъ
У стѣнъ, у камней, у полей,
Всѣ скажутъ вамъ единогласно,
Что видъ пастушки сей всевластной
Зовется щастьемъ у людей.

Смотрите, и въ глазахъ небесныхъ,
И въ розовыхъ ея устахъ,
Въ плѣнительныхъ рѣчахъ, нелестныхъ,
Въ струистыхъ мягкихъ волосахъ,
Вездѣ любовь и кротость мила,
Въ шерпѣньи ангельская сила,
Какъ солнечная мочь въ цвѣтахъ!

О птички къ сердцу мнѣ природны!
Пусть въ пѣсняхъ ваша жизнь течетъ!
Зимы не бойтесь вы холодной,
Васъ щастье подъ крыло возметъ.
Когдажъ зимой вамъ будетъ темно,
То щастье уголокъ укромной
Вамъ всѣмъ на солнце отведетъ!

А вы къ нему прижмитесь дружно.
И чуръ!—безъ щастья не бывать!
Держитесь цѣпью вы жемчужной
Зерномъ бурмитскимъ ей подъ стать!
Какъ листъ на деревѣ здоровомъ,
Какъ виноградъ на корнѣ новомъ,
Какъ дѣти за родную мать!

LXXX.

А..... Іюня 27-го дня.

Когда восторгомъ вдохновенный
Со струнъ ты звуки льешь огнемъ,
Не камень, и не лѣсъ зеленый
Идутъ съ тобой однимъ путемъ.
Блеститъ вѣнецъ твой новой славой
Что ты чудесною забавой
У всѣхъ въ сердцахъ богатыремъ!

И жизни дряхлой, и унылой,
Даешь ты молодости видъ.
И съ старца ледъ чудесной силой
Слезою теплою бѣжитъ!
Чуть дышатъ—и тебѣ внимаютъ!
Безъ словъ твой духъ и мысль вѣщаютъ?
Вокругъ тебя полки Харитъ!

Мнѣ кажется такъ Лирикъ смѣлый
Твой даръ бы въ пѣсняхъ превознесъ!
Онъ пригласилъ бы вѣки цѣлы
Въ свидѣтели твоихъ чудесъ!
Въ вниманьи сталибъ воды быстры!
Въ движеньи горы далибъ искры!
Въ вѣнцы свилсябъ лавровой лѣсъ!

Но я не для похвалъ гремящихъ
Здѣсь пѣсню навожу на ладъ.
И гдѣ мнѣ взять тѣхъ струнъ блестящихъ,
Которы сами говорятъ?
По коимъ тигры, львы стадятся,
И кротко вкругъ пѣвца ложатся,
Смыкая огненный свой взглядъ?

Свѣтъ солнца часто согрѣваетъ
Сквозь вѣтху кровлю старика.
Такъ твой талантъ меня питаетъ.
—Талантъ въ сей жизни видъ цвѣтка.
Трудомъ взращенный, плодъ здоровый!
Пловцу дающій силы новы,
Гдѣ часто вяжетъ осока!

О А....! мой другъ сердечный!
Ты избранъ въ трудъ твоей судьбой!
Твой вѣкъ младой, но скоротечный,

Въ громады камни льешъ стѣной!
Чрезъ рѣки мечешъ сосны мшистыя,
Подъ коими струи сребристы
Не страшны мрачной тишиной!

Иди—и молодецкимъ духомъ,
Равняй бугры—вали лѣса!
Не занимайся грознымъ стукомъ,
Тебѣ защита—небеса!
Но въ часъ отдохновенья сладкой
Займись талантомъ хоть украдкой
Часокъ или хоть полъ часа!

А есть ли трудъ твой, и заботы,
Не облегчивъ твоихъ оковъ,
Пошлютъ тебя опять въ болоты;
То пусть твоя ко мнѣ любовь,
И твой талантъ въ цѣпяхъ, въ неволѣ,
Хоть тѣмъ утѣшатся въ злой долѣ,
Что нѣтъ стоящихъ облаковъ!

LXXXI.

МОЕ ЧУВСТВО

во 2-й день Сентября.

Летитъ!—съ осеннею зарею
Туманомъ розовымъ укрытъ.
Отъ водъ—пары подъ нимъ грядою
Сребро на зелени блеститъ!
Въ поляхъ ростутъ златыя горы!
Трудъ сельскій подъ отрадны хоры
Увѣнчанный съ полей спѣшитъ!

Летитъ ко мнѣ мой день щастливый,
Мой свѣтъ—мой ангелъ тихихъ дней!
И мой домашній полкъ шумливый,
До солнечныхъ еще лучей
Сверкая радостью своею,
Встрѣчаетъ гостя всей сѣмьею
Въ кругу летающихъ зашѣй.

И горы стали намъ долины!
Чрезъ быстры рѣки—сухъ намъ путь!
Свѣтлы для насъ и тучи сини!
Нашъ храбрый вождь—усердна грудь!

Любовь чудесно сердце грѣетъ!
Подъ крыльями у ней все спѣетъ!
Какой холодной день ни будь!

О другъ моей любимой Музы,
Цвѣтущій мой побѣгъ родной!
Пусти любовь разрушить узы
Дождемъ, иль въ солнце, иль росой,
Спустись на праздникъ нашъ веселый!
Догнать ты можешь годы цѣлы
Разлуки праздника съ тобой!

Талантъ твой милой, и волшебный,
Калчаномъ за плечи возьми;
Плодовъ запасъ великолѣпный
У осени съ вѣнца сними.
Веселыхъ винъ сядь въ кругъ блестящій,
И засыпивъ часы летящи,
На Званку *) парусъ подыми!

Но что въ восторгѣ я мечтаю?
Тебѣ ли надобенъ мой зовъ?
Въ избышкѣ сердца, я не знаю,
Какъ льется цѣпь невольныхъ словъ!
Твоель разлучно сердце съ нами?
Не грѣетъ ли меня лучами
А.... моего любовь?

*) Названіе деревни.

Зерно жемчужно въ ожерельѣ
На праздникъ радости въ уборъ,
Составивъ новый видъ въ издѣльѣ,
Красотъ прельщаетъ милой хоръ!
Бѣгущихъ водъ потокъ сребристый,
Сліявъ съ лучемъ кристалъ свой чистый,
Игрой блестящей тѣшитъ взоръ!

И дубъ прибрежный, долголѣтній,
Въ долинѣ скатистой къ водамъ,
Хоть засыхаетъ непримѣтно
Но вторитъ видъ свой по струямъ!
—Лети мой другъ въ нашъ кругъ отрадный,
Суди—нашъ праздникъ не наглядный
Одинъ разъ въ годъ летаетъ къ намъ.!

Пройдетъ сей день, какъ все проходитъ!
Оглянешся—зима въ глазахъ!
Но гдѣ любовь къ намъ щастье вводитъ
Тамъ ходитъ и зима въ цвѣтахъ!
Моя вся жизнь—мой праздникъ милой!
Какъ солнце льетъ въ растеньи силы
Пусть праздникъ мой, у васъ въ сердцахъ!

LXXXII.

ОСЕНЬ.

Въ покровъ малиновой, златой,
Одѣлися лѣса кудрявы!
Туманно солнце надъ горой,
Смирило блескъ вседневной славы.
Крылатый ушренникъ, морозъ;
Сребромъ долины усыпаетъ;
Богатство въ селы притекаетъ,
Златыхъ сноповъ спѣшитъ обозъ!

Ручей чуть видный между горъ
У ветхой хижины прибрежной,
Ударивъ свой кристалъ въ припоръ
Вертитъ колесы въ пѣнѣ снѣжной
И съ нихъ капнится жемчугомъ.
Стражъ въ хижинѣ, подъ бѣлой мглою,
Изъ вихрей каменныхъ рѣкою
Народу пищу льетъ сребромъ!

Дань сердцу заплативъ съ полна
Сплетясь семейными цѣпями,
Птицъ вереница чуть видна
Какъ тонка нить подъ облаками!
И радость ихъ слышна съ высотъ!
Въ предѣлахъ осени щастливой
Въ котлахъ кипитъ янтарно пиво
И сыплетъ блескъ въ пути работъ!

О осень спутница моя!
Ты опытовъ, трудовъ награда!
Въ тебѣ пріятность есть своя!
Запасъ твой въ зимни дни отрада!
Не тыль картина жизни сей?
Съ чѣмъ старости притти къ намъ должно,
Въ какомъ нарядѣ быть ей можно
Въ кругу вечернихъ нашихъ дней.

Лети, въ блестящей бородѣ,
Лети ко мнѣ о старость мила,
Подобна будь лучу въ водѣ,
Не надѣвай уборъ унылый,
Подобна осени златой,
Будь мнѣ наставницей отрадной!
Будь кистью спѣлой виноградной!
И мой вѣнокъ укрась собой!

Проходитъ все—и все пройдетъ,
Но дѣло нашъ конецъ вѣнчаетъ,
Въ теченьи года—тьма суетъ!
Но осень трудъ нашъ награждаетъ!
Такъ ты любезна старость будь!
Наставь меня запасъ устроить,
Скажи: какъ мнѣ труды удвоить
Чтобъ легъ я смѣло отдохнуть!

LXXXIII.

БЛАГОДАРНОСТЬ МОЯ АНГЕЛУ

В..... В.....

Какъ? въ день одинъ? и двѣсти верстъ? —
Какой васъ велъ волшебный перстъ?
Въ осенню ночь, чрезъ боръ, овраги,
Въ Псковскихъ пескахъ, по шемной Мшаги?
Кто вамъ мосты въ пути кидалъ?
Отколь колесы искрометны,
Коней поздристыхъ сборъ залетный?
Какой васъ духъ сюда примчалъ?

За вами потайнымъ путемъ
Въ златыхъ корзинахъ, подъ крыломъ
Невидимый, неутомимый
Усердья духъ, вездѣ любимый!
Изъ теплыхъ странъ плоды принесъ!
Плоды изъ разныхъ краевъ свѣта
На столъ къ намъ прямо, какъ средь лѣта
Вдругъ дождь питательный съ небесъ!

Какъ съ горъ сребристые ручьи
Въ рѣку безмолвну льютъ струи
И возвышаютъ во́ды томны,
Рѣка изъ тишины безмолвной
Выходитъ—блещетъ на лугахъ!
Такъ радости чудесны силы,
За долголѣтній видъ унылый
Мнѣ дали молодость въ цвѣтахъ!

Кто я? къ кому слетѣлись вы?
Уже не въ царствѣ ль я любви,
Гдѣ нѣтъ холодной непогоды?
Гдѣ жизнь какъ солнце жизнь природы
Даетъ всему и блескъ и цвѣтъ!
Гдѣ Западъ и Востокъ безвѣстны,
Гдѣ непрерывный свѣтъ прелестный
Лучомъ отраду въ души льетъ?

Кто въ серебрѣ одѣтъ стоитъ?
Рубиннымъ поясомъ горитъ!
Златыя крылья опущенны,
И миртовой вѣнецъ зеленый
Самъ вьется въ воздухѣ надъ нимъ!
Въ лицѣ исполненъ красотою
Власы съ главы до плечъ волною!
Не ты-ль небесный Серафимъ?

Не ты ли Ангелъ, смертной той
Которую зовутъ тобой?
Въ глазахъ которой мнѣ блаженство!
Которой сердце—совершенство!
Въ устахъ, любимый мой законъ!
Въ одной рукѣ—моихъ дней бремя!
Въ другой—въ цѣпи сердито время
Какъ грозный побѣжденный сонъ!

Не ты ль по сердцу смертной сей
Отправилъ милыхъ къ намъ дѣтей?
Одѣлъ ихъ въ вихри скоротечны,
Расклалъ въ пути огни сердечны,
Велѣлъ чтобъ скатертью былъ путь!
Велѣлъ на праздникъ мой безцѣнный
Усердью везть плоды отмѣнны,
Любви крылатой въ парусъ дуть!

О Ангелъ! будь нашъ гость драгой;
Но праздникъ совершивъ златой,
Когда ты въ путь махнешь крылами,
И заблестишь подъ облаками
Въ твой радостный и свѣтлый край,
Оставь здоровья видъ желанный
Твоей души одно-имянной.
Она моей всей жизни рай!

Она мнѣ жизнь—мой бѣлый свѣтъ!
Безъ ней мой вѣкъ—подъ снѣгомъ цвѣтъ!
Безъ ней и жизнь моя не грѣетъ!
Какъ вѣтръ пловцу попутный вѣетъ,
Она мнѣ на путяхъ крутыхъ
И тѣмъ спесивъ я по неволѣ
Что нѣтъ меня на свѣтѣ болѣ!
—Она душою дней моихъ!

А вы родные мнѣ друзья,
Которыхъ щастье, жизнь моя,
Полъ-мѣсяцомъ вкругъ насъ обстаньте,
И Ангелу всѣмъ хоромъ гряньте
Усердье ваше и любовь!
Гдѣ сердце водитъ голосами,
Тамъ вяжетъ всѣхъ любовь цвѣтами
И не срываетъ вѣтръ листовъ!

*

LXXXIV.

ЗАБОТАМЪ.

Заботы! спутницы мои!
Всегда вы были мнѣ послушны!
Что вы—какъ сами не свои?
Видѣньи пламенны, воздушны,
И призраки со всѣхъ сторонъ,
Летаютъ вкругъ меня толпами!
И ищутъ темными путями
Меня перехватить въ полонъ!

Съ дубинкой мой бредущій вѣкъ!
Цвѣты въ вѣнкѣ его нецвѣтны,
Къ рѣкѣ глубокой близкой бретъ,
Въ пути опасности несмѣтны,
Надеждой напитали васъ!
Вы бросили въ глаза мнѣ пыли!
И ужъ побѣду затрубили,
Мечтая что мой вѣкъ погасъ!

Съ любви моей вы взявъ колчанъ,
И лукъ ослабивъ тетивою,
Въ слезахъ свели ее въ туманъ;
Гдѣ подгорюнясь подъ горою
Она какъ лучъ во мглѣ была.
И Музъ монхъ вы распугали!
Онѣ оглохли—нѣмы стали —
Толпа заботъ ихъ въ цѣпь свела.

Но тщетъ забыли видно вы,
Что вѣкъ мой опытенъ на брани!
Что есть на мнѣ вѣнецъ любви
Претящій мнѣ нести вамъ дани!
Что я могу васъ кинуть въ ровъ!
Что я храню у сердца стрѣлы,
Которы-бъ на лету горѣли,
И съ конхъ я кормлю любовь!

Я ими разобью туманъ,
Которымъ вы любовь покрыли,
Разсыплю васъ какъ прахъ песчанъ!
Но въ васъ оставлю тѣ лишь силы,
Съ какими нуженъ сторожъ мнѣ,
Чтобы безпечность, вязкой тиной
Не спутала меня безвинно
Въ моемъ со щастьемъ кроткомъ снѣ!

Преслѣдовать мнѣ васъ съ стрѣлой
Когда ударитесь вы въ бѣгство,
Любовь сочла что трудъ такой
Не есть къ ея побѣдамъ средство.
Не свойственно ей мстить—карать!
Приказъ мнѣ данъ—рѣкой широкой,
Но въ верхъ воды— въ упоръ жестокой
Испуганныхъ ушѣхъ искать!

Да будетъ такъ!—въ ладьѣ большой
Горбатой палубой покрытой,
По Волхову на бичевой
Меня пусть тянетъ конь не сытой
Шагами тихими въ пескѣ!
Но не за вами я заботы!....
Ушедшихъ Музъ моихъ въ болоты
Я отыщу и въ осокѣ!

LXXXV.

ЗВАНСКІЙ ВИДЪ

на Волховъ.

Д..... А..... Д.....

О Званскій тихій край гористый
Какъ твой великолѣпенъ видъ!
Въ подножьи—Волховъ твой волнистый
Какъ будто зеркаломъ стоитъ!
И красоты твои игривы
Черты отличныя, щастливы
Въ кристалы врѣзывать спѣшитъ!

По берегамъ лѣса зелены
Склонялись къ голубымъ водамъ,
Въ убѣжищи уединенны
Отдѣльно стали по лугамъ.
Межъ ними холмы надъ ручьями
Украсились цвѣтными мхами
Какъ мраморныя горы тамъ!

Сквозь сводъ, древесный, ясно видны
Селенья новыя въ дали!

Блестятъ и башни златовидны
И домы, площади, шпили!
Въ серпы, и косы, громы ратны
Впаялъ тамъ Геній благодатный,
На славу Сѣверной земли!

Какой на Волховъ видъ чудесный!
Здѣсь онъ бѣжитъ на лугъ—сребромъ.
Тамъ вдругъ несетъ весь сводъ небесный!
Тамъ онъ извивчивымъ путемъ
Волшебно берега мѣняетъ!
Селеньи—лѣсъ перемѣщаетъ!
Не тщетно чтимъ онъ былъ Волхвомъ!

Судовъ крылатыхъ караваны
Идутъ рядами въ берегахъ!
Сквозь дождь, сквозь солнце, сквозь туманы
Горой богатствы на плечахъ
Несутъ богатыри въ Столицу!
Предводитъ щастіе станицу.
Твердъ путь ему и на водахъ!

И день, и ночь, его предѣлы
Народный оживляютъ трудъ.
То челнъ подъ парусами смѣлый
Летитъ въ волнахъ жемчужныхъ тутъ!
А тамъ безмолвны рыболовы

Раскинувъ съ лодокъ сѣти новы,
Сребристыхъ рыбъ стада берутъ!

Или вечернею порою,
При свѣтѣ западныхъ лучей,
Плоты въ цѣпяхъ идутъ грядою
По гладкому стеклу зыбей!
На нихъ шалашъ недолговѣчный,
Огонь подъ дымомъ скоротечный!
Картина нашихъ краткихъ дней!

Трава въ лугахъ какъ шелкъ красивый!
Несмѣтные скирды сѣной!
Стадами покровенны нивы
Прельщаютъ взоры пестротой.
Поселянинъ въ ладьѣ невзглядной
Трудовъ тяжелый грузъ отрадный
Тащитъ одинъ на бичевой!

А тамъ на сторонѣ нагорной,
Отлого скатистой къ рѣкѣ
Тамъ балагановъ видъ уборной
Картиной видѣнъ въ далекѣ.
Кора сребриста—мохъ зеленый
Укрыли ихъ верьхи и стѣны,
Гдѣ трудъ кочуетъ на пескѣ!

За чѣмъ о Званской холмъ, высокой,
Знакомый мнѣ и столько лѣтъ!
Одинъ ты въ тишинѣ глубокой?
Гдѣ прежній твой веселый свѣтъ?
И домъ, какъ старческая келья?
Не видно милаго веселья!
Никто и съ лирой не поетъ!

На крыльяхъ паровыхъ, огнистыхъ,
Ужъ Волховъ въ гору не бѣжитъ!
Не мечетъ къ солнцу водъ сребристыхъ
Въ восторгѣ отъ твоихъ Харитъ!
Разросся садъ—птицъ прежни хоры!
Удвоились въ цвѣтахъ уборы;
Но что-то прелести ихъ тмитъ!

Кто здѣсь туманомъ покровенна?
Задумчива, какъ хладна тѣнь,
Тяжелой грустью удручена
Вкругъ дома бродитъ, ночь, и день?
Разорванная цѣпь златая
На ней видна, какъ мгла какая,
Въ печальной урнѣ носитъ тлѣнъ!

Вѣнецъ на части раздробленный
Она зажавъ въ рукѣ своей,
Идетъ, и ищетъ сводъ подземный,

Страшась безсрочныхъ въ свѣтѣ дней!
Ей зрится,—слышится, другъ милый!
Но какъ послѣдній огнь унылый
Сей призракъ вспыхнувъ гаснетъ въ ней!

Душа въ разрывѣ съ сердцемъ страстнымъ,
Бывъ плѣнницей любви самой,
Подобна тѣмъ степямъ ужаснымъ,
Гдѣ нѣтъ отрады никакой!
Одни тамъ змѣи роютъ норы,
Все безъ защиты, безъ подпоры,
Мертвитъ тамъ хладъ, мертвитъ и зной!

Что тутъ среди вершинъ древесныхъ
Вотъ храмъ—и крестъ златой на немъ!
Я слышу хоръ, въ словахъ небесныхъ!
Въ срединѣ свѣтъ—кристалъ огнемъ!
Кто двинулъ дики камни въ гору
И рядъ столповъ поставилъ взору
Во входъ при храмѣ семъ святомъ?

Не ты ль душа въ страданьяхъ томныхъ,
Какъ въ плѣнъ тебя тоска вела,
Сихъ камней дикихъ и огромныхъ,
Сквозь слезы въ сердцѣ связь нашла?
И сей поставивъ храмъ прелестный,
Надежду и красы небесны
Въ самой ты грусти обрѣла!

Надежду, что въ желанномъ мирѣ
Твой другъ въ сіяющихъ заряхъ,
Какъ лучъ на голубомъ эфирѣ
Въ прозрачныхъ бѣлыхъ облакахъ
Пріятно встрѣтится съ тобою!
Тогда сліясь съ его душою
Забудешь о своихъ слезахъ!

Одѣнься въ радость холмъ прекрасный,
Свидѣтель Генія чудесъ!
Гдѣ жилъ пѣвецъ нашъ сладкогласный
Ни снѣгъ—ни вихръ—ни темной лѣсъ,
Не сгладятъ слѣдъ его глубокій!
Гдѣ жилъ—тамъ нынѣ храмъ высокій
Любовь возноситъ до небесъ!

LXXXVI.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПЕРЬЯ

Л..... и С..... Ко: — —

Кто? кто красавицы всевластны,
Скажите, кто въ цѣпяхъ златыхъ?
Чьи крылья взяли вы ужасны
И ощипали перья съ нихъ?
Зачѣмъ любовь здѣсь между вами
Крылатымъ кузнецомъ съ щипцами,
Калитъ въ золѣ горячей ихъ?

И перья жаромъ напитая,
Давъ сталью видъ имъ оспрыхъ стрѣлъ,
Вы быстротой ихъ украшая,
Гордитесь славой рашныхъ дѣлъ!
И стрѣлы мнѣ даете смѣло.
Но кто слыхалъ такое дѣло,
Чтобъ я когда стрѣлять былъ смѣлъ?

А естьли вамъ и такъ угодно,
Чтобъ я блисталъ чужимъ перомъ,
Судите сами: мнѣ ли сродно
Не по природѣ быть орломъ?
Я вашей силой подымуся
И упаду—и расшибуся,
Безсиленъ будучи крыломъ!

Но что я васъ остерегаю?
Не ваша ль милость мнѣ и шутъ?
Въ толпѣ забавъ я примѣчаю,
Въ дали старикъ сидитъ какъ шутъ.
Въ слезахъ, изщипанъ, разсерженный
Косой одной вооруженный,
Что слышу временемъ зовутъ!

Челомъ вамъ бью, о души милы!
Да будетъ слава вамъ и честь!
Что время вы заполонили
И сѣть ему велѣли плесть!
Пускай—пускай старикъ сей грозный
Попробуетъ, бывъ съ вами розно
Разлучныя минуты счесть!

Еще спасибо вамъ другое,
Что вы велѣли мнѣ съ нимъ быть.
Признаться—время золотое

Я въ жизни не умѣлъ ловить!
Теперь на караулѣ буду,
И кажется не позабуду,
Что съ вами мнѣ не вѣки жить!

Красавицы!—что въ жизни краше?
Въ надзоръ вы время дали мнѣ.
За то по милости мнѣ вашей
Я въ новой покажусь цѣнѣ!
А чтобъ и спать мнѣ беззаботно,
Скручу его цвѣтами плотно,
Чтобъ плѣнникъ не ушелъ во снѣ!

LXXXVII.

ХОРЪ

П..... М..... Н.....

Живи сто лѣтъ, душа родная!
Ты солнце на пути твоемъ!
Заботы жизни поражая.
Ты сжешь сердечнымъ ихъ огнемъ!

Позволь же намъ семьею цѣлой
На путь твой съ нашимъ хоромъ стать.
И стрѣлъ обломки брани смѣлой
Усердно съ поля обобрать!

Пускай хоть разъ мой хоръ родимый
Украсится вѣнкомъ твоимъ!
Пусть человѣкъ еще любимый
Сочтетъ его на часъ своимъ!

Тогда на крыльяхъ мы орлиныхъ!
Тогда мы выше облаковъ,
И какъ лучи на сводахъ синихъ
Заблещетъ въ насъ твоя любовь!

LXXXVIII.

ОЛИШКЕВИЧУ, НАПИСАВШЕМУ ПОРТРЕТЪ Л.....

О Геній! гражданинъ небесный!
Наставникъ мой, и Властелинъ!
Прости, что данникъ твой нелестный
Займетъ тебя на мигъ одинъ.
Мнѣ сердце не даетъ покою,
Доколь я лиры не настрою,
Въ восторгѣ отъ твоихъ картинъ!

Мой вѣкъ какъ путникъ къ дому близкій,
Въ пыли бредущій подъ горой,
Смотря на Западъ солнца низкій,
Минутой дорожитъ одной!
Но сердце времени не знаетъ.
Оно и старость согрѣваетъ,
И обновляетъ жизнь порой!

Порой ничтожная былинка
Какъ порохъ вспыхиваетъ въ мигъ!
Блеститъ отъ солнца и песчинка!
Я не боюся лѣтъ моихъ!
Вкругу твоихъ чудесъ о Геній!
Одушевляются и тѣни
Подъ звукъ сердечный струнъ златыхъ!

Скажи, кого о Геній дивной,
Кого ты мнѣ изобразилъ?
Красы бѣгущи непрерывно,
Ты спасъ отъ лѣтъ, и оживилъ!
И снявъ со щастья видъ привѣтный,
Черты душевныя безлѣтны
Невидимо ты освѣтилъ!

Что мнѣ вашъ блескъ кристалы вѣчны?
Что мнѣ твой свѣтлый видъ ручей?
Черты въ васъ жизни скоротечны!
Вы образъ нашихъ краткихъ дней!
Въ васъ видѣнъ только міръ сей тлѣнной,
Гдѣ какъ въ гостинницѣ мгновенно,
Мѣняется толпа людей!

А здѣсь, даритъ мнѣ Геній смѣлый,
Не въ кристалѣ однѣ мечты:
Друзья и дѣти!—родъ мой цѣлый!

*

Узрѣвъ пріятныя черты,
Вотъ скажутъ: кто сиротъ лелѣялъ,
Кто жизнь свою трудомъ засѣялъ
И выростилъ вкругъ насъ цвѣты!

Таланту одному лишь сродно
Такъ безкорыстно награждать!
Вся цѣль души его свободной
Другихъ живить и утѣшать!
Талантъ есть огнь тогда растущій,
Когда онъ пламень свой цвѣтущій
Начнетъ въ окрестности метать!

Прими, о милый Геній, чувство
Признательныхъ тебѣ сердецъ!
Твое волшебное искусство
Намъ въ память—щастья образецъ!
И сей вѣнокъ хотя не вѣчный,
Но свѣжій, и какъ даръ сердечный,
Несетъ къ тебѣ съ дѣтьми отецъ!

Ѳ..... Н..... Г.....

Духовною поэзіею занимающемуся.

Куда безсмертный ты летишь?
За слой планеты сей дерзаешь?
Огнистой рѣчью увлекаешь
И сердце грѣешь и живишь!
Завѣсу открываешь тайны
Міръ новый!—свѣтъ необычайный,
Гдѣ духъ блаженствомъ ты поишь!

Какъ водный токъ непрестающій,
Оставивъ путь природный свой,
Бьетъ въ верхъ—кристалъ столпомъ растущій
Блестящей сыплется росой!
И зноемъ утомленны нивы
Свѣжитъ, даетъ имъ видъ красивый,
Такъ пользуетъ твой лирный строй!

Отколь скажи, отколѣ быстрый
Лучами опоясанъ ты?
Отколь съ лучей текущи искры

И на скалахъ родятъ цвѣты?
И какъ сквозь облака, туманы,
Открылъ пресвѣтлыя ты страны,
Гдѣ смерти нѣтъ, ни суеты?

Не въ сердцѣ ль прежде міръ ты новый
Нашелъ, какъ странникъ усталой,
Кончая длинный путь суровый,
Сближается съ своей страной,
И сердцемъ предвкушая радость,
Въ самихъ трудахъ находитъ сладость
И свѣжи силы подъ горой?

Составивъ новый строй на лирѣ
Въ кругу безвременныхъ красотъ
Ты не поклонникъ щастью въ мірѣ,
И ты не рабъ земныхъ заботъ!
Сорвавъ заросши въ тѣлѣ цѣпи
Какъ птица ты летишь чрезъ степи
И кроешся въ небесный сводъ!

О дай мнѣ руку быстрый Геній,
Не изчезай изъ глазъ моихъ!
Дай мнѣ хотя къ крылатой тѣни
Твоей пристать въ пушяхъ крутыхъ!
Мнѣ сердце крылья дастъ орлины

Любовь опрѣжетъ поступины
Сіяющи въ лѣсахъ глухихъ!

Не рѣдко въ жизни мгла сѣдая
Стѣною ставится въ очахъ!
И лучъ въ туманѣ погасая
Не свѣтитъ страннику въ путяхъ!
Тогда безсмертный!—бей въ строй лирный
На слухъ кто жизни жаждетъ мирной
Найдетъ къ ней путь въ твоихъ словахъ!

XC.

МОЕЙ МУЗѢ.

За чѣмъ о Муза, другъ отрадный,
Зимой ты вздумала ко мнѣ?
Смотри—какъ все кругомъ невзглядно!
Какъ темно въ здѣшней сторонѣ!
Безъ листьевъ лѣсъ—и снѣгъ глубокій,
Смотри—сугробы какъ высоки!
Шалашъ мой съ снѣгомъ наровнѣ!

Зима шалашъ не украшаетъ!
Въ зимѣ не видѣлъ онъ и днемъ!
Уже и солнце не спасаетъ
Меня отъ снѣжныхъ тучь кругомъ.
Одна любовь! одна безъ скуки
Въ озябшія мнѣ дышитъ руки
И веселится старикомъ!

За чѣмъ съ тобой свѣтильникъ ясный?
Я сталъ глазами слабъ отъ лѣтъ!
Ты будешь мнѣ свѣтить всечасно,
А я не попаду въ твой слѣдъ!
Обмерклу—и собьюсь съ дороги!
И утомя въ сугробахъ ноги
Оцѣпенѣю я какъ ледъ.

Нѣтъ—нѣтъ—лети о другъ мой нѣжный
Совсѣмъ не пара я съ тобой!
Кой-какъ и сквозь метели снѣжны
Пробьюсь съ любовью я одной!
Лишь посвѣти тому дорогой
Кто въ хижинѣ меня убогой
Захочетъ посѣтить порой!

XCI.

ПРИГЛАШЕНІЕ А.....

Птичка съ птичкою въ разлукѣ
Облетѣвъ любимый лугъ,
Кустъ обыскиваетъ въ скукѣ,
Кличетъ—слушаетъ—гдѣ другъ?
И всечасно озираясь
Съ птичками перекликаясь,
Сверхъ куста летаетъ вкругъ!

Долголь ждать тебя другъ милый?
Что не ѣдишь отдохнуть?
Осени бурливы силы
Стали на послѣдній путь!
Рѣзкій вѣтръ—дожди косые
Волхова порывы злые
Не дадутъ тебѣ заснуть!

Желтый листъ съ деревъ слетаетъ.
Порошится мокрой снѣгъ.
Трудъ въ овинѣ согрѣваетъ
На соломѣ свой ночлегъ!
Ночью рыщетъ волкъ несытый!
Скрылъ медвѣдь свой слѣдъ набитый
И подъ ель въ берлогу легъ!

Какъ старикъ сѣдой ревнивый
Кроетъ красоту отъ всѣхъ,
Скрылъ туманъ спустясь на нивы
Утреннюю зарю утѣхъ!
Ночи длинныя—слѣпые
Разведя огни златые
Освѣщаютъ дней побѣгъ

И любовь со всѣмъ причетомъ
Прелестей, забавъ, затѣй,
Въ облачкѣ душой нагрѣтомъ
Удалилася съ полей!
Шумны города и селы,
Нарядясь въ уборъ веселый,
Рѣзвыхъ приняли гостей!

Разныхъ игръ полки крылаты
Свѣтлый вихрь крутитъ въ домахъ!
Стали бѣдные—богаты,

Закружась въ златыхъ лучахъ!
А любовь свои картины
Въ свѣтѣ бронзъ, или лучины,
Взглядомъ пишетъ на сердцахъ!

Пусть зима теперь сѣдая
На спальныхъ конькахъ стрѣлой,
Путь сребромъ свой усыпая
Свищетъ и грозитъ рукой!
Дома гдѣ кому опрадно,
Видъ зимы сердитой хладной
Таетъ свѣтлою слезой.

Ахъ мой другъ! но что здѣсь прочно?
Гаснетъ блескъ въ кругу прикрасъ!
Гаснутъ дни здѣсь—какъ нарочно!
Заставай всѣхъ вмѣстѣ насъ!
Сестры—братья—домъ родимый,
Съ ними я, и другъ любимый,
Ждемъ тебя съ часа на часъ!

XCII.

ГЕНІЮ.

Невидимый, непостижимый!
Мой частый гость! летучій духъ!
Товарищь жизни ты любимый
И для ушѣхъ готовый другъ!
Заставь молчать твой гласъ сердечный!
Я не могу ишти безпечно
Съ тобою въ твой волшебной кругъ!

Я знаю что и міръ тамъ новый
Какъ солнце въ радугахъ стоитъ!
Что и зимы нарядъ суровый
Весны младой тамъ кажетъ видъ.
Что воды тамъ въ кристалахъ чудныхъ!
Что лѣсъ—тамъ въ листьяхъ изумрудныхъ,
Что тамъ забывшись время спитъ!

Но другъ мой! мнѣ и то извѣстно,
Что тамъ житейской требы нѣтъ!
Что пищи нѣту тамъ тѣлесной
И платья тамъ никто не шьетъ.

Что надобенъ запасъ дорожный,
И въ путь карманы не порожни,
Летѣть въ волшебный новый свѣтъ!

Бываетъ предъ дождемъ иль снѣгомъ
Я птицой пестрой наряжусь!
Взмахну крылами, и съ разбѣгомъ
Въ воздушны степи подымусь!
Но клѣйки нужды и заботы
Прицѣпятъ мнѣ домашни щоты,
И я невольно опущусь!

Тогда я какъ поденщикъ бѣдной
На смертной барщинѣ въ трудахъ,
Сужденъ къ литью монеты мѣдной
Стою у горна на часахъ!
И раздувая съ скрыпомъ мѣхи!
Самъ вижу какъ мои ушѣхи
Безмолвно плачутъ въ воротахъ!

Тогда я глохну, и нѣмѣю,
Брожу лѣнивымъ я рабомъ!
Въ ярмо протягиваю шею
И не бесѣдую съ умомъ!
А развѣ иногда украдкой
Подастъ мнѣ щастіе подъ шапкой
Къ забвенью пипочку клубкомъ!

Клубокъ сей распущаетъ дружно
Мой вѣрный другъ въ семьѣ своей,
И сѣтью окружась жемчужной
Не помнимъ мы заботныхъ дней!
А шутъ любовь ставъ съ нами рядомъ
Стрѣлами часто какъ бы градомъ
Бьетъ на повалъ дурныхъ гостей!

И слава Богу!—сей судьбою
Доволенъ я въ трудахъ моихъ.
Пусть я о Геній не съ тобою,
Но всѣмъ ли быть въ вѣнцахъ златыхъ?
Мои и нужды, и заботы,
Не ломятся подъ часъ въ ворота!
И мнѣ данъ часъ забыть о нихъ!

И радъ бы иногда въ часъ краткій
Присѣсть хотя въ твоихъ ногахъ,
Внимать въ восторгѣ гласъ твой сладкій!
Но хлопоты наводятъ страхъ!
Съ ихъ рѣзкимъ шумомъ на разстроѣ
Какъ сердце сохранить въ покоѣ,
Когда темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ?

Нѣтъ Геній—не бряцай мнѣ болѣ
По золотымъ твоимъ струнамъ!
Не рѣдко слышатся въ неволѣ

И представляются очамъ
Въ сѣнахъ безмолвныя темницы,
Иль гласъ сердечный, или лицы,
Которыхъ грусно вспомнить тамъ!

КОНЕЦЪ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСЫ СВОБОДЫ

ВЪ

МОЛОДОСТИ

ѲЕДОРА ЛЬВОВА.

ЧАСТЬ II.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ, Мая 19 дня 1831 года.

Ценсоръ *Николай Щегловъ*.

ПИСЬМА

ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ.

Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ отрывками читаны въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Сло́ва, и по счастію сочинителя благосклонно приняты были. Благосклонность ободряетъ духъ. Нынѣ издается полное собраніе сихъ писемъ.

Онѣ писаны давно. Въ нихъ безъ сомнѣнія найдутся неисправности, молодому человѣку свойственныя; но Сочинитель, будучи по лѣталъ своимъ не тѣми ужѐ игрушками занятъ, какими занимался прежде, не счелъ нужнымъ исправлять ихъ по тому, чтобы личиною холоднаго благоразумія не ознобить черты молодости, которая и въ самой рѣзвости своей привлекательна и завидна.

ДРУГУ МОЕМУ.

Оживленное тобою сердце, тебѣ же посвящаетъ лучшую часть существа своего. Ты, мой другъ, воскресила въ немъ чувствованія, тебѣ они и принадлежатъ. — Пусть мои письма, сердцемъ однимъ составленныя, останутся у тебя памятникомъ того, которому ты живущее въ прислугѣ твоей родовое щастіе силою крѣпостнаго акта подарила въ вѣчное владѣніе.

Вспомни ты, какъ смерть змѣёю
Прямо въ домъ мой приползла,
Въ сердце бросилась стрѣлою,
Гдѣ душа моя жила!
Свѣтъ очей красы затмился!
Замерла любовь въ устахъ!
Домъ въ могилу превратился!
Смерть казалась на стѣнахъ!
Дѣти, какъ птенцы безкрылы,
Тщетный издавали стонъ!
Ночь и день мнѣ говорили:
Гдѣ твой другъ?—скажи, гдѣ онъ!

Тутъ какъ Ангелъ ты прекрасный
Въ домъ печали снизошла!
Собрала сиротъ нещастныхъ
И сквозь слезы ихъ сочла!
Дѣти рѣчь твою ловили,
Въ взорахъ—радость нѣжныхъ лѣтъ!
Въ сердцѣ—жизнь ихъ находили,
Въ разумѣ твоемъ—ихъ свѣтъ!
Ты сочла ихъ,—и волшебно
Удалилась грусть отъ насъ!
Усмѣхнулась—и мгновенно
Падшій въ домѣ громъ погасъ!
Мнѣ ты душу вновь вложила!
Сердце стало биться вновь!
Взглядомъ въ щастье превратила
Плачущу при мнѣ любовь!
Съ твоего вѣнца златаго
Свѣтъ мнѣ путь мой указалъ!
О какая мнѣ обнова, —
Я опять любить всѣ сталъ!
Такъ предъ черною грозою
Вихрь взвиваетъ прахъ столбомъ!
Солнце тмится, лѣсъ реветъ грядою,
Съ трескомъ молній слышенъ громъ!
Свистъ и вой,—стада смиренны
Въ лѣсъ скрываются съ полей!
Рушатся жилища бренны!

Закипѣлъ хребетъ зыбей!
Громъ идетъ!—Ударъ къ ударамъ!
Всѣ дрожитъ подъ звукомъ ярымъ!
Гибнетъ міръ среди чудесъ!
Взглянетъ солнце!—Громъ изчезъ!
На поля опять златыя
Выдетъ смирный сельскій прудъ,
И богатства полевыя
Всѣ къ ногамъ его падутъ!

№ 1.

СЪ ДОРОГИ ИЗЪ ВОЛОГДЫ, ОКТЯБРЯ 15-го

Вотъ мой другъ я и уѣхалъ. — Воля твоя!—Ни что мнѣ такъ непротивно, какъ разлука! Ты мнѣ часто говаривалъ, что не льзя безпрерывно такъ жить какъ хочется; что дѣла, обстоятельства требуютъ иногда пожертвованій, которымъ мы удовлетворять обязаны непремѣнно; что жить для себя также не льзя; что себя слушаться не всегда должно... — Помню, всѣ помню, что ты мнѣ говорилъ другъ сердечный. — Вотъ я себя и не послушался. По твоимъ убѣжденіямъ я войною пошелъ противъ самаго себя; поступилъ съ собою какъ съ злодѣемъ,— заковалъ и языкъ и сердце. Молчу,—меня везутъ—и я ужѣ не съ вами!

Другъ мой! Ты знаешь всѣ сокровенности души моей, вычисляешь мои истинныя пользы, заботишся о моемъ щастьѣ;—скажи мнѣ, почему я долженъ былъ разстаться съ вами?—Говори мнѣ обстоятельнѣе; я можетъ быть пойму тебя хотя нѣсколько. Жесто-

кой человѣкъ! Зачѣмъ не велѣлъ ты мнѣ уѣхать прежде?

Ты такъ устроилъ, чтобъ я писалъ Графинѣ.—Я буду писать.—Но о чемъ мнѣ писать ей? Могуль я ручаться, чтобъ...Нѣтъ—будь покоенъ; я надѣюсь..... Разлука всѣ преодолѣетъ, — часъ отъ часу я буду болѣе входить въ себя! Посторонніе и новые предметы на пути разсѣютъ мое вниманіе. Я буду къ ней писать — равнодушно, холодно; буду искать мыслей забавныхъ,—я буду дышать тѣмъ, что по крайней мѣрѣ говорю съ нею.

Ты въ самомъ дѣлѣ хорошо вздумалъ, чтобы я иногда писалъ ей и стихами. Это меня развлечетъ, займетъ.—Но чѣмъ бы мнѣ такимъ заняться мой другъ, чтобы успокоило, утишило пламенные порывы и воображенія и сердца?—Пиши ко мнѣ ради Бога, а то..... не чѣмъ мнѣ жить будетъ!

Давно я хотѣлъ къ тебѣ писать, — да какъ нарочно проѣзжалъ я города ночью, и только тѣмъ довольствовался, что спрашивалъ во всякомъ городѣ, гдѣ почтовой дворъ?

Съ самаго моего отъѣзда я безпрестанно считаю дни; а съ вами я не помнилъ ихъ и названія. Теперь они кажутся мнѣ годами, — а тогда такъ они летѣли! У васъ въ Малороссіи еще тепло; въ Архангельскѣ те-

перь я думаю ужъ зима!—Каково то мнѣ будетъ въ Архангельскѣ? Прости мой милой.

Почтмейстеръ здѣсь такой доброй старикъ!—Онъ мнѣ сказалъ, что ему не льзя забыть послать письмо мое потому, что онъ отъ меня получилъ казенныя вѣсовыя деньги!—Прости,—я ѣду—какая ночь темная!

Куда дѣвалась моя Философія? Куда дѣвалось удовольствіе въ размышленіяхъ? Гдѣ я?—Бывало какъ увижу, что въ праздничный день въ деревнѣ соберутся добрые люди, и на лавкахъ передъ избою иные сидятъ, другіе поютъ, иные рѣзвятся, играютъ,—какъ я утѣшался смотря на ихъ благополучіе! Нынѣ ѣду мимо, ничего не слышу, не вижу; а когда остановлюсь—бѣгу отъ веселья какъ отъ чумы. Тоска во мнѣ ростетъ!—Услышу пѣсню?—Сердце забьется, глаза наполнятся слезами!—Нѣтъ, мой другъ! Мнѣ лучше, мнѣ покойнѣе, когда воетъ рѣзкой вѣтръ! и рубитъ меня косой дождь, а я гдѣ нибудь одинъ сижу подъ деревомъ съ дубинкой — и ничего, кромѣ листьевъ, не слышу!

№ 2.

СЪ ДОРОГИ ИЗЪ КАРГОПОЛЯ, ОКТЯБРЯ 24 го.

Человѣкъ занятой предметомъ постороннимъ не видитъ, не чувствуетъ что его окружаетъ.—Чудное дѣло!—Онъ даже теченія времени не примѣтитъ! — Я иногда верстъ 20 проѣду, а мнѣ кажется я проѣхалъ 3; иногда проѣду 3, а мнѣ кажется 20.

Ѣду по дурной дорогѣ,—темно, холодно, а безпрестанно между вами.—Я часто бываю на горкѣ подъ той самой грушей, гдѣ Графиня обыкновенно разливаетъ чай! Я вижу ее въ бѣломъ платьѣ, мягкіе ея волосы перевязаны по головѣ голубой лентой, полосатая ея шаль подлѣ нее раскинута,—вечеръ такой теплой!—Солнце на закатѣ, рабочій народъ ѣдетъ домой съ поля, на берегу рѣки подъ горою гонится стадо!—Она съ привѣтливой улыбкой подаетъ мнѣ налитую чашку! Съ такою милою заботливостію хлопочетъ, чтобъ чай для меня не былъ крѣпокъ!—Разсказываетъ, что она читала. — Неподалеку отъ ней стоятъ крестьянскіе мальчики и

дѣвочки, которыхъ она награждаетъ по заслугамъ: навѣдываетсл о больныхъ!—Какой я сумазбродной! Чѣмъ я тебя занимаю!—Какая мечта!—Я отъ васъ такъ далеко!—Отъ чего мнѣ ни съ кѣмъ говорить не хочется, и къ тебѣ писать мой сердечный нѣтъ охоты!—Къ тебѣ писать не хочется!

Я всѣ думаю, объ чемъ мнѣ писать Графинѣ? Признайся другъ мой, — очень трудно говорить тому кто сердечнаго чувства объяснять не долженъ! Такой человѣкъ подобенъ ходящему въ темнотѣ, который на 10 шагахъ сдѣлаетъ 50 ощупью, чтобъ только не удариться гдѣ головою.

Когда кто испугаетъ птичку и сгонитъ ее съ дерева гдѣ она быть привыкла, она летаетъ около него безпрестанно—и не знаетъ покою! Быть такъ!—и я буду бродить, какъ человѣкъ во тьмѣ ищущій свѣта. Коли не суждено мнѣ отдохнуть у любимаго дерева,—я около него скитаться стану!

Меня занимаетъ иногда и то, что Графиня была за мужемъ по расчету сѣмейному,— вышла она молода,—не знала и не знаетъ, что такое любить. Блаженъ, кто!..... Но что я говорю? У всякаго ли разцвѣтаетъ цвѣтокъ, который ему достался?—Прости мнѣ мой другъ,—я самъ не знаю что̀ пишу! Лошади готовы.

№ 3.

ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА, НОЯБРЯ 3-го.

И ты уже успѣлъ встрѣтить меня здѣсь письмомъ твоимъ? Сердечный мой! Какой ты доброй человѣкъ!—Я какъ будто ожилъ!—и вы всѣ здоровы,—и иногда обо мнѣ говорите? Думаете о моемъ возвращеніи! — О возвращеніи моемъ думаете, а я только что разстался съ вами.—Слава Богу, что вы здоровы.

Я пріѣхалъ вчера ночью. Чудное дѣло! ничего я не усталъ! не спалъ—и того не чувствую; твое письмо какъ невидимая рука сняла съ меня какую-то тяжесть. Ахъ мой другъ, какъ мнѣ тяжело было! Какая грусть ѣдкая! Письмо твое меня утѣшило, — я кажется сталъ совсѣмъ иной! Мой другъ, пиши ко мнѣ чаще; я себя чувствовать началъ.

Ты справедливъ!—и въ самомъ дѣлѣ!—можно ли каждой встрѣчѣ повиноваться? какъ тамъ пить, гдѣ нѣтъ воды? Гдѣ достоинство зданія, когда колеблетъ его вѣтръ? Ты справедливъ! Я изъ твоихъ дружескихъ на-

ставленій ни на черту не выду. Всѣ бы лучше, коли бы я ранѣе..... Но что объ этомъ говорить!

Я былъ у всѣхъ по дѣламъ моимъ. Боже мой, какъ дѣльные люди и глухи и нѣмы! Какіе они холодные!—Нѣтъ, не люблю я по дѣламъ шаскаться! Особливо я не терплю такихъ дѣлъ, гдѣ одни копейки погоняютъ и судей и просителей! Въ дѣлахъ вообще — въ исканіяхъ людскихъ и въ самомъ покровительствѣ ихъ видны такія мѣлкія, такія подлыя страсти!

Я нанялъ здѣсь двѣ горенки. — На что мнѣ больше? Въ нихъ часто умѣщается Богородское *) со всемъ большимъ садомъ!—иногда наша комната! иногда та груша!... Ахъ мой другъ! Я безпрестанно сражаюсь самъ съ собою—и безпрестанно уступаю непріятелю!—Какой я дурной воинъ! Твое письмо подлѣ меня,—я его безпрестанно перечитываю. Я сталъ право покойнѣе, — вы всѣ здоровы.—Впрочемъ что меня заставляетъ такъ строго смотрѣть за собою? Развѣ не льзя почитать и любить человѣка, и чувствовать собственное бытіе свое?

Теперь я примусь устроивать домашнія дѣла мои—и знаешь ли какъ?—Подлѣ маленькаго дивана, гдѣ я сплю, поставлю столикъ,

*) Деревня Графини.

на которомъ положу двѣ записныя книжки: въ одной будутъ лежать твои письма,—въ другой письма милой нашей Графини, (буде вздумается ей о сумазбродномъ вспомнить); подлѣ этихъ двухъ книжекъ положу я чорныя мои письма къ вамъ; — и это будетъ тотъ міръ, въ которомъ я дышать стану; въ предѣлахъ его буду я или Царь, или рабъ! —или духъ мой взовьется къ селеніямъ небеснымъ, или въ подземной мрачности, въ глубокомъ унынiи онъ потонетъ!

Я гораздо покойнѣе! — Завтра примусь писать Графинѣ.—Я кажется здоровъ, и хотя чувствую, что я не совсѣмъ весь по сердцу, но это иногда и кажется. Человѣку, ночью идущему, часто встрѣчаются привидѣнія!

№ 4.

НОЯБРЯ 7-го

Вы приказали мнѣ Графиня:—я повинуюсь. Съ вашими повелѣніями мое удовольствіе неразлучно; но прежде всего позвольте мнѣ принести вамъ жалобу на судьбу мою. Какъ смѣетъ она такъ явно насмѣхаться надо мною? Всѣ мы знаемъ, что она заставляетъ иногда людей дурачиться въ разныхъ видахъ, да по крайней мѣрѣ всегда подъ какою нибудь пристойною наружностію; а тутъ, приди же ей въ голову во первыхъ разлучить человѣка съ его искренними и послать въ такой край, гдѣ живутъ одни бѣлые медвѣди, тюлени и моржи, гдѣ травка не смѣетъ изъ земли показаться; а потомъ приказать — и чрезъ кого же? — чрезъ васъ приказать мнѣ искать по ледовитому краю, гдѣ въ цѣлые полгода свѣту не увидишь,—чего же искать?—Парнасса! Мало этого: пиши я и прозой и стихами, и чтобъ въ превосходномъ твореніи моемъ отличнымъ молодцомъ, первымъ Героемъ былъ кто же?—представьте себѣ Графиня! жестокой морозъ.

Сѣдой, косматой
И зубатой,
Который голосомъ отъ старости скрыпитъ,
И на землѣ, какъ бѣсъ крылатый,
Гоняется за всѣми, и щиплетъ и мертвитъ;
А самъ ни день, ни ночь не спитъ.
То, будучи укрытъ блестящей епанчою,
Онъ ходитъ по вершинамъ горъ;
То серебристою трухою
Онъ мечется въ глаза какъ соръ!

Судите сами Графиня, къ какомъ я положеніи!—Я съ вами разстался! Мнѣ иногда сгруснется; иногда я совсѣмъ не тамъ, гдѣ я. До того ли мнѣ, что прибирать слова и приноравливать ихъ какъ одну жемчужину къ другой? Пусть бы заставили вы меня въ самомъ дѣлѣ прибирать и низать жемчугъ вашъ,—я бы сидѣлъ сиднемъ и зналъ свое дѣло; я бы зналъ по крайней мѣрѣ; что моя нитка жемчужная когда нибудь украситъ побѣды ваши, и для чего же не такъ? Но тутъ я только что смѣшонъ буду! А естьли въ добромъ сердцѣ насмѣшки нѣтъ, естьли состраданіе составляетъ несомнѣнно его пищу, то каково же вамъ видѣть сумазброднаго, который не будучи живописцемъ принужденъ въ картинѣ представить сѣверъ?

Всякое слово любезнаго человѣка съ чувствомъ сказанное переливается въ сердце того, кто его знаетъ цѣну. Вы часто мнѣ проговаривали, что вообще впечатлѣнія сильно на меня дѣйствуютъ. Я радовался, что вы замѣтили мою чувствительность; а теперь вы же мнѣ приказали заняться такъ чтобы всѣ во мнѣ замерло отъ холоду; чтобы и въ письмахъ моихъ была вѣчная зима, — словомъ: вы желаете, чтобъ я оледенѣлъ! Будьте же вы ко мнѣ милостивы, и судите сами:

Какъ за дѣло мнѣ приняться?
Можноль солнцу поклоняться
И бѣжать его лучей?
Это вовсе непонятно!
Не блаженъ ли тотъ стократно,
Кто живетъ средь красныхъ дней,
И конецъ пути къ покою
Довершаетъ безъ заботъ?
Воля ваша, щастливъ тотъ!
Кто вечернею порою,
Сидя у безмолвныхъ водъ,
Видитъ, какъ небесный сводъ
За угрюмою горою
Станетъ розовымъ шатромъ!
Какъ стада его грядою,
Полны сытнымъ молокомъ

Къ дому идутъ съ пастухомъ,
И на зелени златистой,
Гдѣ ручей катится чистой,
Пролагаютъ длинну тѣнь!

Вотъ какому щастію я завидую сударыня. Нѣтъ! — Сдѣлайте милость, избавьте меня отъ описанія зимы,—я ей врагъ непримиримый, — и до такой степени, что я не только зимы, но не люблю даже холоднаго свойства. По моему, человѣкъ съ холоднымъ сердцемъ чѣмъ умнѣе, тѣмъ опаснѣе. Пришлите мнѣ лучше изъ Малороссіи цвѣтовъ сушеныхъ. Глядя на нихъ, буду вспоминать, что я живалъ съ ними; только сдѣлайте мнѣ одолженіе, чтобы каждый цвѣтокъ былъ непремѣнно на особой страничкѣ. Такимъ образомъ весь видъ цвѣтка сохранится, кромѣ живости, которую пусть дополнитъ воображеніе. Вы меня понимаете. Иначе жметъ морозъ, а онъ сдѣлавъ себѣ пріютъ подъ шубой, съ большимъ наслажденіемъ думаетъ о такой сторонѣ, гдѣ солнце Царь, а морозъ въ вѣчной ссылкѣ!

Простите Графиня!—Помните того, который васъ искренно почитаетъ. Часъ въ разлукѣ—годъ. Несносная мысль!—По крайней мѣрѣ не забудьте,

Что кто на Сѣверъ полетѣлъ,
Тотъ васъ любитъ и чтитъ умѣлъ.

*

Что вы когда съ зарею
Въ летучемъ платьицѣ, какъ снѣгъ,
Въ кружкѣ вiющихся упѣхъ
Съ живою въ кристалѣ водою
Идете въ гости къ цвѣтникамъ,
И тамъ
Какъ лѣтнiй день прелестный,
Какъ Ангелъ вѣчныя любви,
Дарите жизнь и счастье вы;
Я въ кибитчонкѣ низкой, тѣсной
На тощихъ клячахъ почтовыхъ
Въ грязи Октябрьской утопаю,
И шутъ, что жизнь я проклинаю,
То въ видѣ солнца васъ встрѣчаю
Подъ тучами дождей косыхъ!

№ 5.

НОЯБРЯ 15-го.

Съ недѣлю кажется, или и больше, какъ я уже отправилъ письмо мое къ Графинѣ. Извини меня предъ нею другъ мой;—оно длинно. Но быть такъ, — я не могъ сжать ни мысли, ни сердца; за то теперь долго не буду писать къ ней. Я опасаюсь, что бреднями моими ей наскучу. Я опасаюсь, что и тебѣ наскучу; но ты будь ко мнѣ великодушенъ,—я такой бѣдной человѣкъ!

Признаюсь: я что-то собою недоволенъ. Всѣ я безпокоенъ, и отъ того безпрестанно чего-то я ищу. — Досадно очень, что нѣтъ у меня здѣсь любезнаго Богородскаго инструмента! Нѣсколько часовъ по крайней мѣрѣ въ сутки изчезли бы въ безмѣрномъ пространствѣ музыкальнаго міра! Я такъ люблю какъ струны отзываются біенію сердца! Біенію сердца отзывается предметъ неодушевленный!—А иногда человѣкъ чувствительный ка-

мнемъ другому кажется! — Кусокъ мрамора всякій звукъ отражающій!

Хлопоты по дѣламъ мнѣ досаждаютъ. Въ такихъ случаяхъ холодные люди обыкновенно приговариваютъ: *не принимай хлопотъ къ сердцу*. — Согласенъ. — Но можно ли откинуть отъ сердца стрѣлу, глупымъ или злымъ человѣкомъ пущенную?

Понять не могу, что охоты людямъ дѣлать зло для того, чтобъ только зло сдѣлать? Какъ тутъ не видать чрезполоснаго владѣнія добра и зла?

Чрезполосное владѣніе!—что такое?....

Разумъ человѣка похожъ на круглое выпуклое стекло. Въ опредѣленномъ разстояніи оно объясняетъ предметы; выдь изъ мѣры, увидишь одно смѣшеніе, безобразіе и наконецъ какой-то туманъ, который скроетъ всѣ!

Въ маленькомъ городѣ жить въ неизвѣстности не возможно. Я со многими познакомился, но или отъ того, что я здѣсь новъ, или отъ чего другаго, а въ здѣшнихъ обществахъ я никакъ не отыскиваю, чего бы мнѣ хотѣлось. Здѣсь есть любезныя и прекрасныя женщины, но всѣ не то. Какой это

чудный человѣкъ наша Графиня, какъ я подумаю!—Какая кротость, покой и привлекательность въ чертахъ ея! Она занимается всѣми, но занимается такъ, что никто того на собственный счетъ принять не можетъ. Ты самъ примѣтилъ, мой другъ, какъ она скромна въ разговорахъ, какъ уступчива и какъ утѣшительна въ разсужденіяхъ! Какое терпѣніе въ горѣ! Пылкость сердца часто уподобляетъ ее румяной зарѣ, за которою веселый день живитъ и украшаетъ всѣ. Признайся, сердечный мой, встрѣчалъ ли ты кого нибудь ей подобнаго? Я теперь говорю съ тобою хладнокровно,—суди самъ, что составляетъ ея удовольствіе?—Домъ, удаленіе отъ шумныхъ бесѣдъ, родные, чтеніе, музыка, рукодѣлье, управленіе домашнимъ дѣломъ, попеченіе о людяхъ. Примѣтилъ ли ты, мой другъ, и то, что она внушаетъ во всякаго какое-то священное къ себѣ почтеніе; что взоръ ея не поражаетъ вдругъ, но какъ-то обнадеживаетъ въ благополучіи цѣлой жизни?

Тебѣ не льзя подумать, чтобъ я судилъ пристрастно, и потому надѣюсь, что ты меня бранить не будешь. Не уже ли не смѣю я похвалить и картины хорошей?

Я давно не получалъ твоихъ писемъ. Я бы кажется ожилъ опять. Прости,—я какъ то разстроенъ!—

№ 6.

НОЯБРЯ 25-го.

Почта пришла!—Какъ давно не имѣю я твоихъ писемъ, другъ мой! Какая горькая неизвѣстность! Здоровъ ли ты, мой сердечный? Мнѣ кромѣ вашего здоровья ничего не надобно,—а я и объ немъ ничего не знаю!

Я чрезвычайно безпокоенъ! Хожу цѣлый день, придумываю разныя причины твоего молчанія! Разрѣшаю ихъ въ разныхъ видахъ, и отъ одной мысли хватаюсь за другую. — Мой другъ! Дѣйствія души моей зависятъ отъ твоего разума и сердца! Я живу тѣмъ, что ты мнѣ скажешь, а ты молчишь! Да я тебя же и не вижу! Какое близкое подобіе смерти:—Ты молчишь!—Отъими отъ робенка руку помощи,—какъ онъ подъимется?.... Не уже ли судьба поставила меня съ тобою на одну дорогу? и такъ насъ поставила, что разойтиться намъ нѣтъ возможности! Мысль жестокая! О злое воображеніе! Огненный бичъ твой обхватываетъ весь составъ моей жизни! Долго ли мнѣ еще въ мрачныхъ

пропастяхъ твоихъ скитаться?—Мысль убійственная! — Нѣтъ! этаго быть не можетъ. Другъ мой! Жизнь моя на волоскѣ держится; но пока этотъ волосокъ не порванъ,—я тому не повѣрю. — Нѣтъ, быть тому не льзя!

Будущая почта придетъ послѣ завтра.— Отъ чего я всегда ожидаю грому? За чѣмъ не ожидаю я солнца? Боже мой! За чѣмъ я въ такомъ городѣ, гдѣ только одинъ разъ въ недѣлю почта ходитъ! За чѣмъ здѣсь такой холодъ, и такой снѣгъ глубокой? За чѣмъ я здѣсь? За чѣмъ такая даль разлучаетъ насъ?—Сколько разъ умереть можно, доколѣ слово мое долетитъ до своего назначенія? — Нѣтъ, не могу больше,—прости!

№ 7.

НОЯБРЯ 25-го.

Я давно изъ вашего Богородскаго писемъ не имѣю. Я не знаю, что мнѣ подумать! Прикажите меня увѣдомить, милостивая Графиня, что у васъ дѣлается. Я безпокоенъ безпрестанно. Мнѣ уже кажется, я лишній въ мірѣ. Часто я думаю, что вы нездоровы,—и тогда воображеніе исполинскою силою разрываетъ жизнь мою. Мое здоровье здѣсь тоже для меня, что свѣтъ для слѣпаго! Коли бы я могъ отправить здоровье мое къ вамъ! — Простите. — Не уже ли человѣкъ въ отсутствіи другаго тоже, что цвѣтокъ безъ солнца?—Рука что-то не ходитъ по бумагѣ.—Ахъ Графиня! Не уже ли всѣ меня забыли?

№ 8.

НОЯБРЯ 27-го.

Виноватъ, мой сердечной другъ, виноватъ я предъ тобою! Какой я малодушный! Сумазбродный! Можно ли воротить мои письма? Быть такъ, — твой гнѣвъ я снесу; — но что я написалъ къ Графинѣ? Что она теперь подумаетъ! Какое я имѣлъ право такъ написать къ ней?—Другъ мой, я сей часъ получилъ письмо твое, — а почта отходитъ! Какое положеніе! Я не смѣю вспомнить о Графинѣ!—О сумазбродный!

№ 9.

ДЕКАБРЯ 4-го.

Милой мой другъ! Ты заботишься о моемъ здоровьѣ;—ты пишешь, что весь нашъ кружокъ чувствуетъ мою разлуку съ вами; что ты получилъ съ дороги мои письма; что ты кое что изъ нихъ читаешь доброй нашей Графинѣ! что она очень была довольна, видя, что я здоровъ; но недовольна, что я такъ мраченъ!—Суди самъ, сколько мнѣ наслажденій! Сколько радости, сколько прибавилось во мнѣ силъ!—И разсудокъ мой сталъ кажется чище, и сердце покойнѣе!—Но чѣмъ же я благодарю тебя за твои благодѣянія? Малѣйшая медленность въ полученіи твоихъ извѣстій меня самаго противъ тебя ополчила! Страсть унесла и разсудокъ, поколебала во мнѣ и чувствованія дружбы! Похитила и сердце! Какое-то острое тонкое пламя разлилось въ крови моей! Разлилось, и безпрестанно разжигало мои муки!.... Въ ѣдкихъ угрызеніяхъ ихъ, въ порывистыхъ

страданіяхъ я дерзнулъ помыслить!....Нѣтъ! Нѣтъ, мой другъ, не могу я повторить этой рѣчи.—Сохрани Богъ, — естьли ты не забудешь вины моей! Я наказанъ,—и теперь я не чувствую уже въ себѣ ни слѣда, ниже тѣни этой болѣзни. Изчезла она,—изчезла какъ молнія отъ единаго твоего слова!—Я покоенъ!—Ахъ, мой сердечный, не отъимай у меня спокойствія. Дай мнѣ,—дай мнѣ хотя нѣсколько времени подышать имъ, насладиться имъ.... Да что я тебя прошу?....У меня письмо твое,—оно безпрестанно со мною,—я вижу, ты всѣ тотже!—Ты великодушенъ, Графиня мнѣ простишъ!—и я отдыхаю!

Минуты моего удовольствія приводятъ меня въ восторгъ. Я не знаю отъ чего, но во мнѣ нѣтъ ни одного ровнаго, ни одного покойнаго чувства. Какіе-то безпрестанные порывы и умножаютъ и сокращаютъ жизнь мою. Изъ раю я часто упадаю въ какую то пропасть, гдѣ всѣ темно и всѣ жжетъ! А тамъ, вырвавшись, опять, какъ будто изъ бездны водъ, меня поглощающихъ, я плыву на челночкѣ моемъ и по свѣжему вѣтру лечу какъ пипица!

Въ продолженіи сихъ благотворныхъ минутъ я буду писать Графинѣ, буду шутить, смѣяться; а когда взойдетъ туча въ моемъ воображеніи, я всѣ брошу, буду бесѣдовать

съ тобою, и въ твоихъ наставленіяхъ, другъ мой! какъ въ обширныхъ вѣтвяхъ гордаго дуба, отъ грозы укроюсь.

Давно тебѣ назначенъ отъ меня гостинецъ.—Я описалъ одно произшествіе, въ моихъ глазахъ случившееся, изъ котораго увидишь ты, что такое сердце; но по полученію писемъ твоихъ — признаюсь, забылъ я всѣ! Теперь я къ тебѣ его посылаю. Прочтите эту бездѣлицу вмѣстѣ, — мнѣ такъ пріятно, что когда хотя невидимо я съ вами буду!—Ахъ, мой другъ, ты увидишь, какое щастіе, когда Богъ пошлетъ человѣку другаго человѣка по сердцу!

Прочитывая милое письмо твое, чувствую всю цѣну видовъ, которыми ты наставленія твои обогащаешь! Знаю, чувствую,—я, мой другъ,—я сумазбродный у тебя въ предметѣ. Ты высчитываешь достоинство человѣка! возвышаешь его разумъ, его духъ! а въ самомъ дѣлѣ возстановляешь падшія мои силы, оживотворяешь поглощенныя мои способности. О наставникъ мой любезный! Что такое разумъ человѣческій? Чѣмъ выше устремляетъ онъ свое паренiе, тѣмъ болѣе предметы изчезаютъ у него изъ виду! Кто смотритъ въ верхъ, тотъ часто камня подъ ногами не примѣтитъ! Я могу не быть тамъ, гдѣ быть хочу, — согласенъ; но

могу ли я не чувствовать страданія, когда обхватитъ меня огонь, и не будетъ мнѣ средства выбѣжать изъ пожара?

Впрочемъ я не утверждаю ни чего,—мнѣ такъ мечтается. — Я самъ себѣ не вѣрю, — и что такое самая Философія наша, какъ не туманъ, изъ котораго помоги Богъ выйти безъ поврежденія и напасть на тропинку, къ родинѣ своей ведущую?

Хотѣлъ я тебѣ отыскать мою повѣсть, да видно не успѣю.—Не могу вспомнить, куда я заложилъ ее.—Мудрено ли?—Я часто забываю, что сказать хочу.—Какой мнѣ урокъ! Вмѣсто того, чтобы мнѣ занимать тебя бреднями моими, не лучшель бы исполнить то, что я тебѣ обѣщалъ? Я отсталъ отъ настоящаго, и самъ не знаю, какъ погнался за догадками. — Написалъ къ тебѣ двѣ страницы,—а что обѣщалъ, того не сдѣлалъ!

„Таковъ Фелица я развратенъ;
„Но на меня весь свѣтъ похожъ!“

Я покоенъ слава Богу,—поѣду гулять—и потомъ приготовлю письмо милой нашей любезной Графинѣ. Не гнѣвайся на меня другъ мой,—я совсѣмъ благоразуменъ!

№ 10.

ДЕКАБРЯ 7-го.

За одну вину мою я отказалъ себѣ удовольствіе писать къ вамъ Милостивая Графиня. Но наставникъ мой увѣдомляетъ меня, что вы примѣтили ту мрачность, какая меня здѣсь постигла, и обо мнѣ пожалѣли; а я не могу не почувствовать признательности за такое во мнѣ участіе, и потому осмѣлился опять пожаловать себя въ исполнители вашей прежней воли.

Чѣмъ далѣе я отъ васъ, тѣмъ я къ вамъ ближе,—мнѣ кажется я съ вами безпрестанно.—Что тутъ дѣлать?—Вы вѣрно примѣтили, что какъ ни поставите цвѣтокъ на окошко, онъ всѣ̀ тянется къ солнцу!

Я въѣхалъ въ такой край, гдѣ кажется подъ распущенными крыльями смерти холодъ проникъ во всѣ̀.—Прости мой зеленый лѣсъ!—Простите цвѣты мои любимые!—Простите птички!—Простите Графиня!—Я въ другой планетѣ.

Здѣсь какой-то рѣзкой холодъ
Самый воздухъ зачумилъ,
По полямъ летаетъ голодъ,
Видъ природы всей унылъ!
Мгла какъ бѣлый пухъ гусиный
Соромъ сыплется съ небесъ!
Прячутся въ него долины,
До нага ограбленъ лѣсъ!
И сребристыми хохлами
Покрывая дряхлый видъ
Въ страхѣ полумертвъ стоитъ!
Рѣки съ рѣзвыми ручьями
Переловлены сѣтями,
По щемницамъ всѣ сидятъ,
Солнышко смѣнило взглядъ,
Въ блѣдности своей ужасной
Кроется оно всечасно
И отъ всѣхъ уйтить спѣшитъ.....
Взглянешь—темно,—Солнце спитъ!...
Звѣри
Прячутся въ пещеры,
Птичекъ не слыхать въ поляхъ;
Пусто даже въ деревняхъ!
Лишь примѣтно, что въ домахъ
Плотно затворяютъ двери.
Тамъ при огненныхъ лучахъ
Золотистыя лучины

Крылышки сложа орлины,
По ночамъ прядетъ любовь,
Щитъ отъ стужи и покровъ!

Вы можетъ быть подумаете Сударыня, что я, имѣя честь носить по власти вашей новое званіе стихотворца, пустился въ бредъ!—А я вамъ клянусь, что всѣ эти чудеса видѣлъ я на яву,—кромѣ любви, которую встрѣчаю и тамъ, гдѣ ее нѣтъ. — Да это опять по тому.....что она во мнѣ.— Вѣрьте мнѣ Графиня, что по внутреннему расположенію человѣка наружные предметы принимаютъ и видъ свой и цвѣтъ, и вотъ отъ чего рѣдко! весьма рѣдко могутъ два человѣка видѣть предметы одинакимъ образомъ! — По этой же самой причинѣ часто не смѣю и я объяснить моего чувства.—Выскочитъ какъ нибудь слово; а тутъ добрые люди тебя схватятъ и отведутъ въ желтой домъ. *) Съ горяча о тебѣ пожалѣютъ,— а потóмъ,—забудутъ, что ты и существовалъ на свѣтѣ!

Скоро ли мои сушеные цвѣты пріѣдутъ? Мнѣ всѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, лучшихъ гостей мнѣ не видать! Взглянувъ на нихъ, нѣкоторыя представятся въ видѣ искреннихъ мнѣ людей, съ кото-

*) Домъ, гдѣ содержатся сумасшедшіе въ Петербургѣ.

рыми я въ разлукѣ.—Чудное дѣло! Истинныя черты, свойства людей любимыхъ, души ихъ, наполняютъ сердце, а человѣкъ непрестанно ищетъ видѣть хотя одно ихъ подобіе. Какое странное твореніе человѣкъ!

Для себя онъ вѣкъ живетъ,
А не можетъ жить собою!
Надобно ему порою
Раздѣлить и солнца свѣтъ!

Я напримѣръ живу здѣсь одинъ,—чтобы мнѣ до того, что вы въ Малороссіи? — Что съ лишкомъ полторы тысячи верстъ стоятъ между нами, и нашъ путь сообщенія заградили лѣса, рѣки, горы!—Довольно того, — я здѣсь, и свѣтъ, и свобода, и пища при мнѣ, — и людей добрыхъ — отыскать можно! Чего же бы мнѣ не доставало? — Со всемъ этимъ разстанься я съ тою мыслію, что вы меня помните, — мнѣ ни чего не надобно будетъ, Графиня!—Естьли міръ, жизнь, значутъ что нибудь, то значутъ только по сердцу. — Покуситесь же вы напротивъ того ко мнѣ написать, я впередъ воображаю, какъ съ радости вдругъ превращусь я въ младенца, или:

Какъ муха солнцемъ освѣщенна
Жизнь изъ лучей небесныхъ пьетъ,
Бывъ прежде смертью покровенна

*

Вдругъ оживаетъ и встаетъ;
Потóмъ расправивъ понемножку
Блестящи крылышки въ пыли,
Летитъ, и славитъ теплы дни!
Похожій на воскресшу мошку
Такъ я на радости моей,
Изъ льдистыхъ выбившись сѣтей,
Взовьюсь въ восторгѣ надъ снѣгами
И буду пѣть подъ небесами
Власть вашу средь морозныхъ дней!

Самая та минута, въ которую я теперь бесѣдую съ вами, есть минута моего блага. Я съ такимъ удовольствіемъ ощущаю жизнь! — Сердце мое изливается съ такою свободою!—Вотъ что зависитъ отъ человѣка на свѣтѣ!— Не будучи ни Государемъ, ни вельможей — изъ одного слова его истекаетъ часто и жизнь и смерть!

Пишите ко мнѣ Графиня, я ожидаю вашихъ писемъ точно такъ, какъ человѣкъ въ половину окостенѣлый ждетъ, чтобъ кто нибудь отогрѣлъ его.

Извините меня, — я наскучилъ вамъ философическими узорами моими, и для того перестаю; но не перестану никогда быть вамъ преданнымъ стихотворцемъ и знакомымъ человѣкомъ.

№ 11.

ДЕКАБРЯ 10-го.

Отъ чего другъ мой, въ иной день я благоразуменъ, а въ иной совсѣмъ не свой? Что такое есть во мнѣ, съ чѣмъ я справиться не могу?—Отъ чего я часто забываю, что хочу выговорить?—Иногда мнѣ кажется я здоровъ,—иногда кажется боленъ! ничего я не дѣлаю и дѣлать не могу, а времени не имѣю! — Всюду бы я ходилъ, и всюду бы я былъ одинъ! — Уѣхалъ бы я отсюда, — да куда? — Иногда я чувствую какое-то въ себѣ умноженіе жизни, — сердце какъ будто полнѣе! —Я спрашиваю, за чѣмъ я жилъ до нынѣ? — А иногда совсѣмъ мнѣ жить не хочется! — Иногда кажется я не живу—Богъ знаетъ, гдѣ я!—Гдѣ бываю, тамъ меня нѣтъ!—Ищу, —бѣгаю, — ѣзжу цѣлой день, — и часто въ вечеру нахожу себя сидящаго въ слезахъ!—Или сижу, — молчу, и смотрю какъ догораетъ свѣчка!

Бываютъ минуты, въ которыя мнѣ кажется, что ничего тѣлеснаго на мнѣ нѣтъ,

и будто я не въ здѣшнемъ мірѣ, — и будто я животное особое! — Часто меня не понимаютъ! — Большая часть людей, которыхъ вижу, ни чего не чувствуютъ! Весь признакъ жизни въ нихъ доказывается однимъ только движеніемъ! Иногда я ко всему и ко всѣмъ равнодушенъ,—иногда я всѣ и всѣхъ люблю! —Люблю! какое сумазбродство любить!—Бываетъ время, гдѣ я не могу читать твоихъ писемъ!—Весь адъ и все благополучіе судьбы человѣческой знаешь ли гдѣ! — Сердце у меня бьется!

Сани готовы, — я поѣду, — пусть прохладитъ дыханіе мое рѣзкой вѣтръ!—Я къ тебѣ буду писать какъ себя сыщу. — Прости. —Какой морозъ!—Какая ночь свѣтлая!—Какъ всѣ покоится! — Въ горѣ человѣкъ живетъ въ двое!—Каждая минута ростетъ и не проходитъ!—Какъ ни скачетъ проѣзжій, унылый спутникъ ночи, кажется всѣ на томъ же мѣстѣ!

Ты меня мой другъ не уговаривай!—Развѣ не видалъ ты такихъ пожаровъ, гдѣ люди окруживъ горящій домъ и не находя средствъ унять огонь, стоятъ сложа руки, и смотрятъ какъ извивается пламя, обхватываетъ зданіе, и втѣсняясь во всѣ его составы разрушаетъ ихъ? — А ты меня уговариваешь!....

Часто я себя браню, за чѣмъ я такъ горестенъ! За чѣмъ я отчаяваюсь довременно! — Но такая мысль освѣтитъ меня какъ молнія и изчезнетъ!—Останется одна черная гроза надъ головою!—Бѣдные, немощные, убогіе, нещастные,—какъ вы мнѣ близки стали!

Помнишь ли ты сердечной мой? — Утро было такое ясное! Встрѣтили вы меня рано подъ горою сидящаго на берегу ручья! Каменныя груды окружали меня какъ стѣны! Надломленная вѣтвь стараго сухаго дуба шумѣла надъ головою моею, — тутъ я сидѣлъ, и обмахивалъ отъ мухъ спящаго крестьянскаго младенца, котораго мать неподалеку работала. — Мальчикъ лежалъ на двухъ снопахъ, третій стоялъ въ изголовьѣ, и висящими дугою колосьями защищалъ его отъ солнца. Румяныя полныя щоки, гнѣвливый видъ, волосы кудрями — изображали спящаго Геркулеса въ колыбели. Графиня меня тогда увидѣла. Она подошла ко мнѣ, и въ полголоса мнѣ сказала: „*когда же ты уснешь недовтор-*„*чивый человѣкъ? За чѣмъ ты здѣсь одинъ?* „*Развѣ ты со всѣми раззнаколиться хо-*„*чешь?* . . . “ Пробѣжалъ огонь сквозь всю существо мое!—Сердце забилось, душа изъ меня извлекалась,—я торопливо выговорилъ: вы видите Графиня, чей я сторожъ. Вы между тѣмъ всѣ приближались. Она еще разъ на

меня взглянула, — пожала плечами — и прошла мимо.

Какъ мой другъ, не уже ли чувствованія сердечныя подобны сверкнувшей и изчезающей мгновенно снѣжной пыли?

Я поѣду гулять,—прости.

№ 12.

ДЕКАБРЯ 12-го.

Радость живитъ и возвышаетъ человѣка!.... Силы небесныя! научите меня объяснить восторгъ, объяснить блаженство, отъ земли меня отдѣляющіе. Нѣтъ! Я животное безсмертное!—Солнце! что твое сіяніе противъ того живительнаго свѣта, какимъ преисполнена душа моя? Я за чувствованіями не успѣваю!—Наставникъ мой!—Другъ мой! — Какъ мнѣ тебѣ изъяснить?.... Быстрота ощущеній уноситъ слова! — Могъ ли я ожидать?

Я сынъ твой Создатель! Ты мнѣ посылаешь Ангела указать путь, которымъ мнѣ итти! Стою ль я этого?....

Кто я теперь?

Человѣкъ, начинающій изъ дали отличать черты того, которымъ онъ мыслитъ, чувствуетъ и живетъ! Каждый мигъ удваиваетъ его радость! Продолжись такое положеніе! Подумай другъ мой, оно можетъ прекратить жизнь!

№ 13.

ДЕКАБРЯ 12-го.

Почталіонъ!—Письмо!—Посылка!—ваша надпись!—Вы здоровы! Вотъ и цвѣты ваши! О! лучшая награда,—первое благополучіе, довольное сердце! — Пусть теперь бушуютъ метели! Пусть трещатъ морозы! Я сталъ каменною горою!

Вы говорите: я въ синемъ моемъ фракѣ безпрестанно съ вами; вы слышите иногда голосъ мой; вы ожидаете меня всякой разъ, когда въ вашу гостиную всѣ соберутся!—Въ самомъ дѣлѣ вы не ошибаетесь добрая Графиня.—Я точно съ вами.—Никто, никто вамъ столько не принадлежитъ на свѣтѣ! Время и опыты въ томъ мои поруки; ночь и день мои свидѣтели!..

Вы приказываете не предаваться мрачнымъ размышленіямъ,—вы мнѣ это приказываете?—Ахъ Графиня?—Я привыкъ видѣть въ васъ Ангела милосердія, а вы такъ строго, и съ однимъ мною такъ строго поступаете!—Дайте же мнѣ прежде всего другое сердце.—

Воскресите падшій духъ мой;—вооружите меня вашимъ разумомъ;—вспомните, что я!

Вы еще приказываете мнѣ писать къ вамъ чаще, но только не такъ грустно, какъ я пишу къ моему наставнику, и чтобы я писалъ къ вамъ по прежнему и не отставалъ бы отъ должности стихотворца, которымъ вы до нынѣ довольны.

Не возбуждайте во мнѣ болѣе усердія къ сему новому званію; я и такъ кажется имъ исполненъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами разстался, или лучше сказать, съ тѣхъ поръ какъ вы приказали мнѣ быть стихотворцомъ, я безпрестанно внѣ себя. — Я часто тамъ вижу разныя привидѣнія, гдѣ другіе ни чего не видятъ,—часто не сплю цѣлыя ночи;—забываю пищу, забываю время, говорю одинъ, принимаюсь писать къ вамъ, и раздираю мои письма;—иногда находитъ на меня какъ будто какое сумазбродство и самый бредъ!—И—я точно въ себѣ чувствую постороннюю какую-то силу!

Я точно думаю, что эта посторонняя сила не что другое, какъ духъ стихотворства, который вы Графиня въ меня поселили.

На примѣръ: вчера получивъ письмо ваше, я такъ вдругъ обрадовался, что долго съ нераспечатаннымъ письмомъ вашимъ бѣгалъ и

прыгалъ по горницѣ, и вообразите до чего доходило!—Что я нѣсколько разъ цѣловалъ письмо ваше; а тамъ какъ я усталъ, сѣлъ и прочелъ его, слезы рѣкою потекли изъ глазъ моихъ. Я бросился къ столу, наполнилъ меня восторгъ, начались показываться привидѣнія и между многими одно представилось мнѣ очень ясно:

Лишь тронулъ я ковчегъ богатый
Прелестной для меня мечты,
То есть: лишь ящикъ вскрылъ дещатый,
Гдѣ уложили вы цвѣты,
О чудеса!—Въ шипахъ колючихъ
Подъ сводомъ розъ, лилей цвѣтущихъ
Крылатое дитя лежитъ! —
Онъ спитъ,
И держитъ лукъ одной рукою;
На изголовьѣ онъ другою
Запутался въ златыхъ кудряхъ!
Подъ крыльями таились стрѣлы,
Колчанъ подушкой въ головахъ;
Черезъ плечо очки висѣли
И золотыхъ сѣтей клубокъ;
Вѣнецъ, Держава, Скипиръ—у ногъ!
Какъ нѣкій полубогъ
Красой непзреченный
Казался онъ!

Рѣсницы черны опущенны
Отъ свѣта охраняли сонъ;
Въ лицѣ румянецъ разливался,
Улыбка пламенна въ устахъ;
Покровъ на сонномъ извивался
И растерялся въ красотахъ!
Мечтою удивленный
Я весь оцѣпенѣлъ,
Какъ смертью покровенный
Я поблѣднѣлъ,
Дохнуть не смѣлъ!
Глаза остановились!
А руки какъ открылись,
Чтобъ ваши взять цвѣты,
Окостенѣли на пути!

Вотъ Сударыня, каково чловѣку, гдѣ любовь заснетъ!—Ахъ! Сохрани васъ Богъ!—Кто увидитъ ее спящую, тотъ въ мигъ окаменѣть можетъ.—Послушайте, что она со мной сдѣлала!

Минуты двѣ стоялъ я пнемъ,
Не знаю, что со мною было:
Но вдругъ какъ будто бы огнемъ
Меня согрѣло,—освѣтило,
Почувствовалъ я шорохъ крылъ!
Проснулся мой дитя прелестный,
Вспорхнулъ, и спрѣлы въ горсть словилъ,

На розу сталъ, колчанъ набилъ,
И бросивъ чрезъ плечо запасъ сердецъ чудесный,
Самъ оперся на лукъ.
Изъ глазъ его огонь небесный
Вливалъ во все и жизнь и духъ!
Но тутъ же вдругъ
Вспылалъ онъ гнѣвомъ,
И какъ пѣтухъ
Передъ напѣвомъ,
Захлопавъ крыльями златыми
Качался на цвѣткѣ, и грозно рекъ:
„Нещастный человѣкъ!
„И ты рѣчами злыми
„Дерзнулъ на югѣ разглашать,
„Что въ сѣверѣ моя безсильна благодать,
„За это знаешь ли?—Ты камнемъ долженъ стать!
„И сорокъ лѣтъ во льду лежать!
„Но щастливъ ты, что месть я презираю
„И въ кротости моей
„Не рву головъ съ людей!—
„Что шуткой ими управляю,
„И милостью сражаю злыхъ;
Что левъ за мной бѣжитъ ягненкомъ,
„Мудрецъ становится робенкомъ,
„И ледъ горитъ въ лугахъ цвѣтныхъ!
„Ты слѣпъ безъ сихъ очковъ опмѣнныхъ
„Возьми и ихъ надѣнь, —

„Испей съ концовъ сихъ стрѣлъ каленыхъ:
„Въ восторгѣ сладостномъ ты будешь ночь и день!
„Невидимкой неразлучно
„Буду я вездѣ съ тобой;
„А зимѣ угрюмой, скучной,
„Прикажу быть красотой;
„Мрачныя ея столицы
„Взглядомъ обращу въ дворцы,
„Гдѣ алмазныя свѣтлицы
„Будутъ смертнымъ образцы.
„Серебромъ я ихъ покрою
„И обвѣшу жемчугомъ,
„Цвѣтники внутри устрою,
„Разны игры колесомъ!
„Рѣзвая зимы прислуга
„Снѣгъ, морозы, ночи, вьюга
„Вся въ хохлатыхъ сѣдинахъ
„Выдетъ въ новыхъ красотахъ!“
Сказалъ,—изчезъ,—разсыпался какъ прахъ,
Открытый ящичекъ съ цвѣтами
Остался подъ руками!
А я въ очкахъ
Глазами хлопалъ какъ дуракъ!

Вотъ какія чудеса со мной случились Графиня!—Какъ мнѣ не благодарить васъ?—Мнѣ теперь такъ легко! такъ хорошо!

Я поѣхалъ съ тѣмъ, что по приказанію

вашему буду описывать здѣшнюю зиму, а вмѣсто того занимаю васъ мечтами моими.— Хватаюсь то за одну мысль то за другую! и ни одной постоянно слѣдовать не могу; хочу сказать одно, говорю другое! О это точно стихотворная сила! Ну если она усилится,—ахъ Графиня! родная моя! я смертно опасаюсь, что вы перестанете читать мои письма.

№ 14.

ДЕКАБРЯ 20-го

Мои письма исправно къ тебѣ доходятъ другъ мой, и спасибо ты пишешь ко мнѣ часто. Я еще вчера получилъ письмо твое.

При томъ утѣшеніи, какимъ я питаюсь въ разлукѣ, я опять человѣкъ! И въ откровенности признаюсь тебѣ истинный другъ мой, что отъ послѣдняго письма Графини я спалъ какъ-то тверже! Я ощущаю общую связь существа моего! Ахъ не такъ какъ прежде! Не жилъ я, а томился жизнію; не дышалъ, а издыхалъ ежеминутно! Теперь я точно тверже, покойнѣе — и право кажется и умнѣе.

Читая описаніе моихъ страданій, ты со мною говоришь какъ съ такимъ человѣкомъ, у котораго подлѣ пропасти голова кружится. Нѣтъ мой другъ! Всѣ силы сердца моего собрались въ одно чувство; вся душа моя исполнилась однимъ предметомъ; различные порывы меня истязавшіе изчезли;

мнѣ стало такъ покойно! Кажется я воскресъ—и живу!

Одинъ взглядъ, одно слово такъ ее отличаютъ, какъ отличается солнце! Голосъ ся извлекаетъ душу! А ты хочешь превратить меня въ камень! Не говори болѣе мнѣ объ этомъ. Ты меня не поколеблешь. Когда человѣка въ полномъ морѣ носитъ вѣтръ, когда и парусы и руль опорваны бурею, спасаетъ тогда плывущаго одинъ Богъ!.... Не вооружай меня противъ непріятеля, скажи прежде, гдѣ онъ?

Ты говоришь: я ниже человѣка; я покорился разумомъ и сердцемъ. Не согласенъ я съ тобою другъ мой. Истинный рабъ есть тотъ, у котораго первѣйшее чувство лесть; первѣйшая мысль ложь. А я напротивъ того становлюсь гордъ, что почувствовалъ достоинство добраго сердца, и что, положивъ въ такую высокую цѣну жизнь мою, успѣлъ ее сбыть съ рукъ. Знаешь ли, что кругъ чувствованій моихъ сталъ обширнѣе? Меня перестали занимать мірскія забавы, это правда. Но я люблю! А съ симъ чувствомъ я болѣе готовъ къ помощи и въ болѣзняхъ, и въ нищетѣ, и въ страданіи другихъ! Бывало увижу спящаго покойно человѣка, пройду мимо; нынѣ остановлюсь, посмотрю и порадуюсь. Точно цѣлою ступенькою сталъ я

выше; а ты, ты меня тащишь за полу, и велишь остаться въ той толпѣ, гдѣ большая часть животныхъ слѣпыхъ и глухихъ ѣдятъ другъ друга!

Ты говоришь: дѣйствіямъ самой души я поставилъ предѣлы, и въ нихъ истлѣваю! Ахъ мой другъ! Скажи же ты мнѣ, какая радость, какая цѣль скитаться въ безмѣрной степи, гдѣ нѣтъ ни пристанища, ни воды, ни тѣни?

Я часто самъ себя спрашивалъ: что ты это дѣлаешь? Куда ты идешь? Что съ тобою будетъ? Но самъ же я себѣ и отвѣчалъ: я не знаю, гдѣ я. Своего бытія я не чувствую. Живу другимъ, и этотъ другой дороже мнѣ себя. Что я говорю дороже? Какъ сравнивать одно съ другимъ, когда одного совсѣмъ нѣтъ! Могу ли я отвѣчать, могу ли я дать отчетъ, когда меня нѣтъ! Такъ волновалась душа моя, и естественно! Тогда еще не созрѣло то чувство, которое потомъ замѣстило самую жизнь; а ты самъ знаешь, ребенокъ, занятой какимъ нибудь предметомъ, говоритъ громко и самъ отвѣчаетъ! Нынѣ напротивъ того всѣ во мнѣ согласно, всѣ утихло и покорилось одной мысли, одному чувству. Составъ мой совершился и самая смерть разрушитъ уже его не можетъ!

*

Случилось ли тебѣ замѣтить, какъ истинная любовь похищаетъ всѣ душевныя силы?

Я вспомню тебѣ одинъ опытъ, при тебѣ случившійся со мною лѣтомъ:

Однажды гуляли мы цѣлою толпою. Какъ теперь смотрю, вечеръ былъ такой тихой! Лунный свѣтъ золотымъ столбомъ плавалъ по рѣкѣ и освѣщалъ плывущіе плоты, на коихъ слышны были пѣсни, и курился дымъ! Соловей на другой сторонѣ рѣки подавалъ голосъ во всѣ окрестности!

Я шелъ съ Графинею рядомъ. *Я забылъ*, что поздно! *Я не видалъ*, что мы не примѣтно отъ товарищей отдѣлялись. *Я не слыхалъ*, что намъ кричали, чтобы мы не спѣшили!

Точно такъ я теперь живу и безпрестанно такъ мой другъ. — Нѣтъ чувства мнѣ принадлежащаго!—Я нажилъ Господина.—Вѣрная моя служба соединяетъ каждый день съ другимъ и составляетъ то, что я называю жизнію.—Свѣтъ, міръ, всѝ у меня въ сердцѣ! Разстроится оно?—Тогда въ глазахъ моихъ міръ превратится въ ужасную и безобразную громаду, гдѣ не отыщешь ни свѣту, ни тропинки!

Наставникъ мой сердечный, вотъ тебѣ мое признаніе. — Я изъ сердца его прямо къ тебѣ посылаю.—Прости.—Богъ съ тобой.—

Не увѣщавай меня другъ мой! Судьба меня непримѣтно подвела къ тому жертвеннику, на которомъ съ самаго сотворенія міра не угасаетъ пламя! Или прикосновеніемъ моимъ обращусь я въ пепелъ, или новымъ свѣтомъ украшу цѣлый путь жизни!

Впрочемъ я теперь покоенъ.—Лишь бы я былъ увѣренъ, что меня помнитъ одинъ человѣкъ.—Нѣтъ для меня ни отдаленности, ни времени!

Я такъ покоенъ, что сего же дня пишу къ Графинѣ и разрѣшаю задачу *о счастьѣ*, которую она мнѣ сдѣлать приказала. — Разрѣшаю по сердцу, а иначе не умѣю! — Что дѣлать!

№ 15.

ДЕКАБРЯ 20-го

Человѣкъ довольный, котораго ничто не заботитъ, ничто не тревожитъ, видитъ предметы особымъ образомъ.—Всѣ ему встрѣчается къ статти, и вездѣ ему хорошо.

Такъ я донынѣ живу письмомъ вашимъ, добрая Графиня.—Часто смотрю на сушеные цвѣты отъ васъ присланные. Прелестный памятникъ мечты моей, силою которой почувствовалъ я что такое счастье земное, и гдѣ оно! И хотя начинаю я чувствовать ожиданіе другаго письма, но между пѣмъ первымъ письмомъ вашимъ я всякой день удовольствіе мое поновляю,—и мнѣ сносно!

Я къ статти коснулся счастія.—Вы меня спросили, въ чемъ я его полагаю? Спросили, и требовали моего отвѣта!

Вамъ ли меня объ этомъ спрашивать, и мнѣ ли отвѣчать вамъ? — Простите мою откровенность, счастье мнѣ кажется съ вами неразлучно! Я такъ думаю, вотъ почему:

гдѣ вы покажетесь, тамъ такъ пріятно! Съ кѣмъ вы заговорите, тому такъ весело! Но какъ вы пребуете понятія моего о счастіи смертныхъ вообще, а я послушнѣйшій изъ слугъ вашихъ, то сколько могъ обдумавъ задачу, искренно скажу вамъ мое мнѣніе.

Вы сами лучше меня знаете Графиня, что всякой понимаетъ счастіе по своему.— У скупаго оно въ деньгахъ, у честолюбиваго въ чертогахъ Царскихъ, у умнаго въ знаніяхъ, и проч. — Много о счастіи и говорено и писано, и естьли затверживать всѣ пестрые планы по этому предмету, то я думаю, что непримѣтно попадешся въ такую путаницу, что занявъ у Лапландца кафтанъ, у Нѣмца длинной парикъ, у Англичанина круглую шляпу, у Француза вертливую походку, самъ себя не узнаешь, по тому что чужое рѣдко бываетъ въ пору, и выдешь наконецъ по неволѣ какимъ-то шутомъ или уродомъ.

Я не отвѣчаю милая Графиня, чтобы и я вамъ уродомъ не показался, по крайней мѣрѣ таковъ я по природѣ.—Что тутъ дѣлать?— Я на это иду; а вы слава Богу ко мнѣ всегда снисходительны были.

Вотъ по какимъ причинамъ я никогда о счастіи ничего не читывалъ и объ немъ говорю рѣдко.

Въ мысляхъ моихъ вспрѣтите вы можетъ быть несообразности съ ученымъ свѣтомъ, рѣчь простую безъ всякаго искуства сложенную.—Но за чѣмъ вырабопывать рѣчь въ отношеніяхъ сердечныхъ?

Источникъ сельскій и шумливой
Бѣгущій въ дебряхъ по лугамъ,
Чрезъ камни скачущій игриво
Подобный свѣтлостью лучамъ,
Съ горы срываясь въ чисто поле
Не веселѣе ль кажетъ видъ
Того, который въ злой неволѣ
Въ златыхъ заклѣпахъ жизнь томитъ,
И въ мраморахъ своихъ богатыхъ,
Въ порфирахъ, въ бронзахъ кудреватыхъ
Великолѣпья мрачный рабъ,
Чтпь дышетъ между львиныхъ лапъ?

Итакъ вотъ вамъ любезная Графиня простая моя и коротенькая исповѣдь!

По разуму и сердцу человѣкъ отличается отъ животныхъ.

Свойство чистаго разума есть *пареніе, быстрота.*—Но чѣмъ *пареніе* выше, тѣмъ болѣе разумъ видитъ свою ничтожность. — Чѣмъ *быстрота* стремительнѣе, тѣмъ сильнѣе отражается разумъ отъ непроницаемыхъ таинствъ природы.

Слѣдовательно истинно умный человѣкъ занятіями разума доволенъ быть не можетъ, при возчувствованіи своего ничтожества довольнымъ быть не льзя, то какъ же быть щастливымъ?

Свойство чистаго сердца есть *стремленіе къ благу* частному и общему.

Чѣмъ болѣе такое стремленіе сердца проникаетъ въ предметы тѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ удовольствія.

Слѣдовательно кажется, что всѣ счастіе человѣка состоитъ въ ощущеніяхъ сердечныхъ. — Я не говорю теперь объ ограниченномъ разумѣ, который питается и пухнетъ въ сѣтяхъ гордости; не говорю также о нечистомъ сердцѣ, которое ищетъ въ землѣ себѣ пищи.

Но что такое собственно счастіе? — Не уже ли можно назвать счастіемъ всякое удовольствіе, какое человѣкъ чувствуетъ безъ вреда другому? — По этому и пьяной, и скупой, и честолюбецъ, доколѣ первой пьетъ и не дерется, второй считаетъ деньги и не крадетъ, а третей шатается по придворнымъ лестницамъ и не сбиваетъ другихъ съ ногъ, должны быть счастливы?

Признайтеся вамъ Графиня, это мысль меня поколебала. — Я несученой человѣкъ потерялся было въ моихъ размышленіяхъ. —

Изъ одной мысли бросался въ другую. — Разумъ мой убѣждалъ меня, что счастье человѣка на землѣ есть дѣйствительно не что иное, какъ чувствованіе временнаго какого либо блага; и чѣмъ чаще человѣкъ пользуется такимъ благомъ, тѣмъ онъ счастливѣе, и я почти убѣжденію разума сдался.—Но сердце у меня билось.—Я былъ недоволенъ.—Какъ! я здоровъ, имѣю чѣмъ жить, пользуюсь хорошимъ столомъ, со мною ничего непріятнаго не случалось, я покоенъ, я доволенъ, слѣдовательно и счастливъ? — Нѣтъ, быть не можетъ! — Такъ счастлива можетъ быть и лошадь и собака. — Нѣтъ! Ты разумъ меня обманываешь.—Я пришелъ въ нетерпѣніе, схватилъ шляпу, и съ двора долой.

Попадись мнѣ на встрѣчу нищій въ раздранномъ рубищѣ, а морозъ такой былъ жестокой!—Случились со мною деньги, я ему ихъ отдалъ. — Мнѣ такъ стало весело, какъ подумалъ, что этотъ старичокъ купитъ себѣ теплую шубу, купитъ себѣ крѣпкіе сапоги и мерзнуть не станетъ! — Такъ мнѣ стало весело, что мысль о счастьѣ вдругъ освѣтила меня какъ молнія! И я возвратясь домой написалъ вотъ что:

Счастье есть чувствованіе удовольствія, но такого, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ.

Слѣдовательно счастіе человѣка состоитъ въ такихъ ощущеніяхъ сердечныхъ, которыя питаются благополучіемъ другихъ.— Они не только приносятъ человѣку удовольствіе въ жизни, но соединяютъ его съ Богомъ.

Ахъ Графиня! Точно такъ. — Сердце доброе есть храмъ свѣта, бездонный источникъ наслажденій! Какое счастливое твореніе тотъ человѣкъ, который сердечными ощущеніями украшаетъ жизнь свою! Какъ каждая капля росы или благотворнаго дождя проникаетъ во всѣ составы растенія и живитъ его, такъ каждый предметъ питаетъ человѣка въ сердечномъ добрѣ и богатствѣ живущаго! — На чтобы ни взглянулъ такой человѣкъ, къ чему бы не прикоснулся, всѣ умножаетъ существо его и достоинство жизни!

Вы безъ сомнѣнія примѣтили Графиня, что всѣ видимое держится и сохраняется силою какой-то связи! Одиночное, чтобы то ни было, истребляется въ мірѣ само собою.

Чѣмъ болѣе сердце къ нѣжнымъ ощущеніямъ чувствительно, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, раздѣляется оно въ другихъ и собственно собою уже существовать не можетъ. —Цвѣтку необходимо солнце.

Блаженъ тотъ, для кого солнце всходитъ! Чудная связь! Судьба посылаетъ доброму сердцу въ помощь другое на встрѣчу, и если встрѣтившіяся кромѣ другъ друга ничего посторонняго въ предметѣ не имѣютъ, тогда знаете ли что выдетъ изъ такой встрѣчи? — Они поселятся вмѣстѣ, одно другимъ начнетъ мыслить, чувствовать, жить.

Такую встрѣчу почитаю я истиннымъ счастіемъ на распутіяхъ жизни человѣческой. Истиннымъ счастіемъ по тому, что жизнь вообще есть путь трудный.—*Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается!*

Всѣмъ даны сердца; но не у всѣхъ они равнаго достоинства, какъ я сказалъ выше.— Есть люди, у которыхъ сердце не что иное, какъ необходимое орудіе для обращенія крови!—Они имѣютъ свои наслажденія, но особаго рода.

Счастье ихъ (коли такъ назвать его можно) вѣтрено, прихотливо, оно часто является въ чужомъ кафтанѣ; оно крадетъ знаки отличія, шпаги, ленты и въ нихъ публично ходитъ. — Часто оно бѣгаетъ изъ дома въ домъ, набираетъ, себѣ въ услугу шутовъ, дураковъ, злодѣевъ, и всѣ для умноженія своего двора.

Иногда оно на свѣтѣ
Ставитъ города въ верьхъ дномъ!
Вдругъ увидишь съ нимъ въ каретѣ
Обезьяну съ дуракомъ
Ѣдутъ прямо въ знатный домъ. —
Иногда летитъ орломъ
И на пиковомъ валетѣ
Сотни душъ тащитъ съ собой,
Лѣсъ, деревни, скотъ въ полетѣ
Въ слѣдъ толпятся саранчой!....

Но пусть это счастіе живетъ гдѣ хочетъ; а я ему не слуга. — И да будетъ вамъ извѣстно, любезная Графиня, что я его счастіемъ не почитаю и не называю.

Я исполнилъ приказаніе ваше. — Что на сердцѣ у меня было, то и на языкѣ; а есть-ли я набрѣдилъ, то сдѣлайте милость не берегите меня, прикажите меня нарисовать,

Въ чорномъ вытертомъ кафтанѣ,
А парикъ на немъ хохломъ,
Носъ въ малиновомъ сафьянѣ,
До колѣнъ камзолъ мѣшкомъ;
На носу очки какъ горы!
Пестры азбучные вздоры
Крѣпко я держу рукой;
А въ другой клюкой рогатой

Я кажу тамъ смыслъ богатой,
Гдѣ въ словахъ лишь звукъ пустой.

И прикажите этотъ портретъ мой разослать по всѣмъ роднымъ моимъ, по всѣмъ пріятелямъ и знакомымъ, что бы всѣ видѣли и знали, что съ тѣхъ поръ, какъ я заговорилъ о счастіи, таковъ сталъ преданный вамъ.

№ 16.

ДЕКАБРЯ 21-го

Виноватъ я передъ тобой мой другъ.— Давно обѣщалъ я тебѣ повѣсть, списанную мною съ самой природы.—Я ее составилъ и сшилъ черною ленточкой. — Чуръ не расшивать и беречь эту шетрадку. — Каковъ случай, пусть она останется у тебя моимъ памятникомъ. — Настоящій мой памятникъ.

СПИСОКЪ СЪ ПРИРОДЫ.

Часто не зная куда дѣваться, я велю запречь сани и поѣду за городъ.—Безмѣрныя равнины, покрытыя мертвымъ снѣгомъ!—Пустота въ полѣ, трескучій морозъ, рѣзкой вѣтръ! Обнаженный лѣсъ, какъ будто раздѣляютъ мою мрачность!

Часто захожу погрѣться въ крестьянскую избу, и признаться тебѣ, всегда съ какою-то завистью смотрю на благословенную жизнь крестьянина!—Роскоши онъ не знаетъ, а потому суровости стихій не чувствуетъ!—Понятія его просты, вѣрны, а потому не многочисленны, и слѣдовательно ни ума ни сердца не развлекаютъ; умъ и сердце остаются у него на своемъ мѣстѣ.—Трудъ и здоровье составляютъ его блаженство, и онъ истинный царь въ здѣшней жизни.

Весело? — Онъ раздѣляетъ радость съ своими, и они не завидуютъ ему.—Грустно? Онъ говоритъ: *Богу такъ угодно*, и несетъ горе терпѣливо. — Бѣда не по силамъ? — Онъ молчитъ, и горе или въ слабомъ свойствѣ

одолѣетъ разсудокъ, или въ свойствѣ крутомъ самую жизнь его прекращаетъ.

Выѣхавъ за городъ и подъѣзжая къ одной любимой моей деревнѣ, изъ которой большая часть крестьянъ промышляютъ извозомъ въ Малороссію, встрѣчаю я противъ обыкновенія множество людей на улицѣ,—шумъ превеликой!—Женщины глядятъ въ окошки и говорятъ; мущины въ толпѣ. — Иныя бросили что несли, и бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ народъ скоплялся. — Иныя сплеснувъ руками воютъ!

Въ толпѣ вижу молодаго блѣднаго человѣка, стоящаго въ безмолвіи.—Онъ казалось мнѣ съ большимъ хладнокровіемъ и твердостію встрѣчалъ немилосердую судьбу свою, и какъ будто собирался съ силами! — Не забуду его наружности! Дѣтина былъ лѣтъ 25 или 30. Ростъ прекрасный! Глаза черные, быстрые! Волосы кудрявые! — Борода небольшая.—Стоитъ сложа руки надъ мертвымъ тѣломъ одного старика лежащаго у ногъ его!

Съ этимъ молодцомъ рядомъ стояла дѣвка, какъ теперь смотрю, въ красномъ сарафанѣ, какая-то коротенькая шубка кое-какъ накинута, коса по поясъ, блѣдна, слезы изъ глазъ катятся каплями. — Она оперлась на плечо молодаго человѣка, задумалась, потупила глаза, и треплетъ концы у своего пояса.

Я распрашиваю то у того, то у другого, что такое?—Иной махнетъ мнѣ рукою, да отойдетъ прочь. — Иная отвѣчаетъ однимъ восклицаніемъ. — Иной, перерывая рѣчь у другаго, говорилъ мнѣ въ полсмысла: „что „тутъ спрашивать баринъ!—Видно оно такъ, „грѣхъ-то какъ тутъ.—Какая бѣда подума„ешь!—И Богъ знаетъ куда они теперь! — А „парень-то парень какой исправной!—Ахъ глу„пая!—Что ты тутъ будешь дѣлать?“

Наконецъ въ подвязной шапкѣ съ простью встрѣтился мнѣ священникъ. — Я его отвелъ въ сторону и прошу удовлетворить моему любопытству. — Умной этотъ человѣкъ и чувствительный сказалъ мнѣ вотъ что:

„Я сударь седьмой десятокъ живу на „свѣтѣ, но Богъ привелъ мнѣ въ первый разъ „видѣть такой случай!—Присягу данную эти„ми молодыми людьми одинъ Всевышній раз„рѣшить можетъ! — И короче сказать, при„сяга такая совсѣмъ неземная! Вы сами знать „изволите, большая часть людей въ томъ „произносятъ клятву, что злу непричастны; „эти молодые люди напротивъ того прися„гали: одинъ въ томъ, что онъ смертоубійца; „а другая въ томъ, что не онъ, а она.—Ужа„сный и необыкновенный случай! — Вы не „можете себѣ представить, съ какою тверъ-

„достію они къ кресту Господню приближа-
„лись! — Богъ милосердъ, онъ видитъ сердца
„и помилуетъ ихъ! — Да будетъ его святая
„воля съ ними! — Человѣку тутъ дѣлать не-
„чего!—Такое дѣйствіе самый законъ обезору-
„житъ.“ — Да скажите мнѣ батюшко, что
такое, какая причина побудила къ такой
клятвѣ?—“А вотъ я вамъ скажу сударь!

„Я здѣсь въ селѣ лѣтъ 20 священникомъ
„и знаю всѣхъ моихъ прихожанъ; знаю, какъ
„кто живетъ и кто каковъ.—Молодецъ, что
„вы подлѣ мертваго тѣла видѣли, принадле-
„житъ первому по селу дому, и достаткомъ
„и честною жизнію хозяина. Отецъ его ста-
„рикъ разумной имѣлъ восемь человѣкъ сы-
„новей; семеро у него погибли, которые по-
„мерли, а которые въ военной службѣ пере-
„биты. — Этотъ восьмой остался дома и
„кормитъ отца, мать, трехъ сестеръ и си-
„ротъ, послѣ женатыхъ братьевъ оставших-
„ся.—Полюбилъ онъ дочь одного здѣшняго же
„жителя, одна она у него и есть.—Пришло
„дѣло къ сватовству; старики какъ то не
„поладили. — Покойникъ бывало говоритъ:
„*Малой-то доброй, да какъ ты ее отдашь?*
„*Семья такая большая! — Угоди на одного,*
„*да угоди на другаго, что будетъ ей за жизнь?*
„—*Состарется прежде времени.*—Другой тог-
„да говорилъ: *Какъ ему жениться? Дѣвка*

„*рабочая и собой красива, да то и знай что „съ отцомъ ѣздитъ въ городъ, а тамъ не бось „всево насмотрѣлась*... Вотъ по этимъ пу„стымъ причинамъ оба старика (люди знае„ше деревенскіе) и не согласились.“

„Этотъ молодецъ однако не оставлялъ „своего намѣренія! — Онъ часто видалъ ее. „— Случится поработать ли, пособить ли „гдѣ, кого бывало она кличетъ, а онъ тутъ; „и такъ прошло года четыре.“

„Вчера сидѣлъ отецъ этой дѣвки у из„бы на лавкѣ. — Народъ разошелся обѣдать, „на улицѣ ни кого не случилось, а молодецъ „ѣхалъ изъ лѣсу домой. — Поровнявшись проти„ву избы съ дровень соскочилъ, лошадь пу„стилъ одну, а самъ съ дубинкой подошелъ „къ нему и шутя замахнулся.—На несчастье „дубинка вырвись, да старику въ високъ, „такъ что онъ ни полслова, и легъ на мѣ„стѣ.—Молодой человѣкъ самъ мнѣ расказы„валъ, что въ самое то время дѣвка смотрѣ„ла въ окошко.—Увидѣвъ такую бѣду, выбѣ„жала, остановилась у лежащаго тѣла какъ „вкопаная, поблѣднѣла; грудь ея стала поды„маться какъ будто у человѣка, который „вздохнуть не можетъ, посмотрѣла на моло„даго человѣка пристально, и долго глаза ея „на немъ остановились; а тамъ вдругъ схва„тила себя за волосы, бросилась на тѣло и

„закричала: *я тебя сгубила отецъ мой роди-*
„*мый, я, я негодная!*—Деревня взволновалась,
„прибѣжали за мной; земскій Исправникъ че-
„ловѣкъ у насъ очень добрый, случился въ
„деревнѣ,—тотъ часъ ихъ въ допросъ.—Они
„оба стали на томъ: одинъ говоритъ, что
„старика убилъ онъ.—Дѣвка говоритъ, что
„отца убила она! — Исправникъ приказалъ
„привести ихъ къ присягѣ.—Я по обязанно-
„сти моей долго увѣщевалъ ихъ!—Молодецъ-
„то всѣ какъ человѣкъ добрый говоритъ и
„въ словахъ не сбивается; а она всѣ мол-
„читъ, и лишь прочелъ я присягу, она всѣ
„стояла; но потомъ рѣшительно приступи-
„ла къ налою,—подняла глаза въ верьхъ,—пере-
„крестилась медленно съ большимъ усердіемъ,
„и евангеліе и крестъ съ горячностію по-
„цѣловала.“

„Я батюшко на старости заплакалъ!
„Надобно было видѣть ихъ и видѣть отца
„молодаго человѣка!—Боже мой!—Судьбы твои
„не исповѣдимы!—Что такое человѣкъ!

„Теперь везутъ ихъ въ городъ. — Какъ
„Богъ поможетъ имъ, не знаю!“

Тутъ священника за чѣмъ-то позвали, и онъ отъ меня ушолъ!

Сердце у меня замерло! Я стоялъ долго на одномъ мѣстѣ. — Потомъ побрелъ въ первую избу, сѣлъ подъ окошко; мнѣ безпре-

станно какъ будто кто говорилъ на ухо: *вотъ связь любви!* — Наконецъ мертвое тѣло убрали, виновныхъ повезли, народъ разбрелся, улица стала пуста, собрались мальчишки играть по прежнему! — Такъ-то всѣ проходитъ на свѣтѣ! — Господи, что такое жизнь земная! — Одинъ домъ убіеннаго съ отворенными воротами остался памятникомъ, какъ бѣда и горе встрѣтили тутъ любовь, и заставили ее сіяніемъ славы своей доказать, что она гражданка небесъ!

№ 17.

ДЕКАБРЯ 25-го.

Честь имѣю донесть вамъ милостивая Государыня о себѣ, что я получилъ вчера письмо отъ доброй нашей Графини, и съ самыхъ тѣхъ поръ чувствую, что постепенно превращаюсь въ такой цвѣтокъ, который тогда только разпускается, когда освѣщенъ солнцемъ, и я теперь увѣренъ, что доколѣ солнце мое свѣтить мнѣ будетъ, не завяну я и зимою!

Опять стихотворное уподобленіе! — Но что мнѣ дѣлать?—Я кажется писалъ вамъ, что часто со мною бываетъ бредъ! Что я не всегда употребляю риѳмы; это опять отъ того, что риѳмы, какъ вамъ не безъизвѣстно, составляютъ самую послѣднюю прислугу на Парнассѣ, а я безпрестанно летая на крыльяхъ восторга, и будучи украшенъ отличіями вашими, мѣлкимъ народомъ заниматься не могу и не хочу, и чего мнѣ посредствомъ прислуги добиваться?—Я слава Богу самъ вышелъ въ *Бари!*

„Лечу носъ вздернувъ по паркету
„И въ грошъ не ставлю ни кого.

Оставляя шутку, я признаюсь вамъ милой человѣкъ, что я никакъ понять не могу, какъ вы на одной вашей страничкѣ умѣли ко мнѣ доставить то существо,

Которому на олтаряхъ
Въ чертогахъ гордыхъ, въ шалашахъ
Вездѣ дымъ жертвенный курится!
Къ которому весь міръ стремится!
И Царь, и рабъ, и добрый человѣкъ, и злой,
Американецъ въ перьяхъ дикой,
И звѣздочетъ умомъ великой
Другъ за друга держась рукой
Съ завязанными всѣ глазами,
Бѣгутъ усталыми шагами
Толпой несмѣшной на поклонъ?

Скажите, какъ вамъ Богъ пособилъ? — Нѣтъ! вы видно Графиня право не простой человѣкъ! И вы мнѣ кажется сами даже не знаете, что вы можете!—Пусть опредѣлила такъ судьба; но скажите мнѣ опять ради Бога, какими силами выступили вы изъ правилъ нашего времени?—Чудное право дѣло!— Вы не только видите человѣка человѣкомъ, не только любите его благополучіе, вы лю-

бите его горе!—И такъ занимаетесь судьбою другихъ, какъ бы собственнымъ вашимъ благомъ!

Какъ вамъ жить весело!—Сами вы говорите, что сердце, услаждающее горе и нужду другихъ, есть такой богатый источникъ радости, котораго никакія силы изчерпать не могутъ!

Ангелъ небесный!—А я здѣсь одинъ! Иногда кажется и стѣны мои спонутъ! И какая-то унывная пустота изображаетъ обширную область смерти!—Но за чѣмъ раздражаю я чувствительность вашу! Неблагодарный! и ты, получивъ письмо отъ Графини, можешь еще? . . . .

За чѣмъ вы написали ко мнѣ, что время и разлука излѣчаетъ и воображеніе и сердце? Кто васъ научилъ сообщить мнѣ такое премудрое правило?—Немилосердый человѣкъ! Вы сами лучше меня знаете, что время и разлука истребляетъ привязанности вседневныя или такъ сказать наружныя!—Но твердая душа, на которую впечатлѣнія ложатся съ стремленіемъ огненнымъ, громовымъ, ни времени, ни обстоятельствамъ не покоряется.—Вы это лучше меня знаете; а я это не только знаю, но и чувствую.—Трещина въ камнѣ не заплываетъ никогда!—За чѣмъ же вы ко мнѣ такъ написали?

Пораженіе на душу человѣка совершается силою внѣшняго предмета. — Коль скоро пораженіе не потрясетъ, не проникнетъ всего состава, впечатлѣніе не сохранится и вскорѣ изгладится совершенно! Но коль скоро пламя найдетъ себѣ пищу, тогда сила егоростетъ непрестанно. — Отъимите то, что его питало, оно погибнетъ въ мигъ.

Вы еще говорите: есть женщины, которыхъ сильная страсть другова человѣка не только не ощастливитъ; но при всей ихъ привязанности наведетъ имъ какую-то забывчивость въ томъ, что не увѣрена иногда женщина, составитъ ли она истинное счастіе того, кто къ ней привязанъ?

Добрый человѣкъ, и вы это ко мнѣ пишите?—Пусть такъ: мы будемъ разсуждать объ этомъ какъ будто о дѣлѣ постороннемъ. Вы совершенно справедливы, есть такія женщины, даже и мнѣ знакомыя! Но знаете ли, что ихъ на этотъ щетъ должно успокоить? Единственно то, когда отъ сердца такой женщины ни какое измѣненіе любви укрыться не можетъ.

Любовь при началѣ владычества своего обыкновенно скромна, молчалива, застѣнчива; но потомъ она часто показывается въ видахъ ей противныхъ. — Часто кротость ея примѣтна въ гнѣвѣ, въ ожесточеніи.—Иногда

острая горячность ея скрывается въ наружной холодности, грусть въ притворной радости, громовое краснорѣчіе въ молчаніи.— Огненный взглядъ въ потупленныхъ взорахъ! Часто расправивъ крылья къ отлету вдругъ остановится, и въ видѣ прекрасной повилики навсегда обовьется около любимаго предмета.

Не поймешъ такихъ чудныхъ измѣненій тотъ, кто сердце при себѣ оставилъ, а дѣйствуетъ умомъ! — И тотъ можетъ позаботиться о благополучіи своего товарища.—Но два человѣка, слившіе сердца ихъ безъ всякаго почти изъясненія, понимаютъ другъ друга, и горе тѣмъ, съ которыми много говорить надобно!—Будучи вмѣстѣ не сойдутся они никогда!

Впрочемъ встрѣча людей зависитъ ли отъ размышленія?—Будьте въ томъ увѣрены Графиня, что человѣкъ, извлекающій изъ себя сердце въ жертву другому, слѣдуетъ невольной какой-то тайнѣ въ природѣ.—И гдѣ размышленіе впушается, тамъ часто всѣ станетъ вверхъ дномъ вмѣстѣ съ премудрыми предположеніями человѣка!

Всѣ благополучіе здѣшней жизни состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть почувствовать красоту, разсыпанную богатою рукою въ мірѣ, и найти такую душу, которая могла

бы раздѣлить это чувство и срослась бы такъ сказать съ существомъ первой. — Не найдетъ человѣкъ такого благополучія? — Онъ будетъ какъ я. — Будетъ жить одинъ, будетъ въ себѣ самомъ отыскивать себѣ товарища, будетъ изсыхать въ какой-то жаждѣ.—Нераздѣленныя удовольствія, удовольствіями быть перестанутъ. — Нераздѣленное горе, нужда, забота усилятся и страданія умножатъ, и будетъ онъ такъ жить, доколѣ знакомые пришедъ къ нему, найдутъ его бездыханнаго.—А тамъ? Память его въ сердцахъ ему любезныхъ какъ цвѣтокъ распустится; но и тотъ отцвѣтетъ, и отпадшія части его изчезнутъ!

Дай вамъ Богъ здоровья. — Я вижу пора мнѣ кататься ѣхать!

№ 18.

ДЕКАБРЯ 28-го.

Я только тѣмъ и занимаюсь, тѣмъ и живу мой другъ, что къ вамъ пишу и объ васъ думаю.

На прошлой почтѣ послалъ я письмо къ Графинѣ, а теперь радъ бы писать опять, да совѣстно. — За то я пускаюсь на цѣлую поэму.

Дѣла дѣлать я не могу. — Куда ни появишся,—разговоръ такой пустой!—Или о погодѣ, или о политикѣ,—несносно!

Человѣкъ который мнѣ долженъ, сказалъ, что бы я привезъ вексель, а деньги у него готовы.—Покоенъ ли ты теперь?—Вотъ и дѣло мое кончено! — Я и вексель ему возвратилъ, а деньги получу послѣ!—Теперь пока я и безъ векселя и безъ денегъ!—Богъ съ ними!

Сегодня въ вечеру сидѣлъ я одинъ въ горенкѣ моей.—Вообразилъ, какъ Графиня въ это самое время занимается музыкою, какъ вы всѣ ее слушаете!—Я написалъ вотъ что:

Когда уединясь отъ смертныхъ
Ты, какъ животворящій Богъ,
Изсохшу дереву коснешся,
И вдругъ въ немъ жизнь и рѣчь родишь!
Когда волшебный стройный звукъ
Съ небесъ къ тебѣ любовь приводитъ;—
Какъ юный со гнѣзда орелъ
Взовьется къ солнцу восходящу,
Въ воздушныхъ плаваетъ моряхъ;
Такъ жаждетъ духъ твой и спремится
Въ безмѣрный музыкальный міръ!
Когда Гармонической силой
Людей ты призывая къ жизни,
Ихъ безсловесными творишь!
И мысль безъ словъ изображая,
Велишь, какъ Ангеламъ безплотнымъ,
Тебя безмолвно понимать!
Почто тогда я не съ тобою?

Прости мой сердечный другъ. — Я здоровъ. Какъ мнѣ благодарить безцѣнную Графиню, что она меня помнитъ, и такъ утѣшительно ко мнѣ пишетъ?

№ 19.

ДЕКАБРЯ 29-го.

Я получаю твои письма, — Графиня ко мнѣ пишетъ,—принимаетъ положеніе мое къ сердцу,—я къ вамъ пишу часто.—Отъ чего же я неблагодарный человѣкъ недоволенъ? — Я самъ ничего отчаяннаго, ничего страшнаго около себя не вижу, а всѣ я безпокоенъ! Чего же я ищу?....

Я на досугѣ прохожу всю жизнь мою, вспоминаю всѣ обстоятельства; а ты наставникъ мой великодушный позволилъ мнѣ обо всемъ говорить съ тобою, скажи мнѣ: отъ чего Графиня передъ отъѣздомъ моимъ нѣсколько дней была задумчива?—Я точно видѣлъ въ ней какую-то заботу.—Она говорила рѣдко, и часто за работою вздыхала.—Куда пойду, часто провожала меня глазами; иногда смѣялась, но притворно, по тому что часто болѣе смѣялась, нежели что тотого стоило; а часто что въ самомъ дѣлѣ смѣшно было, тому она и не усмѣхнется!—И

казалось, какъ будто занята она чѣмъ нибудь постороннимъ!

Другъ мой, не дивись моимъ пустымъ вопросамъ и пустымъ воспоминаніямъ. — Человѣкъ утопающій хватается за былинку! — Ты яснѣе меня видишь предметы, скажи мнѣ: — но что ты мнѣ скажешь? .... Я часто одинъ въ горницѣ говорю ей громко: Ангелъ мой добрый! — Не оставь меня! — Вели, чтобы днемъ ни что меня не безпокоило, чтобы по ночамъ не терзали меня сны! — Отъ чего такъ мнѣ бывало легко, когда она говорила со мною? — А когда бывало молчитъ, или говоритъ со мною при другихъ, или говоритъ со мною такъ какъ съ другими, тогда раздраженное воображеніе мое такъ меня истязаетъ, какъ немилосердый, злой господинъ раба своего!

Другъ мой! — Я повторяю тебѣ: ты яснѣе видишь предметы; неволей милъ не будешь! — Всякой ли человѣкъ рожденъ любить такъ, что бы въ каждое мгновеніе быть сопутникомъ того, который его страстно любитъ?

Не только слово, не только видъ, съ которымъ оно сказано, часто вздохъ, иногда взглядъ одинъ безъ словъ объясняютъ истинное положеніе сердца. — И ты, ты, мой другъ, развяжешь судьбу мою! — Какое это будетъ благодѣяніе!

Положеніе мое мнѣ тягостно!—Я кажется всѣмъ буду доволенъ, и неудачному твоему отвѣту обрадуюсь такъ, какъ заключенный въ тюрьмѣ радуется приговору судей своихъ, которые, истощивъ все терпѣніе подсудимаго, самой смерти желать его заставили.

Долголь мнѣ здѣсь жить? — Какая въ томъ польза? — Я тебѣ говорю: я никакихъ дѣлъ не дѣлаю, и дѣлать не хочу и не могу. — Другъ мой! возьми лучше меня къ себѣ. — Мнѣ будетъ легче,—право будетъ легче!

№ 20.

ДЕКАБРЯ 31-го

Я хотя часто бываю разстроенъ и умомъ и сердцемъ, какъ и вамъ не безъизвѣстно Графиня; а всѣ помню, что вы мнѣ приказывасте, и помню непрестанно, что есть люди, и люди такіе добрые, которые меня любятъ.—При этой прелестной мысли я похожъ на человѣка, въ дремучемъ лѣсу бродящаго и нашедшаго тропинку, ведущую его на свѣтъ!

Въ такомъ расположеніи я часто занимаюсь.—Но тутъ необходимо надобно мнѣ только то убѣжденіе, что я занятіе мое раздѣлю съ вами, а безъ того признаюсь ни за что приняться не могу.—И такъ въ тѣ минуты, гдѣ я свѣтъ вижу, вообразите себѣ Графиня, я написалъ *поэму! ! !*

Вся эта поэма написана отрывками. — Натурально, кто пишетъ ночью со свѣчкой, можетъ ли продолжать свое занятіе, когда

у него свѣчку отъимутъ? — Такъ-то и я, отъимутъ у меня свѣтъ, я сей часъ пишу: *конецъ такой-то пѣсни.*

Надобно вамъ знать Графиня, что какъ свѣтъ у меня непостояненъ, то и поэма моя недлинна; она начинается съ вечера и кончилась часу во второмъ, или въ половинѣ третьяго.—Вотъ это уже и слава Богу!—Днемъ она не могла начаться по тому, что здѣсь почти дня нѣтъ.

Пегасъ мой недавно мнѣ подаренъ.—Я не будучи славнымъ ѣздокомъ, и къ тому не зная вовсе его нрава, ѣду кое-какъ.—Гдѣ онъ пошарошится, побочится, тутъ я, признаюсь на немъ и зашатаюсь, а коли иногда вздумается ему прыгнуть—такъ я — съ него сойду и бреду пѣшкомъ, а его веду за поводъ.

Не взыщите же на мнѣ милой нашъ человѣкъ, что въ поэмѣ моей нѣтъ ни единства въ дѣйствіи, ни ровнаго хода.—Вы сами знаете, что я стихотворецъ по указу. — Впрочемъ мое дѣло изъ пристойности оговориться, и потомъ исполнять волю вашу. — Естьлибъ я вздумалъ украшать себя чужимъ нарядомъ, а вы бы увидѣли, что платье у меня заемное, такъ оно вышло бы дурно, нехорошо.—Пусть это будетъ предисловіе къ слѣдующей при семъ поэмѣ. — А поэма сама

*

по себѣ пусть будетъ памятникомъ усерднаго и безпредѣльнаго моего къ вамъ повиновенія.

Завтра новой годъ, Графиня.—Дай вамъ Богъ здоровья. — Я счастья вамъ не желаю, по тому, что вы сами счастье. — Смѣю ли я желать чего нибудь съ новымъ годомъ? Хотя бы я былъ не такъ отъ васъ далеко! —А то право далеко я отъ васъ уѣхалъ! — Мѣсяцъ надобно времени, чтобы словечко ваше услышать, и услышать уже въ то время, когда вы можетъ быть другое чувствуете и другое говорите!

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

ПОЭМА

ВЪ 3-ХЪ ПѢСНЯХЪ.

ПѢСНЬ 1-Я.

Вечеръ,—Воро́ны,—Обозы,—Ночь и сны

Лишь красно солнышко спустилось
Въ тумамахъ розовыхъ за лѣсъ!
Зима какъ саваномъ покрылась,
Весь пышный блескъ ея изчезъ!
Вороны шумными стадами
Кружились съ крикомъ надъ снѣгами
И тучей сѣли на ночлегъ.
Летящій дымъ подъ облаками
Палъ съ стужи, и къ землѣ прилегъ!
Гоняютъ въ домы всѣхъ морозы,
Покрыты инеемъ обозы
Спѣшатъ и ищутъ теплыхъ мѣстъ!
На черныхъ облакахъ, огромныхъ
Бездонна тьма окрестъ!
Въ кругу тѣней и сновъ безмолвныхъ

Вѣнецъ изъ звѣздъ!
Покровъ съ главы ея спущенный
Скрывалъ различны страхи блѣдны!
Летитъ!....
За ней все мретъ, все изчезаетъ;
Одна луна въ рукѣ блеститъ! —
И взору міръ напоминаетъ!
Летитъ!—Тутъ мѣсячнымъ лучомъ,
Какъ очарованнымъ жезломъ,
Творитъ она чудесъ громады:
Гдѣ лѣсъ былъ, тамъ явились грады,
Гдѣ облака, тамъ горъ хребетъ!
Вліяніемъ волшебной силы
Стоящи пни людьми ходили,
Змѣями зрѣлся звѣздъ полетъ!
Сошла: и сны какъ вихри скоры
Надѣвъ волшебные уборы
Порхали какъ нетопыри,
Иныхъ людей сіи проворы
Изъ нищихъ ставили въ Цари!
Съ другими и въ тюрьмѣ и въ горѣ
Они рѣзвились до зари!
А тутъ въ кроваши златотканной,
Гдѣ въ легкомъ пологѣ сквозномъ,
Какъ роза на зарѣ румяной
Раскинулась краса тайкомъ,

Вдругъ выросъ темный лѣсъ дремучей,
Въ которомъ хитрый сонъ, подъ тучей
Межъ дебрей затерялъ красу!
Объемлетъ страхъ!—одна въ лѣсу!
Бѣжитъ, и чрезъ кусты колючи
Кричитъ невѣрному: постой!
Но сонъ изчезъ.—На крикъ такой
Услужница ея въ тревогѣ
Встрѣчаетъ въ спальнѣ на порогѣ
Улыбку красоты съ слезой!....

Конецъ первой пѣсни.

ПѢСНЬ 2-я.

Вечернее катанье.— Вѣстникъ.— Объявленіе.— Маскерадъ.—Встрѣча зимы.

Лишь только кончился обѣдъ,
Лишь золотистый лунный свѣтъ
Зажегъ въ снѣгахъ несчетны звѣзды,
Лишь стали учреждать разъѣзды,
Кому за кѣмъ катиться въ слѣдъ,—

Смотримъ! въ инеяхъ пушистыхъ
Въ хвацской шапкѣ съ молодца,
Кудри въ кольцахъ серебристыхъ,
Свѣжи розы, цвѣтъ лица!
Борода его густая,
Кисть бурмицка жемчугу;
Шуба теплая большая
Побѣлѣла вся въ снѣгу.

На тройкѣ злой, молніеносной
Стремится вѣтромъ вѣстникъ грозной
Какъ на орлѣ о двухъ главахъ!
Въ ухабахъ снѣжныхъ и буграхъ

Казался онъ на облакахъ!
Лишь прилетѣлъ, единымъ словомъ
Остановилъ всю пройку въ мигъ!
Съ надежнымъ видомъ и суровымъ
Онъ кинулъ возжи на лихихъ,
Отрясся, и проворно
Самъ прямо побѣжалъ къ намъ въ домъ!
Кони быстрые какъ громъ
Стояли кротко предъ крыльцомъ,
Лишь дымъ отъ нихъ валилъ столбомъ!
Но какъ ни зрѣлися покорны,
Они снѣдалися огнемъ;
То снѣгъ копытомъ разгребали
И жаркой мордой снѣгъ хватали;
То другъ о друга опирали
Кроваву пѣну съ броздъ со льдомъ!

Вѣстникъ въ дверь вошелъ уборну
И волочитъ изъ сумы
Объявленіе зимы:
„Чтобы всѣ тогда жъ безспорно
„Одѣвалися проворно
„Къ ней самой на маскерадъ.
„Буде жъ кто хотя украдкой
„Не приѣдетъ на парадъ,
„Занеможетъ лихорадкой,
„Будетъ бѣгать и дрожать.

„Естьлижъ кто отговорится,
„Тотъ не будетъ жизни радъ:
„Или носа онъ лишится,
„Или пальцовъ, или пятъ!“

Всѣ тутъ вѣстника встрѣчаютъ
Кто съ усмѣшкой, кто съ слезой;
Рѣзвыхъ бѣговъ впрягаютъ,
Суетятся! шумъ такой!
Кто явился вдругъ лисицей,
Кто медвѣдемъ, кто куницей,
Волкомъ, зайцомъ, кто бобромъ;
Кто же соболемъ быть чтился,
Но не такъ на свѣтъ родился,
Тотъ собольимъ сталъ хвостомъ!!!

Дамы въ хитрости шутливой
Зная нравъ зимы ревнивой,
Укрывалися тишкомъ.
Въ бархаты, парчи узорны,
Прелести легли покорно
И дышали тамъ тайкомъ!

Дворня паша и лакеи,
Видѣвъ барскія затѣи,
Превратилися въ овецъ!
Изъ конца они въ конецъ
Стадомъ бѣгали проворно,

Жались, суетились вздорно. —
Домъ нашъ сущій сталъ Дворецъ!
Я же вашъ слуга покорный
Просто былъ тогда Песецъ!

Мы сѣли въ сани наконецъ!
Лихіе пристяжные дыбомъ
Поднявшись въ нашъ весслый путь
Взвились и шей крутыхъ съ нагибомъ
На гривахъ съ визгомъ вѣтръ несутъ!
Летѣли всѣ, лишь пыль морозна
Гналась за нами вьюгой грозной
И падала на слѣдъ санной
Въ сіяньи лунномъ золотой;
А вѣстникъ рѣзвый нашъ вожатый
Съ своею сумкой на груди
Сопровождалъ сарынь крылату
Удалой пѣсней въ переди

Чѣмъ далѣе мы такъ катались,
Тѣмъ болѣе казалось намъ,
Что всѣ на праздникъ снаряжались
Судя по общимъ суетамъ. —
Спѣшатъ въ одеждахъ маскарадныхъ
Кто званъ, кто не званъ безъ чиновъ!
Иной оленей впрягъ нарядныхъ
И ѣдетъ со щитомъ роговъ;

Иной запрягъ четверку псовъ,
Къ санямъ исправно привязался,
Дабы духъ съ тѣломъ не разстался,
Когда въ ухабахъ гдѣ качнетъ!
Иной надѣлъ баранью кожу
И молодость свою пригожу
Въ снѣгахъ цвѣтущую поетъ! —
Одни крестьянскіе мальчишки
Въ рубашкахъ, босикомъ,
Подкорчивъ въ рукава ручишки
Рѣзвились по снѣгу пѣшкомъ!

Верстъ пять иль шесть мы пролетѣли,
Вдругъ вѣстникъ закричалъ намъ: стой!
Косматы встрѣчу намъ метели!
Въ пушистыхъ шапкахъ снѣгъ сѣдой!
Горами льды идутъ какъ тучи,
Морозы свищутъ маршъ скрыпучій,
Везутъ изъ инеевъ шапры,
Въ шапрахъ различные дары:
Жемчугъ, алмазы и румяны,
Серебреныя теплы ткани
И всяки зимнія мохры.

За сею чудной вереницей
Медвѣдей бѣлыхъ шестерикъ
Тащитъ сидящій во свѣтлицѣ
Сѣдой, хохлатой зимній ликъ!

За нимъ идетъ съ косой старикъ!
За нимъ забавы полосою:
Тамъ идутъ шуты, плясуны
Гордяся чудной пестротою;
Потомъ въ попонахъ бѣгуны. —
Тамъ фонари несли пустые,
Гдѣ за копѣйку вечеркомъ
Иной поставитъ міръ въ верьхъ дномъ!
Въ очкахъ ворожеи сѣдыя,
Въ капотахъ и въ большихъ чепцахъ
Шли къ святкамъ съ картами въ рукахъ
Какъ версты вечера предлинны,
Въ шумящихъ свѣтлыхъ епанчахъ,
Несли музыку и перины
И плошки въ страшныхъ коробахъ!
Потомъ весь поѣздъ замыкали
Билеты, что зовутъ на балы,
Которы въ кованомъ ларцѣ
Крылатый мальчикъ несъ въ вѣнцѣ.
Такъ ѣхала зима богата
Въ народный пестрый маскерадъ!
Какъ ни стара, какъ ни хохлата,
А былъ у ней боярскій взглядъ!
На окошко ль взоръ возводитъ?
Вдоль стекла ростутъ цвѣты. —
Ко рѣкѣ ль она подходитъ?

Зеркальны стоятъ мосты.
Лишь къ деревьямъ обратился
Блѣдный сей старухи ликъ,
На деревьяхъ очутился
Круглый, пудреный парикъ!
Словомъ: всѣ, всѣ ей покорно. —
Но заразы благотворны
Хоть равно ко всѣмъ лились
И ласкали одинако;
Не подумайте однако;
Чтобъ нескромные вились
Околъ ней неосторожно,
Было дѣло не возможно
Подойти къ зимѣ слегка;
Кто же такъ и похрабрился,
Не легко тотъ расплатился
Ставъ предъ ней безъ языка!
Наконецъ . . . . . .

Тутъ стихотворецъ сталъ въ пѣнь и кончилъ вотъ какъ:

Мы пріѣхали домой.—Праздникъ этотъ далъ одинъ богатый купецъ здѣшній — Мы поблагодарили хозяина.—Начался балъ, и такъ да будетъ:

Конецъ второй пѣсни.

ПѢСНЬ 3-я.

Освѣщеніе домовъ.—Вечеринка.—Музыканты.—Пляски.—Матушки.—Дочки.—Игра.—Лимонадъ.

Домы фонарями стали,
А на улицахъ огни;
Всѣ въ нарядахъ разъѣзжали
Пляски въ горницахъ одни;
Пляски по снѣгу другія,
Безъ музыки, гдѣ иныя
Въ рукавицы золотыя
Били въ славу зимнихъ дней!
Шумъ, веселье, хоры пѣсни!
Въ гости ѣздятъ изъ гостей!
Улицы казались пѣсны
Отъ летающихъ саней!
Всѣ прелестны вечеринки
Нарядились какъ картинки,
Въ плошкахъ всякая цвѣла. —
Но признаться по неволѣ
Наша, какъ Штатсъ-Дама въ полѣ
Предъ пастушками была! —

У насъ полдюжины усатыхъ музыкантовъ
Изъ отставныхъ солдатъ,
Одѣтые какъ въ строевый парядъ,
Отличнѣйшій народъ изъ полковыхъ талантовъ,
Скрыпѣли по струнамъ
Заморски танцы безъ умолку!
Ревнуя музыкальну толку
Они бранились по часамъ,
И топали другъ передъ другомъ;
Но старшій наконецъ надъ голосистымъ кругомъ,
Прижавшись къ скрипкѣ бородой,
Такъ залился и поднялъ визгъ такой,
Что въ мигъ построился порядокъ плясовой!
Летуча молодіожъ за ними
Украшенна цѣпьми златыми
Въ прозрачныхъ флерахъ, кружевахъ,
Вѣнки цвѣточные въ кудряхъ
Вилась какъ въ легкихъ облакахъ!
А мальчикъ тотъ крылатый,
Который шелъ въ вѣнцѣ
И бальные билеты несъ въ ларцѣ,
Какъ хозяинъ тароватый
На балѣ угощалъ, и дѣвушекъ училъ
Безъ страха, безъ громоносныхъ силъ
Единымъ взоромъ
Мущинъ въ былинки превращать,

Иль кружевнымъ узоромъ
Запутать сердце, умъ связать!
Мущинамъ говорилъ другое,
Но что такое
Тамъ было не слыхать.
Румяны матушки сидѣли
На собенокъ глядѣли
И подъ тишкомъ
Глазкомъ,
То иногда тычкомъ
Учили дочекъ наряженныхъ,
Какъ сердце хоронить въ косынкѣ иль въ цвѣтахъ!—
Въ другихъ покояхъ освѣщенныхъ,
На ломберныхъ столахъ,
На плитахъ карточныхъ картинкой покровенныхъ
И денежныхъ мѣшкахъ
Задумавшись, въ лицѣ какъ испитая,
Разсѣлася игра сѣдая
Звуча богатымъ кошелькомъ! —
Среди гостей стоящихъ близъ ея кругомъ,
Которыхъ золото прельщало,
Царица королей и краль
Крылатая судьба стояла,
Волшебной кистью рисовала
На лицахъ радость, гнѣвъ, печаль. —
Иныхъ публично раздѣвала,

Другимъ дарила златъ нарядъ. —
Прислуга между насъ мѣлькала,
Носила фрукты, виноградъ
И горы сахарны и вкусный лимонадъ.

И тутъ опять стихотворецъ приписалъ, что потомъ всѣ разъѣхались подомамъ.— И такъ это:

Конецъ третьей и послѣдней пѣсни.

№ 21.

ДЕКАБРЯ 31-го.

Я отправилъ къ Графинѣ шуточную и безтолковую поэму.—Ты увидишь другъ мой, что въ 3-й пѣсни описанъ балъ. — Какъ не охотникъ до танцовъ, я прижался въ уголокъ съ однимъ добрымъ спаричкомъ и проговорилъ съ нимъ всю время.—Мнѣ показался разговоръ его замѣчанія достойнымъ съ той стороны, что старичокъ мой коренной Руской, безъ всякаго отличнаго воспитанія и человѣкъ ни чуть не ученой.

Надобно тебѣ знать, что онъ изъ богатыхъ купцовъ здѣшнихъ, былъ въ чужихъ краяхъ давно, ходитъ, что они называютъ, въ Нѣмецкомъ платьѣ, то есть: въ синемъ сертукѣ и красной платокъ на шеѣ; коротенькіе сѣдые волосы зачесанные назадъ; въ лицѣ изображалось свойство веселое, въ сверкающихъ глазахъ умъ, и пламенная чувствительность.—По его словамъ ему 72 года; но видъ, походка, живое изъясненіе скрадывали

долголѣтіе, и ему, казалось мнѣ, лѣтъ 50 не больше.

Живучи много, и во многихъ мѣстахъ, кружась долгое время по дѣламъ своимъ въ столицѣ между людей случайныхъ и сильныхъ, онъ не былъ однако похожъ на человѣка поклонника свѣту; и свѣтъ не привилъ ему ни правилъ своихъ, ни обхожденія.—Онъ не разсыпалъ изрѣченій притворною вѣжливостію надутыхъ, и не былъ дерзокъ въ поступкахъ, не обхотащалъ рѣчи своей надменными и отборными словами, и чужаго и начитаннаго ума въ разговоры свои не вставлялъ; напротивъ того, онъ былъ въ обхожденіи весьма вѣжливъ, но болѣе по тонкости чувствъ сердечныхъ, нежели по раболѣпному подражанію иноземцамъ; въ поступкахъ скроменъ и искрененъ, а въ рѣчахъ сколько простотою, столько же твердымъ порядкомъ мыслей, и силою подлиннаго ума отличался.

Внимательно смотрѣлъ онъ на рѣзвость молодѣжи, удовольствіе было на лицѣ его, при всякой пріятной шуткѣ или забавной нечаянности билъ въ ладоши; подчивалъ меня, спрашивалъ, не надобно ли мнѣ того, другова, и наконецъ вошелъ со мною въ разговоръ довольно пространной.

Сколько у насъ головъ добрыхъ, въ глуши живущихъ! Это невѣроятно!—Замѣчая мно-

гое въ жизни, мнѣ право иногда видятся такія сѣмена на Русскомъ полѣ, которыя обѣщаютъ великую славу неподражаемому сему народу!

Разговоръ мой съ старикомъ:

Старикъ.

Куда какъ я люблю, когда соберется молодѣжъ да веселится!—Незнакомыхъ нѣтъ; всѣ такъ свободны! — Мы здѣсь сударь всѣ другъ другу извѣстны, знаемъ, чѣмъ кто занимается и какъ живетъ. — Истинно большое удовольствіе!

Я

Это удовольствіе можетъ только существовать въ маленькомъ городѣ, но гдѣ людство многочисленно, тамъ по необходимости общества составляются изъ людей неизвѣстныхъ и незнакомыхъ.

Старикъ.

За то сударь тамъ и проказъ больше.— За то кто ѣдетъ на публичной балъ, тотъ ѣдетъ на площадь, и часто скучаетъ, что по какой то единой приличности ѣхать туда долженъ —По нашему, просто сказать, эти вечерники заводятся вѣдь для того,

чтобъ молодые люди повеселились, а мы на нихъ глядя радовались. — Въ публичныхъ балахъ эта цѣль не достигается; въ нихъ со всѣхъ сторонъ больше опасности, нежели веселья.

Я

За что вы такъ невыгодно о публичныхъ собраніяхъ заключаете? — Предметъ публичнаго собранія обширнѣе и важнѣе, смѣю сказать, того, какой можно положить въ вечеринкѣ, изъ небольшаго числа пріятелей составленной.

1-е. Вы сами знаете, что по мѣрѣ разширенія понятій, умножаются страсти, разныя отношенія въ обществѣ, а съ ними дѣла.—Умноженіе дѣлъ требуетъ опять различныхъ отношеній къ людямъ, различныхъ съ ними связей. — Не всякой человѣкъ согласится безпокоить хозяина въ домѣ; не всякой въ состояніи принимать къ себѣ многихъ. — Въ одинъ вечеръ человѣкъ увидитъ всѣхъ, до кого ему нужда; иначе онъ бы долженъ былъ тратить для того цѣлую недѣлю.

2-е. Молодёжь впрѣчается тутъ съ тѣми, кого судьба кому готовитъ.—Не одни же знакомые должны принадлежать другъ другу.

3-е. Въ публичныхъ собраніяхъ очищается обращеніе; разумъ, имѣя случай отвѣтствовать большому числу людей чужихъ,

пріучается къ осторожности, и къ понятіямъ прямымъ и чистымъ.

Тутъ старикъ мой будучи нрава живаго и въ обхожденіи крайне простъ, зажалъ себѣ уши и вскочилъ со стула.

Старикъ.

Ахъ батюшка, что вы это мнѣ говорите! — Я по Французски не учился, а живу долго, и жилъ много; долго жилъ я въ столицахъ и бывалъ часто въ собраніяхъ публичныхъ, искалъ въ нихъ удовольствій сердечныхъ, которыя, какъ вы сами увѣрены, однѣ и есть, но скажу не обинуясь, виноватъ, во множествѣ людей всякихъ, кромѣ пустоты, не нашелъ я ни чего.

Мы сударь люди не ученые.—По нашимъ простымъ понятіямъ мы разумѣемъ, что корень публичныхъ собраній взялся отъ иноземцевъ. — У нихъ я думаю завелись они по недостатку и по разчету, то есть, что бы моя копѣйка не перешла за васъ.—Вотъ насъ примѣрно 100 человѣкъ, мы сложимся по рублю съ брата, наймемъ домъ. — Каждый веселится у себя, и никто не обязанъ, никто никому не благодаренъ.

Будемъ теперь говорить сударь такъ: хорошо ли это, или дурно? — По нашему по простому: чѣмъ болѣе нашъ братъ человѣкъ

думаетъ, что онъ ни чѣмъ никому не обязанъ; чѣмъ болѣе равнодушенъ онъ къ уваженію другихъ, тѣмъ хуже. — Кто одну свою пользу, одно свое удовольствіе ставитъ въ цѣну, тотъ по нашему никуда не годится.— И вотъ отъ чего въ публичныхъ бесѣдахъ не увидишь ни той связи, ни того удовольствія на взаимномъ почтеніи основаннаго, безъ которыхъ всякое собраніе, торговой площади подобно.

Что про молодыхъ людей вы говорить изволите, то въ моемъ понятіи публичныя собранія для нихъ не только безполезны, но несомнѣнно вредны, по двумъ яснымъ причинамъ.

1-е. Молодые мущины, будучи въ гостяхъ у себя собственно, натурально позволяютъ себѣ больше, нежели у хозяина, котораго бы они почитали.

2-е. Молодыя дѣвушки замѣчанія достойныя или по наружности, или по уму, приходятъ въ извѣстность, и содѣлываются предметами рѣдко добрыхъ, но чаще злыхъ разговоровъ; а тѣ, которые вниманія не привлекаютъ, становятся предметами презрѣнія и насмѣшки.

Что мнѣ за радость подвергать дочь мою той или другой участи!

Вѣрьте мнѣ сударь: кто кому надобенъ, и кто чей быть долженъ, тотъ того найдетъ и на днѣ морскомъ.—У насъ пословица Русская: *суженова конемъ не объѣдешь!*

Скажите мнѣ, что приличнѣе скромной дѣвушкѣ или женщинѣ, какъ скромные на ея щетъ отзывы?—Больше скажу: какъ та неизвѣстность, которая, доказывая тишину ея жизни, доказываетъ вмѣстѣ или безцѣнное безмолвіе неприкосновеннаго сердца дѣвушки, или наслажденіе ввѣреннаго сердца женщины.

Въ моемъ разумѣ дѣвушка тоже, что цвѣтокъ: ростетъ онъ въ защитѣ?—Тогда обратясь къ лучу солнечному, разцвѣтетъ въ тишинѣ, явится во всей природной красотѣ своей, и будетъ прельщать человѣка чувствующаго.

Выростетъ на людной дорогѣ? — Тогда вѣтръ, пыль, всѣ его побивать станетъ, доколѣ наконецъ какой нибудь прохожій погубитъ его навѣки!

Простите сударь мою болтливость,—я отецъ.

Старикъ мой вздохнулъ, коснулся платкомъ къ глазамъ своимъ и продолжалъ такъ:

Вы изволите говорить: публичныя собранія нужны въ томъ случаѣ, что сближаютъ отношенія людей по дѣламъ; способствуютъ къ образованію связей; воля ваша: я и тутъ не такъ думаю: былъ я самъ въ дѣлахъ во-

весь вѣкъ мой. Очень не разсчетливъ тотъ, кто принимается за дѣла, требующія обширныхъ отношеній и разновидныхъ связей! Такія дѣла, вѣрьте мнѣ старику, непрочны, потому что зависятъ отъ страстей многихъ. Сколько мнѣ удалось извѣдать изъ опыта: важнѣйшія дѣла успѣшны въ маленькомъ кружкѣ людей способныхъ и нравственности извѣстной; а такихъ людей я на площади искать не буду.

Что публичныя собранія не очищаютъ обращенія, доказываетъ то приторная и надутая вѣжливость, и присутствіе въ нихъ полиціи.

Таковы милостивый Государь всѣ мои понятія по сему предмету, а заключеніе вотъ какое:

Гдѣ я не увѣренъ въ нравственности людей меня окружающихъ, тамъ:

1-е) Всякое невольное изліяніе сердца, всякую откровенность, отказать я себѣ долженъ; съ этимъ вмѣстѣ лишаюсь великаго удовольствія въ жизни,—а жить не два вѣка будемъ!

2-е) Пути, къ супружескимъ связямъ ведущіе, наполнены оврагами и самыми пропастями, гдѣ кроются всякаго рода ядовитыя животныя.

3-е) Крайняя невѣрность въ отношеніяхъ дѣльныхъ, а съ этимъ коварные обманы, разоряющіе человѣка до той степени, пока какой нибудь добрый товарищъ нашедъ его умершаго, закажетъ ему гробъ Христа ради!

Одна по мнѣнію моему въ нихъ необходимость и та въ Царскихъ чертогахъ, и у публичныхъ людей, Государственной службѣ принадлежащихъ. — Но это до насъ не касается.

Я вамъ наскучилъ батюшка, простите мнѣ; я кажется давно живу на свѣтѣ, а сердце у меня какъ-то не старѣется,—и слава Богу! —Съ этимъ огромнымъ запасомъ я не боюсь самой смерти.—Весь мой вѣкъ я любилъ. Съ симъ біющимъ источникомъ я радъ, когда будетъ Господу угодно!

№ 22.

ГЕНВАРЯ 6-го.

Надобно же, чтобъ такъ судьба опредѣлила!—Не успѣю успокоить духъ мой, новая волна застилаетъ другую!

Ты получилъ письма мои, и ничего на нихъ не отвѣчаешь.—Пишешь, что пріѣхалъ къ Графинѣ какой-то ея дядя, и съ нимъ молодой человѣкъ—сынъ Министра,—Графъ,—Камергеръ! — А мнѣ что до нихъ нужды? и что мнѣ до того, что этотъ молодой человѣкъ у васъ не останется, а поѣдетъ далѣе? Въ чемъ ты меня успокоиваешь?—Что тебя принудило писать ко мнѣ наскоро и только объ этомъ? — Естьли ты пишешь для того, чтобъ я не узналъ о томъ стороною, то ты можешь быть увѣренъ, что я и по твоему письму ничего не знаю, да и знать не хочу, и слушать никого не хочу!

Графинѣ писать ко мнѣ нѣкогда? Богъ съ ней!

Знатность, богатство, отличія!—Какіе вы злодѣи шѣмъ, которыхъ одно сердце ведетъ къ истинному счастію! — Какіе огром-

ные камни преткновенія ставите вы на пути ихъ—прелестные призраки, возвышеніе, роскошь, изобиліе! Вы всѣ покорили!

Часто чувство сердечное, слово искреннее, уподобляются музыкальному звуку, который обнявъ всѣ силы душевныя изчезнетъ, и въ одномъ бісніи сердца оставитъ жизнь у человѣка!—Не ужель Графиня болѣе писать ко мнѣ не будетъ? — Я мой другъ ѣду, дождусь одного еще письма твоего и рѣшусь, поѣду,—наставникъ мой, другъ мой!— Поѣду! — О бѣдное животное!—Знаешь ли ты куда собираешся?

№ 23.

ГЕНВАРЯ 9-го.

Въ томъ аду, гдѣ я нѣсколько дней томился въ непрестанныхъ мукахъ, гдѣ самые сны мои превращались въ тѣней, меня грызущихъ, я услышалъ голосъ Ангела избавителя моего!—Мнѣ нѣкогда тебѣ писать другъ мой.—И сердце и слово не могутъ отдѣлиться отъ того источника, который оживилъ ихъ.—Вручи это письмо Графинѣ.

№ 24.

ГЕНВАРЯ 9-го.

„*Не грусти, вѣрь мнѣ, что не всегда по-*
„*койны тѣ, которые покойными кажутся!* —
„*Ты не одинъ.*“ — Вотъ золотыя слова твои сердечной человѣкъ!—Я ихъ самъ себѣ повторяю безпрестанно и повторять буду во всю жизнь мою—Ангелъ души моей! Я не одинъ! —Какъ? *ты*, *я*, не два уже слова между нами?—Я не одинъ!—Но кто же со мною?—Кто я?—Женщина прелестная!—одною силою твоего сердца я чувствую, и чувствую одно только то, что нѣтъ меня!

Непостижимая волшебница!—Скажи мнѣ, откуда такой проницательной огонь въ словахъ твоихъ?—Откуда такой голосъ, извлекающій душу?—Я былъ на краю бездны, голова у меня кружилась; ты, ты меня остановила.—Кто меня выше?—Кто меня счастливѣе? Научи меня, развяжи языкъ мой, какъ мнѣ тебѣ сказать, что со мною было? — И что со мною стало? —

Какія силы небесныя могутъ такъ мгновенно оживотворять, какъ оживляетъ человѣка одинъ взглядъ твой, одно твое слово?

Сотворивъ меня изъ ничего, ты мнѣже отдаешь и твое сердце!—И ты готова жизнь раздѣлять со мною!—Возьми меня прелестное созданіе! — Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ по распутіямъ жизни, соединеніе воспламененныхъ душъ покоряетъ міръ!—Напасти намъ будутъ легки!—Радости живѣе!—Удовольствія продолжительнѣе!—Я покой твой охранять буду.—Каждый твой вздохъ я сочту, и разведу его въ моемъ сердцѣ; я цѣлую жизнь мою буду выискивать тебѣ наслажденій; но за чѣмъ я увѣряю? — Испытывай меня! — Душа моя открыта предъ тобою.—Войди въ мои мысли, въ мои желанія, въ мои виды, вездѣ ты себя увидишь, и кромѣ себя ни съ кѣмъ, и ни съ чѣмъ не вспрѣтишся!

Теперь я покоенъ! — Грустить мнѣ не о чемъ.—Я съ тобою,—и тамъ, гдѣ тебя нѣтъ, я съ тобою!—Въ воздухѣ ты меня питаешь! Въ солнечныхъ лучахъ согрѣваешь ты!—Скажи волшебница, скажи, какъ умѣла ты всю украсить и быть вдругъ и вездѣ? — Я вездѣ тебя вижу!

Нѣтъ, не хочу болѣе употреблять въ письмахъ моихъ званія Графини! — Молодой

человѣкъ къ вамъ пріѣхавшій—Графъ! И что надутыя мнѣнія мірскія въ сравненіи съ прямымъ достоинствомъ сердца? —

Щастье мое такъ совершенно, такъ незапно, что я не могу еще къ нему приноровиться! Представь, до какой степени суетная премудрость міра порабощаетъ человѣка! — Я не смѣю говорить съ тобою тѣмъ языкомъ, какимъ говоритъ человѣкъ съ своимъ Создателемъ!—Я какъ-то опасаюсь отгнать тщетныя выраженія вѣжливости, и въ словахъ чистыхъ изліять огонь сердечный! —Мнѣ еще слышатся звуки тѣхъ цѣпей, въ которыхъ долженъ я былъ говорить языкомъ заемнымъ! — Какъ я остерегался, какъ наблюдалъ, чтобъ мнѣ какъ нибудь не оскорбить власти твоей надо мною! — Ахъ какая тяжесть! — Какая забота! — Украдкою иногда сердце вырывалось и говорило; но безцѣнная душа твоя не обвиняла за невольное преступленіе.—Теперь!—Ты разрѣшила преступника твоего!—Отъ одного твоего слова разпались узы мои! — Сердечный человѣкъ! Какъ орелъ къ солнцу, духъ мой паритъ стрѣлою, наносящею всякой встрѣчѣ смерть!

Не подивись однако душа благодѣтельная, что я иногда долженъ буду говорить съ тобою такъ, какъ говорятъ со всѣми.—Злодѣи есть вездѣ! — И можетъ быть въ той

самой горницѣ, гдѣ живетъ мое счастіе. — Вдругъ перестать писать не льзя.—Я не хочу дать такого торжества можетъ быть и многимъ! — Писать иначе? — Было бы не поберечь того, кто меня спасъ!

Точно ли я получилъ письмо твое, котораго начитаться не могу? — И въ какое время?—Когда вокругъ тебя и пышность, и богатство, и знатность, и красота, и молодость, стоятъ въ подобострастіи и ожидаютъ единаго твоего мановенія!—Когда я, простой, бѣдный смертный, единой тобою сущій, безъ всякаго отличія въ мірѣ, сосланный за 2,000 верстъ отъ твоего благотворнаго жилища, въ горести, въ страданіи, день и ночь хожу, и ищу къ тебѣ тропинки! —

Ты меня одна выше всѣхъ поставила! — Гордись твоимъ дѣломъ, Владычица!—Узникъ твой дышетъ тобою! — Твое щастіе есть щастіе его! — Оно такъ устроилось въ его сердцѣ, что и гнѣвъ его онъ любитъ; казнь отъ него посланную онъ приметъ съ усмѣшкою; пожирающимъ его огнемъ онъ питаться станетъ, и горячимъ пепломъ въ немъ же останется!

Я не умѣю ничего сказать тебѣ болѣе, не хочу тебѣ сказать *прости;* не терплю этаго слова: въ немъ я вижу смерть, а въ звукѣ его мнѣ слышится стонъ!

P. S. Я послалъ это письмо къ дургу моему, онъ вручитъ его. — Нетерпѣливо жду обѣщаннаго другаго! — Какой я неблагодарный, мнѣ уже становится здѣсь несносно!

*

№ 25.

ГЕНВАРЯ 11-го.

Я щастливъ, свободенъ духъ мой! — Ты мой благотворитель! — Я направлю крылья къ вамъ, и не знаю, долголь здѣсь пробуду.— Увѣдомь меня другъ мой, когда ты отдалъ Графинѣ письмо мое?—Что она тебѣ сказала?—Скажи мнѣ, что моя старушка мать? —Что со мною сдѣлали за просрочку по службѣ?—Не помню, писалъ ли я когда объ этомъ.

Что ваши гости? — Каковъ человѣкъ дядя Графини?—Весела ли она?—Естьли письмо твое не застанетъ меня здѣсь, я устрою такъ, что оно неминуемо до меня дойдетъ.

Милой мой другъ! — Она ко мнѣ написала: *не грусти, ты не одинъ.* — За чѣмъ я не съ вами? — Я бы радъ былъ увидѣть дядю Графини.—Съ сердцемъ человѣкъ идетъ одинъ на медвѣдя.—Щастье человѣка перераждаетъ; и громъ его обходитъ!—И кремнистыя горы трещатъ подъ его ногами! — Прости, мнѣ

нѣкогда.—Дѣла мои подобны тѣмъ просителямъ, которые накопившись у дверей знатнаго человѣка, вдругъ всѣ бросятся, когда ихъ отворятъ и знатный человѣкъ къ нимъ показаться изволитъ!

№ 26.

ГЕНВАРЯ 14-го.

Я здѣсь въ вѣчной зимѣ, а мнѣ кажется я среди лѣта. По приказанію вашему я часто пишу стихи, которые неминуемо должны быть у васъ Графиня. — Что я послушенъ, доказываетъ то цѣлая поэма къ вамъ отправленная. — Я на терпѣніе не имѣю права; мое дѣло написать, а ваше пустъ будетъ хотя въ огонь славныя мои сочиненія отправить, — я всѣ доволенъ буду, и съ этой стороны я кажется природной стихотворецъ. — Впрочемъ ваша малиновка поетъ у васъ и въ клеткѣ! — Я хотя не малиновка и не такъ пою, какъ она; но пусть я буду снигиремъ вашимъ, онъ не поетъ, а скрыпитъ; вы однако точно такъ объ немъ печетесь, какъ и о другихъ птичкахъ, вами живущихъ.—

Не могу я привыкнуть къ холоду. — Воля ваша, когда мнѣ весело, я непремѣнно

переношу себя въ *Богородское*, и тогда воображаю, какъ бы я провелъ цѣлой день съ вами; воображаю:

Лишь солнышко всходить начнетъ;
Подъ ваши тополы сребристы,
Гдѣ свѣтлый ключъ съ горы течетъ,
Пойдутъ крестьянки голосисты
Съ веселымъ шумомъ за водой;
Хоръ птицъ; и соловьи рѣчисты
Въ кустахъ цвѣточныхъ подъ горой
Прольютъ отраду и покой;
Въ деревнѣ трубы задымятся,
Застонетъ грохотъ жернововъ,
Скрыпятъ вороты, суетятся,
Стада скопляются съ дворовъ. —
А я подъ грушей горделивой,
Которая при васъ растетъ,
Дождусь, когда вашъ сонъ шутливый
Откроетъ въ спальнѣ вашей свѣтъ,
Тогда пойду ходить за вами,
И по росѣ между цвѣтами
Всмотрюсь, какой у щастья слѣдъ!
Потомъ настанетъ полденъ ясный,
Приляжетъ вѣтерокъ въ листахъ,
Шумъ стрекозы и мухъ всечасный;
Тоска и жаръ въ поляхъ, лѣсахъ!

Сгущенный воздухъ синеватый,
Покрывъ окрестности богаты,
Представитъ ихъ сквозь знойный дымъ!
Тогда волнамъ вы золотымъ
Прикажите вкругъ васъ обвиться,
И ручеекъ поторопится
Прижаться къ щастью подъ горой!
Стада забывъ свою свободу
Опъ насѣкомыхъ спанутъ въ воду;
Пастухъ уйдетъ подъ кустъ густой;
На пашнѣ плуги распряженны,
Семьею пахарь окруженный
Въ тѣни пьетъ съ жаждой молоко! —
Но мнѣ при васъ и въ жаръ легко!
Я побѣгу въ предѣлы злачны,
Гдѣ зрѣетъ сочныхъ тьма плодовъ;
И тѣ, изъ конхъ сокъ прозрачный
Течетъ какъ чистый медъ съ сотовъ;
Которыхъ смуглость красноватну
Покроетъ пній синеватый,
Тишкомъ сорвавъ, поставлю тамъ
Обѣдъ гдѣ изготовленъ вамъ.
Потомъ и солнце закатится!
Вспорхнетъ прохладный вѣтерокъ,
Столбомъ комаръ начнетъ толпиться,
Пастухъ созоветъ стада въ рожокъ;

Волы, работой утомленны
Съ плугами побредутъ домой;
Лѣтами старичокъ согбенный,
На лавкѣ сидя предъ избой
Разспроситъ молодежь родиму
Про полосу свою любиму:
Удачно ль рожъ на ней цвѣтетъ?
А вы пойдете лишь къ покою,
За вами смеркнетъ тихій свѣтъ!
Подъ темной сѣнью
Межъ звѣздъ луна взойдетъ!
Далеко за рѣкою,
Какъ будто голосъ чей
Зоветъ ушедшихъ въ лѣсъ коней;
Блестящій слышится ручей!
И надъ водою
Соловей!
А я ребенокъ сумазбродной
Напитанъ страстью мнѣ природной
Пойду задумавшись бродить между тѣней!

Такъ я воображаю пройдетъ у меня цѣлой день и цѣлая жизнь, естьли по вамъ будетъ угодно.

Я безпрестанно забываю сказать вамъ Графиня, какъ я возгордился, что стихи мои васъ забавляютъ. — У меня голова что-

то вертится, отъ чего я многое забываю.— Но теперь я опомнился и скажу вамъ, что на меня пришла такая охота къ стихотворству, отъ которой сохрани Господи!— Мнѣ иногда какъ будто совѣстно говорить прозой, да я полно строго смотрю за собою, и многихъ стиховъ моихъ къ вамъ не посылаю, а особливо такихъ, которыхъ не очень разумѣю самъ. — Вы ради Бога не читайте никому и тѣхъ, которые до васъ доѣхали. — Я признаться вамъ не боюсь насмѣшки, потому что къ ней привыкъ; но боюсь, что меня журить будутъ сильные въ дѣлѣ люди; а вы сами знаете Графиня пословицу: *съ сильнымъ не тягайся;* да я же и виноватъ только тѣмъ, что приказанія ваши для меня святы.

№ 27.

ГЕНВАРЯ 20-го.

По твоему письму другъ мой, дядя Графини затѣялъ такое дѣло, противъ котораго надобно принять мѣры.—За чѣмъ приглашаетъ онъ ее ѣхать съ нимъ въ столицу? Какая можетъ быть прямая причина слѣпаго повиновенія ея?—Ты пишешь, что благосклонность ея къ прозьбѣ старика дяди, какъ будто превозмогаетъ постоянную ея привязанность къ сельской жизни; а я спрашиваю: можно ли благосклонностью превозмочь сердце?

Еще пишешь ты: „случились мы двое:— „Она сѣла за форте-піано, долго задумав- „шись перебирала аккорды,—но потомъ кликнула меня и сказала: какъ трудно жить „съ людьми на свѣтѣ!—Какъ требованія ихъ „многочисленны и властолюбивы!—Вѣроятно ли?—Человѣкъ самый добрый—коль скоро ни сколько не участвуетъ ни своимъ „удовольствіемъ, ни своею пользою, ни са-

„молюбіемъ въ положеніи другаго,—тогда онъ „въ состояніе другаго почти не входитъ, „или покрайнѣй мѣрѣ какъ будто онъ его не „понимаетъ.—Я должна ѣхать въ Петер„бургъ, гдѣ мнѣ будетъ несносно!—Требуетъ „того дядя мой; а мнѣ какъ отказать?— „Какъ не пожертвовать своимъ удовольстви„ямъ тому, кто цѣлую жизнь благотворилъ „покойному батюшкѣ? — И какъ отказать, „когда онъ единственную дочь свою ожи„даетъ изъ чужихъ краевъ съ женихомъ и съ „родной ея теткою и хочетъ, чтобъ я была „на свадьбѣ: признаюсь тебѣ—тяжело—очень „тяжело!—Не такъ я предполагала; что дѣ„лать?—какъ быть!—Ѣхать! поѣду,—но не „надолго, и возвращусь въ сельской раёкъ „мой.“

Злой человѣкъ!—Ты думаешь возвратишься къ удовольствіямъ; а забыла видно, что убиваешь человѣка!

Не могла ли Графиня представить тысячу причинъ самыхъ нѣжныхъ, по которымъ бы можно было ей остаться дома?

О женщины, женщины! — Какую власть имѣетъ міръ надъ вами!—Въ самыхъ оковахъ его вы находите наслажденія! — Блестящая суетность сплетаетъ вамъ сѣти, а вы по одному вѣжливому, приманчивому слову, сами въ нихъ бѣжите!

Она тебѣ еще сказала:—„Вспомните ме„ня другу вашему, и скажите ему, что те„перь писать мнѣ нѣтъ удобности; а что „бы онъ непремѣнно ко мнѣ писалъ по пре„жнему, и пожалѣлъ бы обо мнѣ, что я обя„зана знакомиться съ большимъ свѣтомъ!“

Дядя благотворилъ отцу ея, и для того она хладнокровно проходитъ мимо утопающаго человѣка! — Она тебѣ приказала себя мнѣ вспомнить! — Неблагодарный человѣкъ! — И она это приказала! — Когда призракъ страсти занимаетъ одно воображеніе, а сердце остается неприкосновенно,—Какая холодность въ выраженіяхъ! Какое благоразуміе въ поступкахъ! Какая въ размышленіяхъ премудрость!—Что мнѣ въ тысячѣ словахъ приказанныхъ, когда она одного написать не успѣла?

Всѣ это доказываетъ вотъ какую истинну: человѣкъ зоветъ другаго, и доколѣ тотъ не слышитъ, стремленіе перваго усиливается; но коль скоро увидитъ онъ, что сей откликнулся или не успѣлъ, или не хочетъ: тогда тотъ, кто кликалъ, догонять перестанетъ, остановится и пойдетъ своей дорогой. — Я никогда такъ не былъ близокъ къ излѣченію моей долговременной болѣзни.

Но что мнѣ подумать о послѣднемъ письмѣ ея?—Жестокая! ты же его писала! — Ты

сама выговорила: не грусти, *ты не одинъ.* — Куда дѣвался, куда изчезъ тотъ огонь, который каждое твое слово выжегъ въ моемъ сердцѣ? — За чѣмъ ты какъ нарочно разслабила еще ядъ свой, и тѣмъ еще болѣе привлекла меня его выпить? — Развѣ мало тебѣ моего горя, моихъ страданій? — Но что я! — Всѣ напрасно!

№ 20.

ГЕНВАРЯ 20-го.

Я съ большимъ сожалѣніемъ услышалъ, что Ваше Сіятельство изъ пріятной жизни вашей переселяетесь въ столицу: но будучи увѣренъ, что и въ семъ случаѣ удовлетворяете вы собственному желанію; увѣренъ я и въ томъ, что тамошнія веселости, гдѣ вы кружиться будете, принесутъ вамъ новыя удовольствія. — Съ другой стороны различныя таланты, въ большомъ городѣ разсыпанные, которыми пользоваться можно въ публичныхъ собраніяхъ, въ театрахъ, въ обществѣ придворныхъ людей, введутъ васъ въ новую жизнь, среди которой въ шумныхъ забавахъ, сельскія мирныя упражненія такъ мелки!—Простите мнѣ Графиня, что я васъ безпокою. — По старой привычкѣ, я не могу не изъявить вамъ признательности моей что вы меня вспомнить изволили, о чемъ

увѣдомляетъ меня пріятель мой, въ Богородскомъ живущій.—Зная, какъ удовольствія въ большомъ городѣ многочисленны, быстры и суетливы, я развѣ только тогда приведу себя вамъ на память, когда собственныя порученія ваши требовать того будутъ.

Многія дѣла мои здѣсь еще меня удерживаютъ, и я думаю, что для окончанія ихъ долженъ буду прокатиться въ Сибирь. — И такъ я ни какъ не надѣюсь скоро увидѣться съ вами; но впрочемъ, хотя бы я васъ и увидѣлъ, то можноль мнѣ надѣяться узнать того человѣка, который изъ сельскаго жилища, гдѣ простота сердца и чистый разумъ составляетъ всѣ достоинство, переселился въ тѣ пышные чертоги, гдѣ хитрость сердца и искуственный свѣтъ ума составляютъ всѣ отличіе?

№ 29.

ГЕНВАРЯ 30-го.

Я сей часъ ѣду другъ мой. — Дѣла мои кое-какъ я кончилъ.—Денегъ не получилъ, и просилъ ихъ отправить къ тебѣ. Прости, я къ тебѣ писать буду.—Другъ мой! Долго ль мнѣ мучиться между жизни и смерти, и не вкусить ни той ни другой? — Многія меня здѣсь полюбили, они разстаются со мною, какъ съ роднымъ!—Когда бы я тебя увидѣлъ! —Я бы кажется отдохнулъ! — Прости, помни, что никто такъ не зналъ цѣны твоей, какъ я.—Ѣду, пускаюсь въ море.—Или измѣрю бездны, или. . . . .

№ 30.

ФЕВРАЛЯ 3-го, съ дороги.

Ночь мѣсячная!—Морозъ жестокой!—Подъ окномъ нищій!—Въ одномъ рукавѣ видна непокрытая мѣстами рука, другой рукавъ пустой и кушакомъ привязанъ; ноги обернуты лоскутьями и перепянуты узловатою веревкою, сирая на немъ нагольная шуба вся въ заплатахъ; бѣлая широкая борода, въ рукѣ костыль.—Къ веревочному поясу привязаны санки, въ нихъ видно что-то укладено.—Это было часу въ пятомъ по утру. — Я сидѣлъ задумавшись и ожидалъ почтовыхъ лошадей, свѣчка моя догорала, благовѣстили къ заутренѣ, по улицѣ пусто и тихо. — *Подайте Христа ради!* — Въ словахъ стонъ такой проиняжной! — *Подайте Христа ради!* Поди въ вороты старичокъ, поди, поди поскорѣе! —Старикъ впащилъ санки въ избу, въ санкахъ робенокъ лѣтъ двухъ! — Морозъ жестокой!—Скажи мнѣ старичокъ, что это у тебя за робенокъ въ санкахъ? — „Внукъ, мой ба-

„тюшка. — Служилъ я солдатомъ слишкомъ „30 лѣтъ; думалъ на старости умереть у „сына, да чѣмъ не благословилъ Господь Богъ, „тому видно не сбываться! — Сынъ мой сдѣ„лался злодѣемъ и сосланъ въ Сибирь, невѣст„ка умерла, оставила мальчика двухъ лѣтъ, „вотъ онъ! — Сирота беззащитная! Такъ, „Ваше Благородіе, Богъ велѣлъ оканчивать „длинный вѣкъ мой!—Воля Его Святая!—Лишь „бы оставилъ мнѣ ноги, что пошлетъ ми„лостыни, то его!—Мнѣ многоль надобно?“

Господи, думалъ я самъ въ себѣ. — Вотъ горе, вотъ нужда! — и въ какія лѣта! — Но естьли это обманъ? — Нѣтъ, быть не можетъ!—Какъ можно такъ обманывать!—. . . Однако за чѣмъ давать такъ много?—Въ самомъ дѣлѣ!—Сколько нищихъ этому старику подобныхъ! — Сколько такихъ, которые несчастливѣе его вдвое?—Безъ рукъ, безъ ногъ! — Нѣтъ это несправедливо! — Подите отъ меня прочь коварныя сумнѣнія!—Теперь разсуждаю, послѣ пожалѣю, а тамъ не сберусь! —Нѣтъ!—Дамъ ему сколько могу!— Послушай старичокъ, вотъ тебѣ 25 рублей на пищу тебѣ и робенку, вотъ еще 25 рублей на работницу, которая бы ходила за робенкомъ; а это 25 рублей тебѣ на квартиру. — Да, постой, вотъ уже и еще 25 рублей вамъ

всѣмъ на одежду. — Ну поди теперь, Богъ съ тобой!

У старика ни слова, ни слезы! — Ассигнаціи валятся изъ рукъ его!—И наконецъ съ прерваннымъ тяжелымъ вздохомъ взглянулъ вверьхъ, затрясся, наполнились глаза слезами, бросился ко мнѣ въ ноги, зарыдалъ, доползъ на колѣняхъ къ образу, помолился, вспалъ и говоритъ: „Я давно живу на свѣ„тѣ, Ваше Благородіе, и примѣчаю, что лю„ди-то добрые какъ Ангели, посланы съ не„бесъ на помощь сиротству и убожеству!— „Подумаешь, какая милость Божія!—Не давно „на Московской дорогѣ въ одной деревнѣ былъ „приходской праздникъ.—Я по обѣщанію туда „таскался, и ѣхала въ Питеръ какая-то мо„лодинькая Барыня, ни какъ еще Графиня! „—Да такая милостивая! Она словно Ваше „Благородіе, пожаловала мальчишкѣ денегъ, „да еще приказала поднесть его къ себѣ, „изволила его поцѣловать, и примолвила: „*Молись за меня Богу старичокъ! — Я Богъ „дастъ поѣду назадъ, нарочно здѣсь остано„влюсь и тебѣ привезу гостинецъ.*—Пошли ей „Господи всѣ благое!—Однако она такая была „томная! — Видно у ней что ни на есть на „сердце!—Богъ милосердъ!—Христосъ съ вами „Баринъ!“—Постой, прервалъ я, вотъ тебѣ еще 25 рублей.—„За что Ваше Благородіе! —

„Помилуйте, такъ ужъ будетъ много!—Куда „мнѣ?“—Нѣтъ возьми, возьми и ни слова болѣе служивой! Такъ эта Графиня молодая, ты говоришь, была томна? — Однако вѣдь здорова, ходитъ? — „А что, Ваше Благородіе, „видно она вамъ знакома, да ужъ не Барыня „ли ваша?—Здорова сударь кажется, ходитъ „Христосъ съ нею!...“ Ну Богъ съ тобой старичокъ.—Простите Ваше Благородіе.—Онъ сталъ привязывать санки къ поясу, а между тѣмъ говорилъ: „Теперь я долго милостыни „просить не буду!—Счастливъ ты птенецъ „мой родимой!—Поѣдемъ-ко мы съ тобою къ „заутренѣ, впащу я тебя въ церковь, опи„крою тебя предъ Господомъ, свѣчку опъ „младенца Спасителю поставлю.“ — Старикъ пошелъ изъ избы и всѣ продолжалъ говорить что-то—Я остался одинъ!

Чудное созданіе думалъ я самъ въ себѣ! Ты и тутъ встрѣчаешся со мною, и услаждаешь грусть мою! — Надобно же, чтобъ я, и въ настоящемъ случаѣ, твоею же цѣною, и твоимъ же подобіемъ возвысилъ цѣну горестной моей жизни! — Чтобъ я, помогая нищетѣ, и тутъ отыскалъ слѣды твои, и раздѣлилъ бы твое горе!—Надобно же, чтобъ нищій меня на твой счетъ и успокоилъ и утѣшилъ!—И чтобъ сиротствующій безсловесный младенецъ соединилъ взаимное наше

къ нему состраданіе!—Какой во мнѣ покой!—Какая даль *) прелестная! — Страждущій человѣкъ! Послушай: когда въ сердцѣ твоемъ умолкнетъ стонъ, и оно въ страданіи замретъ! — Когда, тихій, но ѣдкій ядъ печали начнетъ снѣдать душевныя твои силы, послушай, не считай еще себя погибшимъ! — Знаешь ли кто за тебя вступится? — Сироты, немощныя, убогія, они сосшавятъ воинство твое, и порывы отчаянія, на тебя летящаго, остановятъ. — Нѣтъ, я не паду! —Гдѣ бездны?—Гдѣ смерть?—Дыханіе мое исполнено любовію, въ безпредѣльной любви я раздѣлюсь, и несмѣтныя частицы развязаннаго, развлеченнаго существа моего вознесутся наконецъ къ тому неизмѣримому источнику, котораго животворная сила безчисленные міры и производитъ и хранитъ!—....

P. S. Я здѣсь заслалъ почту изъ Москвы, въ Архангельскъ идущую; тутъ можетъ быть есть ко мнѣ письма! — Но какъ я получу ихъ? — Я какъ нарочно всѣ далѣе и далѣе отъ того, что мнѣ дорого!—Упросилъ я почталіона отдать это письмо Почтмейстеру въ Архангельскѣ, который къ тебѣ его отправитъ. Чудный случай заставилъ

*) Перспектива.

меня написать къ тебѣ о нищемъ!— О другъ мой! Раскаяніе меня угрызать начинаетъ!...

Этотъ почтальонъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что по слухамъ, тѣ которые клялись въ смертоубійствѣ, (о чемъ помнишь я къ тебѣ писалъ особо) прощены и будто велѣно ихъ обвѣнчать. — Слава Богу, что милость Монаршая и въ сельской глуши свѣтится, и оживотворяетъ смиренныхъ деревенскихъ жителей!—Дѣйствительно, одна милость Государя, а не законъ, можетъ разрѣшать такіе случаи. — Слава Богу! — Прости, лошади готовы!

№ 31.

ФЕВРАЛЯ 9-го.

Вотъ, мой другъ, я и въ Петербургѣ! Я готовъ въ адъ. — Нѣтъ силы, могущей меня успокоить!—Ни времени, ни обстоятельствъ, ни отдаленности, ни препятствій не знаю. — Какая-то хитрая злоба заставила меня пожелать быть тайнымъ свидѣтелемъ той казни, какую предположилъ я, что Графиня мнѣ приготовлять будетъ. — Я хотѣлъ видѣть собственными глазами, какъ въ шумныхъ забавахъ, въ кругу искусной, и развратной молодости, разрушается прекрасное созданіе и какъ притворство, сладострастіе, суетное честолюбіе, похищаютъ прелести красоты природной! — Но съ тѣхъ поръ, какъ старикъ нищій меня образумилъ сказавъ, что она грустна, (и видно очень грустна, что замѣтилъ то человѣкъ въ первый разъ ее видящій) всѣ замыслы мои изчезли! И какъ я могъ подумать! — О какое злое, какое недостойное я животное!

Тебя ли Ангелъ добрый дерзнулъ я поставить на череду такую, гдѣ стоятъ тысячи, и своего имени не стоятъ? — Прости мнѣ душа прекрасная! — Я не допущу тебя миловать преступника, я самъ себя истязать буду; — я здѣсь, не хочу чтобъ ты меня видѣла. — Стою ли я коварный такого чистаго наслажденія?..... Ты грустишь, ты страждешь; а я тебя видѣть буду, и тайно страданіемъ твоимъ мои страданія размножу. — До самаго дна буду выцивать горькую мою чашу и тебѣ не оставлю ничего! — Всю выпью до капли!

Мой другъ, я не ожидаю здѣсь твоихъ писемъ, да мнѣ ихъ и не надобно, мнѣ ничего не надобно, ничего! — кромѣ одного кипящаго ощущенія въ сердцѣ, и слава Богу! — Какъ она послѣднее письмо мое получитъ! Я злодѣй написалъ его въ столицу прямо! — Можетъ быть она уже его и получила! — Я не смѣю о себѣ помыслить, не смѣю обратиться къ молитвѣ! — Я не знаю, буду ли я писать къ тебѣ. — Не безпокойся, естьли ты ничего обо мнѣ не услышишь! — Безъ удара, смертельнаго ядра ожидать не льзя!

№ 32.

ФЕВРАЛЯ 12-го.

Она занемогла тяжело, она занемогла вдругъ, Богъ знаетъ, что такое! — Она... Естьли я ничего не напишу, это будетъ значить... Нѣтъ, не хочу думать!... Разумъ, красота, сердце, жизнь! что вы такое?—Не уже ли можетъ червь?..Нѣтъ не хочу думать!...

№ 33.

ФЕВРАЛЯ 14-го.

Слава Богу, сердечной мой! — Ей легче, жаръ унялся. — Сего дня приказано для перемѣны воздуха вывесть ее въ другую комнату, тамъ легла она на диванѣ, и съ часъ уснула!

Она живетъ въ домѣ дяди своего, но совсѣмъ въ особомъ отдѣленіи. — Люди, на лицахъ которыхъ написано горе, увидѣвъ меня и обрадовались и удивились. — Я ихъ просилъ обо мнѣ не сказывать, и такъ просилъ ихъ, что имъ проговориться не льзя.

Въ тотъ самый благодѣтельный часъ, какъ она почивала, я вошелъ въ ея комнату. Ахъ мой другъ! — Что я почувствовалъ! — Сердце мое какъ будто распалось на части! — У ея постели стоитъ столикъ, на которомъ поставленъ маленькой ея образъ, а подлѣ него всѣ мои письма. — Я хотѣлъ пронять ихъ; мнѣ сказали, что до этихъ бу-

магъ никому она не позволила прикасаться.— Другъ мой! тутъ какъ будто какой голосъ закричалъ внутри меня: поди, поди злодѣй, пріими казнь раскаянія! Смотри, чѣмъ она и въ послѣднихъ издыханіяхъ своихъ услаждаетъ люту̀ю болѣзнь, и грусть свою! — Ты ввелъ смерть въ ея сердце; а она въ тебѣ же ищетъ своей жизни, своего благополучія! — Она объята пожирающимъ огнемъ, и въ немъ съ усмѣшкою изчезаетъ! — Губитель Ангела свѣта, гори же самъ и не сгарай!

Въ такихъ мучительныхъ ощущеніяхъ, я припалъ цѣловать подушки ея постели. — Не помню, какъ вышелъ, не помню, кто меня вывелъ! — Опомнился я въ сѣняхъ на лавкѣ, подлѣ меня стоитъ горнишная ея дѣвка, держитъ стаканъ воды и говоритъ мнѣ сквозь слезы: успокойтесь родной мой! Графинѣ *вашей* ей-Богу будетъ легче.— Я вошелъ въ себя: какъ ты говоришь *вашей*? . .
— Надѣлъ шляпу, и ушелъ!

№ 34.

ФЕВРАЛЯ 15-го.

(Въ сосѣдственной горницѣ.)

Несносной день! — Ей тяжеле! — Низехонько надъ головою моею летаетъ смерть! — Вчера дядя ея былъ безпрестанно у ея постели; сего дня онъ ее видѣть не можетъ! — Я отъ зари до самой полуночи сижу или въ трактирѣ, которой тутъ подлѣ, или въ сосѣдственной горницѣ, — тутъ она увидѣть меня не можетъ; тутъ иногда слышу я, что̀ она говоритъ, а иногда горничная дѣвка выходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что̀ дѣлается: она всю ночь стонала; сего дня по утру призвала ее и посадила, взглянула на нее томно и сказала: „*Ахъ Аннушка какъ мнѣ тяжело!*“ — Спросила, нѣтъ ли къ ней писемъ? — Дядя ея приказалъ письма отдавать себѣ, доколѣ Графинѣ будетъ лучше.

„Скажи дядюшкѣ, что мнѣ легко довольно, и что бы онъ письма пожаловалъ мнѣ прислалъ.“

Дядя самъ принесъ письма, и не смѣя ее безпокоить больше, вышелъ въ другую комнату. —Она посмотрѣла надписи, — между прочими выбрала одну, — чрезвычайно обрадовалась, — поцѣловала письмо и какъ будто ожила, — распечатала, лишь начала читать, вдругъ перестала, заплакала, — опять начала читать, опять перестала, — вступилъ въ лице жаръ! — Она стремительно сѣла, начала дѣвушку при ней стоящую кликать, какъ будто бы ее тутъ не было. — Вошелъ дядя ея, а она безпрестанно кликала свою дѣвку, потомъ ее узнала, и только что и говорила: „*скажи Аннушка, что я сдѣлала?*“— Между тѣмъ то плакала, то перечитывала письма, то стонала, письмо сжала въ руку, обернулась на другую сторону, забылась. — Чрезъ нѣсколько минутъ проглянула, увидѣла дядю ея стоящаго у постели. — „Не без„покойтесь дядюшка, я не могла себѣ пред„ставить.... Нѣтъ, не то я хочу сказать, „коли мнѣ будетъ лучше, отправьте меня „въ Малороссію, — я не гожусь у васъ въ „Петербургѣ.“—Вдругъ стала распрашивать о Сибири, о тамошнемъ климатѣ, какъ туда почта ходитъ; опять спрашивала у дяди: „что она сдѣлала?—И какъ ей быть? и чѣмъ бы ей успокоиться?“ — Между тѣмъ тосковала, рвалась, металась, очень тяжело взды-

хала, наконецъ замолкла, иолько по временамъ вскрикивала: „Какъ подумаешь?“..... Что я сдѣлала?.... Дядя ея вышелъ въ слезахъ.....Послалъ за Докпіоромъ.

Докпіоръ еще не отчаивается.—Пустили ей кровь.

Въ туже ночь

(Въ сосѣдственной горницѣ.)

Она въ тоскѣ и въ жару непрестанномъ, всіо съ себя мечетъ!

Не ужели Ангелъ добрый не услышу я болѣе твоего голоса?.... Давно меня нѣсколько шаговъ отъ тебя отдѣляютъ! — О горькая участь! — А часто такое разстояніе обширнѣе пространства, раздѣляющаго сѣверъ отъ полудня! Пропасть бездонная! Нѣсколько шаговъ! — А одно непримѣтное дыханіе отдѣляетъ небесный міръ отъ земнаго!..... Но я не отойду отъ дверей твоихъ, душа страждущая!—И естьли жадная смерть бросится на мое сокровище, я тутъ.—Пусть, пусть я преступникъ буду первою ея пищею!— ... Какой протяжной стонъ!

Вышла Аннушка: „слава Богу сударь!—Она „пришла въ память, привстала, отдала мнѣ „смятое письмо, приказавъ его теперь со„хранить; а потомъ, коль скоро ей будетъ

„легче, отдать обратно,— замолчала и засну-„ла!“

Вотъ то ядовитое орудіе, съ которымъ пошелъ я на жизнь ея! — Било два часа по полу-ночи. — Таинственная тишина и ужасъ меня окружили!—Я шатался въ отчаяніи по комнатѣ, совѣсть меня мучила, я готовъ былъ . . . но издыхающая надежда еще меня остановила; въ бродящихъ размышленіяхъ моихъ положилъ я написать къ ней какъ будто изъ Архангельска. — Можетъ быть, я ее успокою!—По крайней мѣрѣ облегчу, можетъ быть, немилосердую мою совѣсть!

Ахъ мой другъ!—Казнь совѣсти есть самая злѣйшая казнь въ свѣтѣ! — Нѣтъ ей ни въ чемъ подобія!—Самое раскаяніе тщетно!—Оно безъ добрыхъ дѣлъ только что умножаетъ огненный гнѣвъ ея!

Блаженъ кающійся поставившій себя ниже послѣдняго въ мірѣ, и лобызающій подъятую руку на пораженіе всѣхъ прелестей его жизни!—Тогда только развѣ утихнутъ угрызенія!—А я какъ отыщу покой въ душѣ моей? . . .

Февраля 16-*го*.

По утру въ 9-ть часовъ.

Ей вчера кровь пустили, она проснулась, жаръ сегодня меньше, она въ памяти! — Я

отдалъ коротенькое мое письмо Аннушкѣ съ тѣмъ, чтобъ она въ пристойное время отдала его Графинѣ.—Она попросила бумаги и чернилицу, начала что-то писать, залилась слезами, и продолжать не могла.—Аннушка уговаривала ее, чтобъ она не плакала.—„*не знаешь ты . . . . и хорошо, что ты не знаешь!*—Опять начала писать, сложила письмо, стала какъ будто покойнѣе, приказала при себѣ его запечатать и отдала письмо съ тѣмъ, чтобъ Аннушка отправила его по надписи.

Между тѣмъ Аннушка сказала, что она имѣетъ письмо къ ней.—„*Покажи мнѣ его.*“ Увидѣвъ мою руку, выхватила она письмо, въ минутной радости поцѣловала его; но потóмъ горько разсмѣялась, почувствовала ознобъ! и безпрестанно твердила въ полслова: „не смѣю... Я опять буду виновата,..не „смѣю,... возьми Аннушка это письмо на„задъ, мнѣ что-то тяжело, оставь его у себя до времени.“ — Отвернулась къ стѣнѣ. — Вошелъ дядя,.... она его не видала. Лежала тихо, онъ вышелъ. — Докторъ сказалъ, что волненіе въ ней еще сильно.

Письмо ея было надписано къ тебѣ мой другъ въ Малороссію, съ тѣмъ, чтобъ ты вложенное доставилъ мнѣ.

Вотъ что она писала:

„Другъ мой! ты первый заставилъ ме„ня почувствовать, что жизнь моя не мнѣ „принадлежала. — За чѣмъ ты первый ее „сокращаешь?—Естьли я чѣмъ только вино„ватa предъ тобою, что я исполнила волю „благодѣтеля моего, то могло ли чѣмъ пере„мѣниться мое сердце? — Прости мнѣ, тебя „завело пламенное твое воображеніе, и я пра„во на тебя не сѣтую, и сѣтовать не мо„гу. — Я кажется такъ тебя понимаю! — „Болѣзнь меня изнурила, мой другъ!—Мечта„тель нещастный! — Ты Богъ знаетъ что „мыслишь; а я хочу, чтобъ ты зналъ, что „дыханіе мое напитано тобою, что въ этомъ „наслажденіи самая смерть мнѣ нестрашна. „— Гдѣ ты жестокой человѣкъ? — Къ кому „я обращаюсь? — Когда я получу твои пись„ма? — Но что я спрашиваю? — Я и же„лать того не смѣю!“

Я, какъ ты видишь, всѣ тебѣ описываю подробно, и чего больше? — Самымъ покойнымъ образомъ переписалъ тебѣ слово отъ слова всѣ письмо ся. — Каждая ея черта огненною чертою почернѣла у меня въ сердцѣ; а со всемъ этимъ я какъ-то питаюсь моими страданіями и ими утоляюсь. — Мой другъ! не велико еще то мученіе, которое извлекаетъ стонъ!

Въ вечеру.

Ей слава Богу лучше, жаръ ея уменшился и привелъ ее въ несказанную слабость. — Она спросила письмо у Аннушки, глядѣла на него долго, и какъ будто не смѣла его распечатать, но рѣшилась наконецъ, и прочитавъ нѣсколько строкъ.... — *Ну слава Богу!* —выговорила: *теперь я отдохну.—Дайте мнѣ отдохнуть Аннушка.*—Долго она была одна— въ комнатѣ очень было тихо!—Потóмъ кликнула она опять дѣвку, которая нашла ее довольно веселою, съ заплаканными однако глазами!—Опять попросила бумаги и написала вотъ что:

„Милой другъ мой!—Ты меня спасъ отъ „смерти. — Я получила письмо твое. — Не „оскорбляйся такъ собою, береги себя, мнѣ „лучше, осталась одна слабость. — Долголь „тебѣ мечтать сумазбродный, что можно „не любить тебя? — У меня нѣтъ ничего на „сердцѣ, чтобъ могло тебя потревожить.— „Я совершенно щастлива тобою.—Не могу я „писать больше, а желала бы тебя увѣрить, „что не ты одинъ много любить умѣешь!— „Я скоро ѣду въ Малороссію и тамъ тебя „ожидаю.“

*

№ 35.

ФЕВРАЛЯ 20-го.

Она воскресаетъ! Ей всякой день лучше.— Я точно тотъ, кто послѣ продолжительнаго обморока открываетъ глаза. — Нервы мои въ такомъ раздраженіи, что я сталъ неприкосновененъ, бездѣлица можетъ испугать меня, малѣйшая пріятность заставляетъ плакать; двухъ, трехъ тоновъ согласныхъ слышать равнодушно не могу.—Я чувствую какое-то волненіе, отъ котораго безпрестанно тороплюсь и самъ не знаю куда.— Кажется не страдаю, а безпокоенъ.—Чувствованія мои уподобляются горячей ранѣ на воздухѣ открытой!

Суди, мой другъ, о нетерпѣніи моемъ видѣть моего прекраснаго Ангела! Но я еще рѣшиться не смѣю. — Голова моя освобождаясь постепенно отъ смертоноснаго угара начинаетъ соображать обстоятельства. — Я на этихъ дняхъ явлюсь къ своему Министру, котораго много почитаю за то, что онъ человѣкъ.—Устрою такъ, чтобъ онъ познако-

милъ меня съ дядею Графини.—Прости мой сердечный, я много писать не могу, да и не знаю о чемъ писать, сердце у меня какъ будто изсохло, и какъ цвѣтокъ увядшій только что оживать начинаетъ.

№ 36.

ФЕВРАЛЯ 25-го.

Какое я счастливое твореніе!—Она предполагая меня въ Архангельскѣ, ко мнѣ написала! — Вотъ тебѣ слово отъ слова всѣ письмо ея. — Милой мой другъ, скажи мнѣ, кого не воскреситъ ея сердце? ... Теперь остается тебя друга моего видѣть въ Петербургѣ, и какъ можно поскорѣе, — ты можетъ будешь свидѣтелемъ. — Нѣтъ! увѣриться еще не смѣю ...

Списокъ съ письма:

Отъ 24 Февраля, С. Петербургъ.

„По мѣрѣ той, какъ начали возвра-
„щаться ко мнѣ силы, сердце мое стало
„оживать тобою, другъ мой добрый! — Мы-
„слить о тебѣ ежеминутно есть величай-
„шее въ жизни моей наслажденіе, истинная
„пища! — И для того каждое мгновеніе вос-
„кресающей жизни моей я посвящаю тебѣ. —
„Ты одинъ ее составилъ, тебѣ одному при-
„надлежатъ всѣ ощущенія моего сердца.

„Два года послѣ несчастія я похожа „была на тѣ растѣнія, о которыхъ никто „изъ людей не печется. — Сердце мое изли„валось на предметы неодушевленные. Я „любила столикъ подлѣ меня стоящій. Лю„била ручеекъ быстротою меня занимаю„щій. — Любила тотъ камень, у котораго я „быть привыкла, любила всю, по тому „что благо каждаго предмета меня весели„ло. — Чудно тебѣ покажется, не занимали „меня одни молодые люди! — Я можетъ „быть ошибаюсь, но я думаю, что они во„обще упрашили то къ намъ женщинамъ „почтеніе, ту нѣжность, которыя такъ „любезны, а отъ того сами стали непри„влекательны! —Обращеніе съ женщиной по„рядочной имъ тягостно, а женщинѣ вдвое „безпокойно.

„Когда твой другъ и *мой* съ тобою ме„ня познакомилъ, я заключила, что ты „человѣкъ глубокой чувствительности по „тому, что ты былъ мраченъ, нелюдимъ, „до крайности щекотливъ въ разговорахъ, „и молчаливъ. — Казалось, что къ твоему „благополучію надобны только степь и лѣсъ!

„Не посѣтуй на меня другъ мой, что я „такъ не выгодно на твой щетъ ошиб„ваюсь: ты самъ знаешь лучше меня, что „есть люди, которые съ перваго взгляда

„очень нравятся, а тамъ что далѣе, то „меньше; точно такъ, какъ безъ прямаго „достоинства въ талантѣ, музыка, или жи„вопись, или стихотворство, — прослуша„ютъ, поглядятъ, прочтутъ, и полно. На„противъ того есть другіе люди, не плѣ„няющіе скоропостижно; но что̀ далѣе про„должается знакомство съ ними, тѣмъ бо„лѣе они къ себѣ привлекаютъ. — Это бри„ліанты въ коркѣ. — И такъ не сѣтуй же „ты на меня мой сердечный!

„Я поведу исповѣдь мою далѣе:

„Такимъ образомъ съ начала моего зна„комства съ тобою, ты мнѣ не только не „казался пріятнымъ, но я даже какъ будто „бы тебя боялась.

„Одинъ случай обратилъ вниманіе мое „въ твою пользу. — Помнишь ли, какъ я на „горкѣ разливала чай? Ты такъ любовался, „какъ я надѣляла гостинцами крестьянскихъ „моихъ ребятъ! — Такъ вслушивался, какъ я „распрашивала о больныхъ! — Такъ краснорѣ„чиво говорилъ со мною, такъ на меня „взглянулъ проницательно, что сердце у „меня забилось!

„Тутъ я увидѣла, что не одна степь, „и не одинъ лѣсъ могутъ составить твое „благополучіе; — но тутъ же я твердо поло„жила, изслѣдовать себя въ каждомъ біеніи

„сердца, и дала себѣ крѣпкое слово, не пре-
„даваться всему тому, что меня прельщало.—
„Прости мнѣ другъ мой, я тебя никогда не
„знавала, могла ли я поступить иначе? —
„Съ каждымъ днемъ однако я какъ будто
„становилась иная! — Я уже начала примѣ-
„чать, когда ты занимался мною, и когда
„нѣтъ. — Я начала чувствовать какую-то
„безъ тебя скуку! — Какую-то пустоту! —
„Разсужденія твои при всякомъ случаѣ со-
„глашали меня и съ умомъ твоимъ, и съ
„сердцемъ!

„Мой другъ! Мы женщины вообще похо-
„жи на тѣхъ безсильныхъ животныхъ, ко-
„торыя до тѣхъ поръ храбры, пока не ви-
„дятъ ихъ побѣдителя; но лишь таковой
„имъ встрѣтится, вся разница между упо-
„добленіемъ и истиною состоитъ въ томъ,
„что между животными безсильныя отъ
„сильныхъ бѣгутъ; а мы напротивъ того,
„къ мущинамъ же прилѣпляемся, — и тутъ,
„нѣкоторыя изъ насъ хитрымъ коварствомъ
„и разными прихотями отправляютъ жизнь
„своего покровителя; а другія отличаются
„безпрестаннымъ усердіемъ къ тому, кто
„въ комъ положилъ свое счастье.

„Такъ-то видно и со мною! — Я нико-
„гда не забуду ни той прогулки при лун-
„номъ сіяніи по берегу рѣки, гдѣ ты упоялъ

„меня сладостнымъ изрѣченіемъ любезной „души твоей, гдѣ я какъ очарованная каж„дымъ твоимъ словомъ восхищалась!—Не за„буду той грусти, съ которою увидѣла я „тебя у ручья подъ дубомъ въ задумчивости „сидящаго *сторожемъ невинности*, какъ ты „самъ себя назвалъ! — Вотъ мой другъ, какъ „памятны первыя впечатлѣнія! — Что мо„гло укрѣплять меня въ силахъ? — Самая „жизнь какъ будто противъ меня ополчи„лась; и ночи мои спали длинны, и сонъ „мой сталъ безпокоенъ, и день казался мнѣ „только при тебѣ веселъ, — и цвѣтники „мои всѣ сдѣлались постылы, и музыка на„водила одно на меня уныніе. — Я безпре„станно думала, и сама не знала о чемъ, „безпрестанно тревожилась сердцемъ, а не „понимала откуда такое волненіе! — Ты „жестокой человѣкъ! ты казалось весь по„кой у меня отнялъ! — Работаю ли я, а ты „идешь? — Я невольно провожаю тебя глаза„ми. — Кличетъ ли меня кто, я иногда не „слышу. — Словомъ во мнѣ всѣ слилось въ „одну мысль, и я непримѣтно сама не своя „стала!

„Ахъ мой другъ! сколько въ такомъ „случаѣ вы мущины счастливѣе насъ жен„щинъ!

„Кто можетъ осудить васъ, когда вы „стараетесь привлечь предметъ вами люби- „мый? — Кто опорочитъ молодаго человѣка, „когда онъ съ должною скромностію, въ са- „мыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ объясняетъ „женщинѣ привязанность, увеличивающую ея „достоинство и славу? — Другъ мой! я тебѣ „признаюсь чистосердечно: возгордилась я „съ тѣхъ поръ, какъ ты меня избралъ въ „сопутницы твоей драгоцѣнной жизни! — Но „какія надобны мнѣ были силы, чтобъ ино- „гда воздержать, или скрыть слезу трепе- „щущую въ глазахъ моихъ! — Какъ мнѣ было „тяжело! — Какъ мучительно мнѣ было ка- „заться равнодушною, когда каждое твое „слово извлекало изъ меня душу!

„Будучи въ такомъ положеніи, я хотѣ- „ла еще болѣе убѣдиться въ моей привязан- „ности, и потому пожелала твоей со мною „разлуки; не оскорбись мой сердечный, я по „свойству твоему видѣла, что тебѣ надо- „бно было такое сердце, которое бы одною „любовію дышало, и разсыпало бы пламен- „ный свѣтъ свой на всѣ обстоятельства „твоей жизни; а мнѣ всіо казалось, что я „тебя любила мало! — Я очень понимала, что „никто не можетъ быть увѣренъ въ пер- „вомъ впечатлѣніи, на всю ли жизнь оно со- „вершается или нѣтъ, знала и то, что въ

„людяхъ съ прямымъ достоинствомъ, пвер-
„дость въ правилахъ замѣняетъ иногда сер-
„дечное чувство, но сохрани Богъ, естьли
„бы тебя въ такомъ положеніи я увидѣла!—
„Знавала я людей такъ живущихъ и смер-
„тно опасалась имъ уподобиться!—Я примѣ-
„тила, что когда сердце молчитъ, тогда
„соединенная жизнь двухъ людей одними пра-
„вилами пристойности, превращаетсяво вза-
„имное рабство.—Не увидишь между ими ни
„неудовольствія, ни ссоры, они покойны, но
„и самый покой ихъ по холодности своей
„непріятенъ. — Живучи въ одномъ домѣ ка-
„ждый изъ нихъ живетъ въ углу особомъ; у
„каждаго свои особенныя дѣла, особенныя
„свои удовольствія; они другъ друга не по-
„нимаютъ, одинъ бѣжитъ къ другому съ ка-
„кою нибудь сердечною радостію, а другой
„не токмо не раздѣляетъ радости, но и не
„примѣтитъ, что она къ нему стремилась!—
„Что нравится одному, отъ того другой
„отходитъ, для того только, чтобъ не объ-
„яснить своего несогласнаго мнѣнія! — Сло-
„вомъ: такая чета живучи вмѣстѣ, всегда
„розно, и хотя такъ живутъ нынѣ большею
„частію всѣ отличные модные люди: но,
„мой другъ, тебя бы такое положеніе умер-
„твило! — Я всѣ это знала, и вотъ причи-
„ны, по которымъ налагала я на себя тяж-

„кое страданіе, утѣшаясь тѣмъ токмо, что „я привязанность мою испытаю, и можетъ „быть съ большимъ достоинствомъ тебя „по разлукѣ встрѣчу.

„Въ сихъ видахъ я дала почувствовать „другу твоему, что твое поведеніе стано„вится нѣсколько для меня безпокойно, и по „тому просила его, что бы ты на время „насъ оставилъ. — Надобно мнѣ было однако „не погасить въ тебѣ и моей и твоей на„жды, и для того я требовала, чтобъ ты „ко мнѣ писалъ, и тебя просила принять „должность стихотворца.

„Ахъ мой другъ! не знала я, на что рѣ„шилась; я не знала еще, что такое разлу„ка; не знала, что она истинную привязан„ность только что раздражаетъ! — Не зна„ла, что такое мгновеніе безъ того, чѣмъ „дышишь! Ты уѣхалъ! — Представь себѣ мой „сердечный, я долго плакать не могла, я бро„дила какъ сумасшедшая! — Всѣ примѣтили „во мнѣ перемѣну, я безпрестанно уединя„лась и искала безпрестанно тѣхъ мѣстъ, „гдѣ я тебя видала; а тутъ, пустая иног„да нечаянность, незначущій случай, мрачную „мою чувствительность умножали! — При„шла я однажды къ тому дубу, гдѣ ты об„махивалъ младенца, тутъ какъ нарочно по„падись мнѣ спящая на солнцѣ змѣя, вотъ я

„и положила, что по этому предзнаменова-
„нію ты меня оставилъ. — Чрезъ нѣсколько
„времени на томъ мѣстѣ, гдѣ мы съ тобою
„гуляли, на берегу рѣки, убило человѣка гро-
„момъ, а я тотчасъ вообразила, что ты от-
„чаянно боленъ! — Тысячи подобныхъ пус-
„тыхъ призраковъ меня тревожили. — Одни
„твои милыя письма, одни они на нѣкото-
„рое время меня оживляли!

„Изъ твоихъ писемъ, и изъ твоихъ сти-
„ховъ я тебя понимала, мой сердечный другъ!
„— И твои восклицанія противу зимы! и
„видѣніе любви въ тѣхъ цвѣтахъ, которые
„я къ тебѣ отправила, и письмо къ другу
„твоему, всѣ̀ меня питало. — Но одно пись-
„мо твое ввело меня въ новую жизнь, кото-
„рую оцѣнила я выше всего въ мірѣ! Я по-
„чувствовала всю цѣну любви твоей, и тутъ
„уже я положила, каждое мгновеніе жизни мо-
„ей употребить въ твой покой и въ твое
„удовольствіе.

„Пріѣхала я наконецъ въ Петербургъ;
„тутъ я получила жестокое письмо твое,
„и признаюсь тебѣ, въ первый разъ увѣри-
„лась .... Я виновата мой другъ, это было
„на минуту, прости мнѣ, я на тебя не сѣ-
„тую, всѣ̀ слава Богу прошло, я выздорав-
„ливаю, и утверждаюсь ежечасно въ памя-
„тныхъ словахъ, читанныхъ мною въ письмѣ

„твоемъ: *твердая душа, на которую впечатлѣнія ложатся съ стрѣлѣніемъ огненнымъ, „громовымъ, времени не покоряется. — Трещина въ калинѣ не заплываетъ никогда.* — „Вотъ тебѣ, мой другъ вся моя исповѣдь. — „Ты во мнѣ на минуту усумнился, а я тебѣ „объяснила и чувствованія мои и виды, съ „которыми я поступала. — По этому ты „видишь, что ты у меня всѣ въ жизни! — „Я умру твоею, суди о нетерпѣніи моемъ „тебя видѣть!

„Пріѣзжай мой другъ, пріѣзжай поскорѣе. „— Я тебя ознакомлю съ дядею моимъ; онъ „человѣкъ добрѣйшій, и надѣюсь, и твои и „мои обстоятельства, то есть: лучше ска„зать *наши* обстоятельства, къ взаимному „счастію устроимъ.

„Богъ съ тобою, дай тебѣ Богъ здоро„вья.—Въ Архангельскѣ у васъ холодно, бере„ги себя, мой другъ! — Твое здоровье уже не „твое.“

№ 37.

ФЕВРАЛЯ 27-го.

Я вчера научилъ Аннушку сказать Графинѣ, что она во снѣ видѣла, будто я пріѣхалъ.—Аннушка мнѣ сказала: что Графиня разсмѣялась, вздохнула, задумалась, ничего не сказала, а спросила только, отправилаль она послѣднее письмо на почту?

Она вчера проѣзжалась. — Сего дня съ письмомъ отъ Министра я былъ у ея дяди. — Онъ принялъ меня весьма вѣжливо, и показался мнѣ человѣкомъ твердымъ и немоднымъ. — Сказалъ мнѣ между прочимъ: „*что онъ радъ будетъ служить со мною, для того, что кажется ему я человѣкъ правомыслящій и чувствъ благородныхъ.*“ Я сумазбродный! человѣкъ правомыслящій!

Надобно же, чтобъ такъ случилось.— Старикъ былъ потóмъ у Графини, и не зная, что я ей знакóмъ, говорилъ ей между разговорами, какъ я ему понравился, какъ онъ обо мнѣ давно наслышался и какъ онъ доволенъ, что во мнѣ пріобрѣтетъ себѣ сотрудника.

Графиня, какъ мнѣ пересказывала Аннушка, въ первомъ мгновеніи не много смѣшалась, но встала вновь, ходила по горницѣ въ большемъ нетерпѣніи, потомъ сѣла и сказала Аннушкѣ: представь себѣ, онъ здѣсь! — Да какъ это могло случиться? — Слышала ль ты? — Онъ здѣсь. — Гдѣ же онъ живетъ? — Какъ же онъ не побываетъ Аннушка! — Я право ничего понять не могу! Что это со мною дѣлается? — Тутъ Аннушка разсказала ей, какъ я давно въ Петербургѣ, какъ я во всю время болѣзни былъ тутъ. — Что же ты мнѣ объ этомъ давно не сказала? — Ахъ Боже мой! какой это человѣкъ чудный!.... Да что жъ здѣсь?—Вышла опять въ ту горницу, гдѣ былъ дядя ея, и начала говорить съ нимъ рѣчь постороннюю.

Старикъ очень озаботился увидя въ ней перемѣну, уговарилалъ ее, чтобъ она проѣзжаться погодила, и уверждалъ, что точно отъ того у ней опять въ лицѣ жаръ показался.

№ 38.

ФЕВРАЯ 28-го.

Мой другъ! — Сего дня я ее видѣлъ, сидѣлъ возлѣ.—Спѣшу тебѣ сказать .... Чтобъ почта не ушла! .... я говорилъ съ нею.—И Богъ знаетъ отъ чего, ничего сказать я не успѣлъ, вспомнилъ обо всемъ, какъ съ нею разстался. —Мой другъ! Ангелъ она небесный! — Я говорилъ съ нею ... Она почти здорова. — Не успѣю, ... прости.—Забылъ, что сего дня почта, ... сердце изъ меня какъ будто вылетѣть хочетъ .... Людей моихъ дома нѣтъ, самъ побѣгу съ письмомъ.

№ 39

МАРТА 2-го.

Пріѣзжай мой другъ сердечный, посмотри на меня, какъ я щастливъ! — Посмотри, что такое щастливое твореніе на землѣ! Пусть безцѣнная душа твоя исполнится удовольствіемъ отъ единаго благодѣянія истекающимъ!

Третьяго дня сказала Графиня своему дядѣ, что я ей человѣкъ давно знакомый. — Она благодарила его за доброе ко мнѣ расположеніе, и просила позволенія меня ему представить. — Она успѣла высказать, какихъ я великихъ дарованій человѣкъ, какъ я уменъ, какъ я знающъ, словомъ, какое я чудо изъ чудесъ!

Надобно тебѣ знать, что старикъ дядя ея человѣкъ очень умный, и вообще съ сердцемъ человѣческимъ знакóмъ. — Въ той похвалѣ, какую Графиня обо мнѣ дѣлала, въ словахъ ея, въ лицѣ, . . . онъ нѣчто открылъ.— Взглянувъ на Графиню усмѣхнулся, и съ хитрымъ видомъ ей сказалъ: „*гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ другое дѣ-*

ло! Ну — чему быть, тому не миновать. — Такъ ли мой больной человѣкъ? "... Графиня крѣпко поцѣловала у него руку.

Марта 3-го.

Сегодня я пріѣхалъ къ Графинѣ. — Нашелъ тутъ одного дядю съ нею. — Она ему меня представила. Старикъ обратился ко мнѣ съ такою вѣжливостію! съ такимъ въ глазахъ краснорѣчіемъ! — онъ въ нѣсколькихъ словахъ сказалъ мнѣ такъ много, что я взглянувъ на Графиню, и увидѣвъ въ ней тужe мысль, то-же рѣшительное чувство, бросился къ нему на колѣни и руку его прижалъ къ моей груди! — Съ другой стороны Графиня послѣдовала моему движенію; старикъ оцѣпенѣлъ. — Друзья мои сказалъ онъ: я васъ совершенно понимаю. — Встаньте и сядьте подлѣ меня, какъ подлѣ вашего истиннаго друга. — Богъ расположилъ вами, вы независимы, откровенность вашу принимаю я опытомъ дружескаго расположенія. — Надобно ли вамъ какое пособіе? — Какая услуга? Я готовъ. Надобно ли, чтобъ этого обстоятельства никто еще не зналъ? — Я буду молчать. Хотите ли, чтобъ я обвѣстилъ васъ какъ жениха съ невѣстою? Я тотчасъ это сдѣлаю.

Племянница меня знаетъ давно, и меня любитъ. А ты молодой человѣкъ сталъ мнѣ

и близокъ, и дорогъ. Позвольте мнѣ старику откровенно сказать вамъ слова два при,— Не поскучайте мною друзья мои: когда наша братья старики кого любятъ, то намъ всегда кажется, что при значущемъ случаѣ надобно поученіе тѣмъ, кто сбирается жить въ свѣтѣ. — Это естественно! — Проживъ долгое время, многому научили насъ опыты, а кого любишь, тому хочется передать ихъ уроки заранѣе, потому что встрѣча съ самими учителями стóитъ иногда самой жизни!

Вы безъ дальнихъ мірскихъ разчетовъ послѣдовали сердечнымъ вашимъ внушеніямъ, и дѣло сдѣлали.—Есть пословица: *сердце человѣка и крушитъ и лелѣетъ.* Въ настоящемъ вашемъ положеніи благополучіе несомнѣнно.— Вы другъ друга любите, вамъ и жить вмѣстѣ. —Дѣло теперь въ томъ, чтобъ на всю жизнъ остаться любовниками. Вамъ можетъ быть рѣчь моя стара покажется, да правда никогда не старѣетъ.—Что бы не расхолодить, не ушрашить настоящаго вашего благополучія, надобно непремѣнно оставаться тѣмъ, чѣмъ вы нынѣ, и тутъ нѣтъ никакого посредства. Какіе же есть на это способы? Есть друзья мои извѣстные, и весьма простые; только они забыты; а гдѣ не забыты, тамъ мало имъ слѣдуютъ. — Нынѣ думаютъ на

примѣръ: что мужу съ женою непристойно сидѣть другъ возлѣ друга; ѣздить въ одномъ экипажѣ; у жены должно быть знакомство одно, у мужа другое; у жены одна половина въ домѣ, у мужа другая, и проч. Изъ этаго что выходитъ? Отъ раздѣльной жизни, непримѣтно раздѣляются впечатлѣнія, чувства, сужденія, удовольствія; непримѣтно каждый будетъ чувствовать, разсуждать не вмѣстѣ уже съ своимъ товарищемъ, а особо. — Отвыкнетъ человѣкъ говорить другому, что у него на сердцѣ,—Онъ непримѣтно отъ него удалится, по тому что не будетъ чувствовать надобности быть съ нимъ. — И наконецъ, одинъ будучи по наружности другому близокъ, въ самомъ дѣлѣ сдѣлается ему чужой. — Вы мои друзья живите иначе, и вы по времени узнаете, что я говорилъ истинну. Не таите совершенно ничего другъ отъ друга, ни по нѣжности, ни по пристойности, ни по нуждѣ, и горе, и радость въ жизни должны вы чувствовать вмѣстѣ. — Дѣлите всѣ между собою, дѣлите каждое впечатлѣніе, каждое чувство, каждую мысль. — Такимъ только образомъ одному будетъ скучно жить безъ другаго; а обоимъ будетъ такъ весело, какъ только можетъ быть весело на землѣ. Ахъ друзья мои! лучше подъ громомъ, въ нищетѣ и нуждѣ быть съ другомъ, нежели въ

солнечныхъ лучахъ, въ богатствѣ, и знатности, быть одному:

Вотъ всѣ, что я хотѣлъ сказать вамъ. Оно коротко и ясно.—Отецъ Графини, братъ мой былъ мнѣ другъ совершенный. — Я не могъ вамъ не сказать того, что бы при такомъ случаѣ покойный сказалъ вамъ самъ.

Тутъ старикъ всталъ, поцѣловалъ насъ обоихъ, и повелъ къ себѣ.

И такъ поздравь меня, я женихъ! — Я женихъ Графини! — Пріѣжай мой сердечный! —Тебя одного нѣтъ съ нами.

№ 40.

МАРТА 15-го.

Я не зналъ какъ мнѣ въ первый разъ принять въ домъ того Ангела, который меня оживилъ и жизнь мою украсилъ. — Принять и угостить щастье есть въ самомъ дѣлѣ не шутка! Случай такой могъ бы озаботить первѣйшіе умы въ свѣтѣ! — Суди же какъ я былъ безпокоенъ! — Тутъ однако часто, и почти всегда, сердце краснорѣчивѣе ума. — Я положилъ слѣпо ему повиноваться, и думалъ, что всякую неудачу заменитъ усердіе,

Наконецъ я рѣшился, и сказалъ Графинѣ, что я зову съ нею, и родныхъ нашихъ и знакомыхъ, и дѣлаю баликъ, на которомъ можно быть и въ маскерадномъ платьѣ.—Насталъ назначенной вечеръ:

Какъ къ труднику Богъ свѣта сходитъ,
И въ низку хижину съ собой,

Въ лучахъ небесныхъ радость вводитъ,
Такъ домъ весь освѣтился мой!
Висящи бронзы и кристалы
Огнистымъ свѣтомъ оживляли
Цвѣточны вязи по стѣнамъ!
Съ златыхъ курильницъ по мѣстамъ,
Носились облака прозрачны!
Взошли незапно въ окна мрачны
Сквозные виды лѣтнихъ дней! —
Тамъ Этна громомъ окруженна
Стоитъ средь огненныхъ зыбей!
Кидаетъ горы въ дымъ сгущенный,
Кипучи камни льетъ рѣкой! —
Тамъ солнечный восходъ весенній! —
Тамъ виды пристани морской! —
Въ сторонней комнатѣ одной
Раскинулся лѣсокъ шумливой!
Тутъ луна ночь!—ручей игривой!
И пышный бархатный диванъ!
Въ дали чуть слышится органъ! —

Въ другихъ, какъ Солнцы засвѣтились!
Меандры огненны крутились
У живописныхъ потолковъ!
По мыслямъ роскоши всевластной
Раскинулись тафта и штофъ,

Въ которыхъ съ хитростью прекрасной
Межъ стрѣлъ покоилась любовь!
Прозрачны кисеи и шали,
Восточной нѣги грозной щитъ!
Туманомъ легкимъ покрывали
Убранствъ различныхъ стройный видъ! —
Въ горѣ кристальной, искрометной
Источникъ крылся непримѣтно,
Гдѣ щастье жажду утолитъ!
Проворна челядь золотиста,
Внимательно стоитъ въ дверяхъ;
Толпами хоры голосисты
Приказы ловятъ на глазахъ!

На праздникъ щастью посвященный
Вмѣстился въ домъ мой цѣлый міръ!
Края природой отдаленны
Какъ будто сблизились на пиръ!
Арапы и Мунгалы
Сыны пылающихъ степей
Изображали Царство южныхъ дней

Лапландцы, Камчадалы
Сердитый сѣверъ представляли!
Лѣсъ пальмовой казался въ сторонѣ;
Тамъ Солнца храмъ на вышинѣ

Изображалъ востокъ веселый
Близъ храма, на горѣ сидѣли
Въ различныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Златой Перувіи народы! —
Въ краю противномъ, видъ природы
При погасающихъ лучахъ,
Представилъ западъ на волнахъ!

Такъ былъ расположенъ праздникъ до пріѣзда сердечнаго моего гостя. Хозяина видно не было, да и не было въ немъ нужды. — Мнѣ всегда казалось, что встрѣтить и принять щастье къ смертному въ домъ, есть прямое дѣло любви, — такъ и расположено было.

Лишь только пріѣхала Графиня, *любовь* выбѣжала къ ней на встрѣчу, припала предъ ней на колѣни. — Графиня удивилась. — Любовь сказала: *не бойся! это я.* — Взяла ее за руку и повела въ домъ.

Вошли: музыка и хоры загремѣли. Любовь, показывая подвластныя ей края свѣта, ввела ее въ обширную залу, гдѣ не было ни какой роскоши, и гдѣ множество людей различнаго рода, цвѣта, и возраста, бесѣдовали и прохаживались. Тутъ слышны были хоры

особые. — Лишь только Графиня спросила, что такое поютъ; Любовь поднесла ей слѣдующіе стихи:

Здѣсь сельскія картины
Прекрасны простотой,
И самыя пустыни
Одѣты красотой!
Здѣсь нищій и богатый,
И царь и рабъ ровны!
Здѣсь тигры полосаты
Къ стадамъ пріучены.
Къ одной рѣкѣ журчащей
Пить идутъ конь со львомъ!
Орелъ въ лучахъ парящій
Изъ лапъ не мечетъ громъ!
Здѣсь сѣверъ съ солнцемъ помирился,
Востокъ здѣсь съ западомъ живутъ!
Не здѣсь ли вѣкъ златой родился?
Любовь не царствуетъ ли тутъ?—

Въ залѣ сдѣлано было возвышеніе убранное цвѣтами въ видѣ амфитеатра. — Оно прикасалось къ двумъ деревьямъ отъ одного корня растущимъ! — На деревьяхъ видна была надпись: *любовь здѣсь щастіе вѣнчаетъ.* — Коль скоро Графиня по слѣдамъ любви на возвышеніе вступила, любовь съ дерева воз-

ложила на нее миртовой вѣнокъ. — Тутъ обстали всѣ вокругъ амфитеатра, хоры съ музыкою продолжались. Увѣнчанное щастіе безпрестанно меня искало, безпрестанно обо мнѣ спрашивало, наконецъ новое явленіе обратило ся вниманіе:

Въ свѣтлой залѣ сей просторной,
Вдругъ изъ двери боковой,
Входитъ страшный Левъ покорно! —
Мальчикъ смѣлый, боевой,
Безъ сѣдла на немъ спесиво
Ѣхалъ бариномъ верхомъ;
Ленточкой одной игриво
Правилъ онъ звѣрей царіемъ!
Грива львиная златая
До земли вилась въ волнахъ;
Страсть видна была живая
Въ взорахъ, гдѣ сверкалъ лишь страхъ!
Вершникъ витяземъ одѣтый
Скрылъ младеческія лѣты
Въ оперенный пестрый шлемъ!
Рашный мечъ въ ножнахъ цвѣточныхъ
Чрезъ плечо висѣлъ на немъ!
Панцырь во звѣздахъ полночныхъ
Солнечнымъ свѣтился днемъ!
Кудри черныя крутились

Вкругъ прекрасной головы;
Щеки пышныя гордились,
Что цвѣли въ огнѣ Любви!
Тихій свѣтъ зари веселой
Разливался на устахъ! —
Въ сайдакѣ свѣтились стрѣлы!
Рѣзвость крылася въ глазахъ.
Осаписть звѣрь, косматый, грозный,
Лишь только вкругъ людей шагнулъ,
Съ него, какъ вихрь молніеносный,
Удалый рыцарь въ мигъ спорхнулъ.
Махнулъ!
И величавый призракъ львиный
Изчезъ какъ дымъ, какъ паутина!
Явилась колыбель!
Изъ ней крылата дѣвушка прекрасна,
Гражданка всѣхъ подсолнечныхъ земель,
Которую досель
Судьбою всѣ зовутъ всевластной,
Одѣтая жемчужнымъ облачкомъ
Вспрянула вѣтеркомъ!
Такъ бабочка въ дни лѣтни, ясны,
Проснувшись въ теремѣ златомъ
Подъ розовымъ кустомъ
На крылышкахъ своихъ блестящихъ
Невинну радость юныхъ лѣтъ,

Къ царицѣ всѣхъ цвѣтовъ несетъ. —
Вспрянула красота, на диво предстоящихъ.
Тутъ рыцарь на ухо шепнулъ ей свой приказъ.
Красавица тотчасъ
Разсыпавъ быстры взоры
На всѣ нарядные узоры
Сидящихъ вкругъ людей,
Узрѣла миртовой вѣнокъ на ней!
Судьба почтительно шутъ къ гостьѣ приступила
И на колѣно ставъ, при всѣхъ ей подарила
Щастливый жребій брачныхъ дней!

Тутъ и я откуда ни взялся, поздравилъ Графиню! — Почтенный дядя ея подошелъ къ намъ обоимъ, племянницу взялъ за руку, а меня обнявъ дружески, примолвилъ: ты правъ, другъ мой, *одна сила любви щастливую судьбу производитъ.* И сложа наши руки *Богъ съ вами,* сказалъ: *будте благополучны!* — Графиня какъ очарованная бросилась ко мнѣ, слезы радости ея наполнили душу мою восторгомъ.

Волшебство миновалось. — Начался обыкновенной балъ. — Милая и прекрасная невѣста моя требовала, чтобъ я нашему празднику сдѣлалъ описаніе и къ тебѣ его отправилъ. — Я исполняю ея приказаніе; а отъ себя нѣсколько словъ тебѣ примолвлю и такихъ,

которыя ты не разъ уже отъ меня слышалъ, другъ мой! истинны наслышаться не не льзя. И такъ я тебѣ повторяю и во всю жизнь мою повторять буду, что: *любить есть высочайшее благо на землѣ.*

Великое щастіе человѣку, какъ Богъ пошлетъ ему въ пути жизни, другаго человѣка по сердцу!

Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается.

КОНЕЦЪ.

Н 11 884

Deacidified using the Bookkeeper proc
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologi
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVAT
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111